

BBC

Элизабет  
Таскелл

# СЕВЕР и ЮГ

КЛУБ  
СЕМЕЙНОГО  
ДОСУГА

Элизабет Гаскелл

**Север и Юг**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1855

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)

**Гаскелл Э.**

Север и Юг / Э. Гаскелл — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1855

ISBN 978-617-12-0964-0

Джон Торнтон – молодой преуспевающий промышленник из северного Милтона. С юных лет он занят созданием и развитием своей хлопковой империи. Нелегкие жизненные обстоятельства сделали его жестоким и холодным. Однако сердце волевого мужчины оттаяло после знакомства с прекрасной Маргарет. Сурового северянина Джона покорила женственная и добрая, но гордая и своенравная южанка. Ответит ли она взаимностью этому вульгарному выскочке?

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-617-12-0964-0

© Гаскелл Э., 1855  
© Книжный Клуб «Клуб Семейного  
Досуга», 1855

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 13 |
| Глава 3                           | 18 |
| Глава 4                           | 25 |
| Глава 5                           | 32 |
| Глава 6                           | 40 |
| Глава 7                           | 44 |
| Глава 8                           | 49 |
| Глава 9                           | 55 |
| Глава 10                          | 58 |
| Глава 11                          | 63 |
| Глава 12                          | 68 |
| Глава 13                          | 72 |
| Глава 14 Мятеж                    | 77 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 80 |

# **Элизабет Гаскелл**

## **Север и Юг**

© BBC, 1996

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,  
2016

\* \* \*

## Глава 1

### Спешные приготовления к свадьбе

*Поухаживал, женился – вот и вся история.*  
*Александр Росс*

– Эдит! – тихо окликнула Маргарет. – Эдит!

Но, как она и подозревала, Эдит погрузилась в сон. Уютно устроившись на софе в малой гостиной особняка, стоявшего на Харли-стрит, она выглядела великолепно в своих синих лентах и белом муслине. Если бы Титания, королева фей и эльфов, надела белое платье с синими лентами и прилегла на софу, обитую темно-красным дамастом, ее было бы не отличить от Эдит. Маргарет вновь поразились красотой своей кухни. Они с детства росли вместе, и каждый человек в их окружении неизменно отмечал миловидность Эдит, но Маргарет не обращала на это внимания до нескольких последних дней, когда перспектива скорой разлуки с любимой подругой усилила очарование и все достойные качества, которыми та обладала.

Они говорили о свадебных платьях и церемониях, о капитане Ленноксе и о том, что он рассказывал Эдит об их будущей жизни на Корфу, где располагался его полк. Кузина сожалела, что вряд ли сможет поддерживать фортепьяно в настроенном виде (неприятность, которую Эдит, очевидно, считала самой страшной из тех, что могли приключиться в ее замужней жизни). Затем речь зашла о платьях, необходимых ей для поездки в Шотландию, куда они собирались отправиться сразу после свадьбы. Постепенно голос Эдит начал затихать, стал более сонным, и через несколько минут Маргарет с улыбкой обнаружила, что, несмотря на шум в соседней комнате, Эдит, свернувшись в мягкий калачик из муслина, лент и шелковых локонов, погрузилась в спокойный послеобеденный сон.

Маргарет хотела рассказать кухне о мечтах и планах, взлелеянных для своей будущей жизни в сельском доме родителей, куда она приезжала лишь на светлые праздники, поскольку последние десять лет жила в особняке тети Шоу. Однако собеседница уснула, и ей, как часто прежде, пришлось безмолвно размышлять о переменах в своей жизни. Это были радостные мысли, хотя и слегка окрашенные сожалением из-за разлуки на неопределенное время с милой тетушкой и дорогой кухней. Пока она с умилением думала о важных обязанностях единственной дочери в доме хелстонского приходского священника, до нее доносились обрывки фраз из соседней комнаты. Там после званого обеда тетя Шоу развлекала пять-шесть дам, чьи мужья задержались в столовой. То были близкие знакомые – соседи, которых миссис Шоу называла друзьями просто потому, что ей доводилось обедать с ним чаще, чем с другими людьми. И так уж сложилось, что, если тете хотелось что-то от них или им от нее, они без стеснения заходили друг к другу в дом перед ланчем.

Этих господ пригласили на прощальный обед в честь предстоявшей свадьбы Эдит. Поначалу невеста возражала против такого мероприятия, поскольку ее жених, капитан Леннокс, обещал приехать этим вечером на последнем поезде. Но, будучи избалованным ребенком, она оставалась слишком беспечной и ленивой, чтобы настаивать на своем. Мать уговорила ее, заказав для торжества всевозможные лакомства, которые, как правило, всегда одолевали чрезмерную печаль невест на подобных прощальных обедах. Тем не менее Эдит почти не притронулась к еде. Она выглядела мрачной и рассеянной, пока все присутствующие радовались островам мистера Грея – джентльмена, который на обедах у миссис Шоу всегда сидел на дальнем конце стола. Именно он попросил Эдит сыграть им на фортепьяно. На этом прощальном обеде мистер Грей был настолько остроумен и хорош, что джентль-

мены задержались в столовой дольше обычного, благодаря чему у женщин завязался оживленный разговор, отрывки которого Маргарет удалось подслушать.

– Мне многое пришлось терпеть в замужестве. Я была вполне счастлива в браке с моим дорогим генералом, но все же разница в годах создавала помехи. Поэтому я решила, что Эдит не должна столкнуться с чем-то подобным. Конечно, даже без учета материнского пристрастия я предвидела, что мое дитя выйдет замуж в раннем возрасте. И, поверьте мне, я часто говорила, что она вступит в брак еще раньше, чем ей исполнится девятнадцать лет. Мой пророческий талант не подвел меня, и когда капитан Леннокс...

Ее голос понизился до шепота, но Маргарет легко восполнила пробел в потоке слов. Процесс искренней любви у Эдит протекал довольно гладко. Миссис Шоу, как она сказала, положила на свои предчувствия и даже настояла на браке, хотя многие друзья семейства прочили для юной и красивой наследницы более удачную партию. Однако миссис Шоу заявила, что ее единственная дочь вольна вступать в брак по любви (при этих словах она печально вздохнула, намекая, что данное чувство не являлось ее мотивом при выходе замуж за почтенного генерала). Можно сказать, что она наслаждалась романтикой помолвки больше, чем ее дочь. Конечно, Эдит была влюблена в капитана. Но она скорее предпочла бы хороший особняк в Белгравии, чем ту тревожную и увлекательную жизнь на Корфу, о которой рассказывал ее жених.

Его истории, так сильно воспалявшие воображение Маргарет, приводили Эдит в нервный трепет – во-первых, из-за удовольствия от нежных уговоров своего возлюбленного и, во-вторых, из-за нежелания менять налаженный быт на кочевую жизнь. Однако, приди к ней другой поклонник – владелец красивого дома, знатного имени и высокого титула, – она не поддавалась бы искушению и осталась бы с капитаном Ленноксом, хотя, наверное, позже переживала бы приступы плохо скрываемого сожаления, оттого что ее суженый не обладал подобными желаемыми реквизитами. В этом отношении она была истинным ребенком своей матери, которая, пойдя на обдуманный брак с генералом Шоу (без каких-либо возвышенных чувств, кроме уважения к его личности и социальному положению), постоянно, хотя и тихо, оплакивала свое нелегкое существование с тем, кого не любила.

Через некоторое время Маргарет услышала продолжение разговора.

– Я не буду экономить на ее приданом. Она получит все красивые шарфы и индийские шали, которые дарил мне генерал. Я ведь все равно не буду их носить.

– Она счастливая девушка, – прозвучал другой голос, который, как знала Маргарет, принадлежал миссис Гибсон – леди, питавшей к беседе особый интерес, поскольку одна из ее дочерей всего лишь две недели назад вышла замуж. – Хелен мечтала получить в подарок индийскую шаль. Но, узнав, какую непомерную цену запросили за эту вещь, я отказала дочери. Теперь, услышав о ваших индийских шалях, она будет сильно завидовать Эдит. А какого они вида? Это те, что из Нью-Дели? С красивой маленькой каймой?

Маргарет снова услышала голос тети. Похоже, миссис Шоу приподнялась с кушетки и повернулась к затемненному входу в малую гостиную.

– Эдит! – позвала она. – Эдит, ты слышишь?

Затем она замолчала, будто утомившись от усилий. Маргарет вышла из комнаты в зал.

– Ваша дочь уснула, тетя Шоу. Могу ли я чем-то помочь?

При этих словах все леди сочувственно запричитали: «Бедное дитя!» Их шумная вспышка жалости разбудила маленького мопса, дремавшего в руках миссис Шоу. Собачка начала лаять.

– Тише, Тини! Испорченная девочка! Ты разбудишь свою хозяйку. Маргарет, дорогая, я хотела отправить Эдит к Ньютон с просьбой принести нам шали. Может, ты сходишь к ней?

Маргарет поднялась в старую детскую, расположенную на верхнем этаже. Теперь здесь хозяйничала Ньютон. Служанка проверяла кружева, необходимые для свадьбы. Пока

Ньютон с ворчанием доставала из шкафа индийские шали – за этот день их показывали гостям четыре или пять раз, – Маргарет с грустью осматривала комнату, вспоминая, как девять лет назад ее привезли в Лондон (можно сказать, прямо из леса), чтобы сделать компаньонкой по играм и урокам для кузины Эдит. В этой темной, типичной для Лондона детской заправляла аскетичная манерная няня, которая придирчиво следила за чистотой их рук и опрятностью платьев. Здесь же состоялось ее первое чаепитие – отдельно от отца и тети, обедавших где-то внизу под бесконечными лестничными пролетами. По ее наивной логике, она находилась наверху, то есть на небе. Значит, взрослые обедали внизу, в самых недрах земли. Дома – до того, как она переехала в особняк на Харли-стрит, – гостиная служила ей детской комнатой, в которой она проводила много времени, и Маргарет всегда обедала и завтракала вместе с родителями.

Но хорошо ли воспитанной и гордой восемнадцатилетней девушке вспоминать горькие слезы разлуки, пролитые маленькой девятилетней девочкой, в ту первую ночь прятанной свое лицо под одеялом? Няня велела ей не плакать: ведь она могла разбудить и расстроить мисс Эдит. Однако Маргарет рыдала еще сильнее, пусть и тише, до тех пор, пока ее величественная и милая тетя не поднялась наверх, чтобы показать мистеру Хейлу его маленькую дочь. И тогда она, проглотив рыдания, притворилась спящей. Маргарет боялась огорчить отца своими безутешными слезами и показать их тете. Было неправильно вести себя так после долгих надежд и планов, которые они лелеяли дома, прежде чем ей подобрали гардероб, соответствующий знатному окружению, и прежде чем папа смог оставить на несколько дней свой приход, чтобы отвезти ее в Лондон.

С той поры она успела полюбить детскую комнату, хотя сейчас ее переделали в помещение для прислуги. Маргарет снова осмотрелась вокруг. Мысль о том, что через три дня она должна была покинуть дом тети, пробудила в ней мягкое сожаление.

– Ах, Ньютон, – сказала она, – я думаю, мы все будем с тоской вспоминать эту милую комнату.

– Может, кто и будет, мисс, но только не я. Мои глаза уже не так хороши, как в молодости, а освещение здесь плохое, поэтому для починки кружев мне приходится сидеть у окна. Там всегда ужасный сквозняк – такой, что можно околеть от холода.

– Надеюсь, что в Неаполе вам хватит и тепла, и света. И штопать, наверное, придется не меньше, чем здесь. Спасибо, Ньютон. Я сама отнесу их вниз. Вы же заняты.

С наслаждением вдыхая пряный запах шалей, Маргарет спустилась в большую гостиную. Так как Эдит еще спала, тетя попросила ее на себе продемонстрировать великолепие индийских нарядов. Никто, конечно, не сказал об этом, но высокая и стройная Маргарет, облаченная в черное шелковое платье, которое она носила как траур по дальнему родственнику, поразила всех своей красотой. Яркие пестрые шали, брошенные на плечи девушки, ниспадали длинными изящными складками, подчеркивая ее фигуру. На Эдит они смотрелись бы не так рельефно. Маргарет молча стояла под люстрой и послушно выполняла указания тети. Во время одного из поворотов она случайно увидела свое отражение в зеркале над каминной полкой – знакомые черты в обрамлении наряда восточной принцессы. Ей нравилось носить такие дорогие вещи. С довольной улыбкой на губах она погладила шаль, радуясь, как ребенок, ее мягкой фактуре и яркой расцветке.

И тут открылась дверь. Слуга объявил о прибытии мистера Генри Леннокса – брата жениха. Некоторые леди отступили назад, словно устыдившись своего женского интереса к нарядам. Миссис Шоу, протянув руки, направилась к вошедшему гостю. Маргарет неподвижно стояла под люстрой, не зная, нужны ли еще ее услуги в качестве манекена для показа индийских шалей. Весело глядя на мистера Леннокса, девушка не сомневалась, что он благодетельно относится к той смехотворной ситуации, в которой она невольно оказалась.

Ее тетя была поглощена беседой с мистером Ленноксом, который по неким причинам не смог прибыть к обеду. Она расспрашивала его о брате и сестре (та приехала по данному случаю вместе с капитаном из Шотландии), а также о других членах их семейства. Маргарет подумала, что надобность в ее услугах отпала, и принялась развлекать остальных гостей, о которых тетя Шоу на время забыла. К тому моменту из малой гостиной, моргая и шурясь от сильного света, вышла невеста. Поправляя сбившиеся локоны, она выглядела как Спящая красавица, пробудившаяся от долгого сна. Очевидно, сквозь дремоту она услышала голос Генри и заставила себя проснуться, так как ей хотелось расспросить о дорогой Жанет, будущей свояченице, которую Эдит пока еще не видела, но уже безмерно любила. Кузина говорила о ней так восторженно, что Маргарет, будучи очень гордой, едва сдерживала проснувшуюся в ней ревность к внезапно появившейся сопернице.

Прислушиваясь к беседе, которую вела тетя Шоу, Маргарет заметила, что Генри Леннокс несколько раз посмотрел на стул, стоявший рядом с ней. Она поняла, что, как только Эдит закончит свои расспросы, он займет это место. Из утренних рассуждений тети Шоу относительно планов Генри Леннокса она сделала вывод, что он вряд ли сможет приехать на званый обед. Поэтому его появление стало для нее сюрпризом. И теперь она рассчитывала на приятный вечер. У них с Генри было сходство взглядов на многие вещи. Ее лицо окрасилось легким румянцем. Вскоре он подошел, и Маргарет встретила его с улыбкой, в которой не было даже намека на робость или застенчивость.

— Я вижу, все собравшиеся дамы погружены в женские дела. Это так не похоже на мои повседневные занятия юриспруденцией. Примерка шалей очень отличается от составления посмертных завещаний.

— О, я представляю, как вы удивились, застав нас за любованием столь пышными нарядами. Но индийские шали совершенны в своей красоте.

— Я не сомневаюсь, что они красивы. Их цены, кстати, тоже высоки. Посмотришь на них, и отпадает всякое желание приобретать такие дорогие вещи.

В гостиную один за другим начали входить джентльмены. Шум голосов усилился.

— Это ваш последний званый обед, не так ли? До четверга их больше не будет?

— Да. Думаю, после этого вечера мы сможем отдохнуть, чего я не делала уже несколько недель, по крайней мере не будет спешных дел и беготни. Все приготовления к свадьбе закончены. Осталось лишь томление для сердца. Наконец-то у меня появится время для размышлений. И я уверена, что Эдит тоже будет рада покою.

— Не знаю, как насчет вашей кухни, но вы действительно будете рады. Когда бы я ни встретил вас в последнее время, вы тут же исчезали в вихре забот о какой-нибудь другой особе.

— Да, — печально согласилась Маргарет, вспоминая бесконечные тревоги по пустякам, которые длились уже больше месяца. — Интересно, неужели свадьбе всегда предшествует такая суеда, которую вы сравнили с вихрем, или в иных случаях возможна более спокойная и тихая подготовка к торжеству?

— Вы имеете в виду случай, подобный тому, что произошел с Золушкой, крестная мать которой наколдовала приданое, свадебный стол и пригласительные письма? — засмеявшись, произнес мистер Леннокс.

— А нужны ли вообще все эти хлопоты? — спросила Маргарет, глядя джентльмену прямо в глаза.

Неописуемая усталость от всех приготовлений, которыми Эдит, как верховная власть, занималась последние шесть недель лишь для того, чтобы произвести хорошее впечатление на приглашенных гостей, давила на Маргарет тяжелым бременем, и ей действительно был нужен собеседник, который мог бы порадовать ее приятными и светлыми идеями о браке.

– Конечно, – ответил мистер Леннокс, переходя на более серьезный тон, – люди соблюдают современные формальности и выполняют церемонии не столько для собственного удовольствия, сколько для того, чтобы закрыть рты сплетникам, недовольным умеренностью некоторых свадеб. А как бы вы устроили свое бракосочетание?

– О, я никогда не думала об этом! Мне только хотелось бы, чтобы оно проходило прекрасным летним утром и чтобы мы шли в церковь под сенью деревьев. Еще я обошлась бы без множества подружек и свадебного застолья. Смею сказать, что я настроена против тех ненужных формальностей, которые в последнее время так сильно осложняли мою жизнь.

– Я не знал, что вы такая! Идея величавой простоты изумительно подходит вашему характеру.

Его слова не понравились Маргарет. Он уже не раз пытался завести с ней беседу о ее характере и привычках и при этом не скупился на лестные замечания. Воспоминания о подобных случаях насторожили ее. Она быстро прервала его речь:

– Мне приятнее думать о пешем шествии к хелстонской церкви, чем о поездке в экипаже по мощеной улице к какому-нибудь лондонскому собору.

– Расскажите мне о Хелстоне. Вы никогда не описывали его достопримечательности. Мне хотелось бы получить какое-то представление о том, где вы будете жить, когда дом по адресу Харли-стрит, 96 будет выглядеть тусклым, скучным и безлюдным. Хелстон – это поселок или город?

– О, это просто деревня! Не думаю, что могу назвать его поселком. Там находится церковь, вокруг которой располагаются дома... скорее коттеджи. А во всех садах цветут розы!

– И они цветут круглый год. Особенно на Рождество. Сделайте вашу фантазию полной.

– Нет, – немного раздраженно ответила Маргарет, – я не фантазирую. Я пытаюсь описать вам Хелстон таким, какой он есть. Вы не должны так шутить.

– Я раскаиваюсь, – произнес Генри Леннокс. – Только, судя по вашим словам, это деревня из сказки, а не из реальной жизни.

– Так оно и есть, – с жаром заявила Маргарет. – Все другие места в Англии, которые я видела после Нью-Фореста, кажутся грубыми и прозаичными. Хелстон похож на деревню из стихотворений Теннисона. Но я больше не буду описывать его. Если я поделюсь своими мыслями о нем и расскажу, как он красив на самом деле, вы будете смеяться надо мной.

– Клянусь, не буду! Однако я вижу, что вы можете быть непоколебимой. Расскажите мне хотя бы о том, как выглядит дом приходского священника.

– О, я не в силах описать его. Это мой дом, и никакие слова не передадут его очарования.

– Я покоряюсь вашему упрямству. Вы сегодня слишком строгая, Маргарет.

– Неужели? – воскликнула она, взглянув на него своими большими глазами. – Я не замечала этого за собой.

– Ну, сами посмотрите! Я сделал неудачное замечание, и вы тут же отказались рассказать, как выглядит Хелстон. Мне очень хотелось услышать рассказ о вашем доме, но вы и словом о нем не обмолвились.

– Я действительно не смогу описать вам мой дом. И пока вы не увидите его, все, что я скажу, останется лишь пустыми фразами.

– Тогда мне придется...

Между ними повисло молчание.

– Ладно, – продолжил Генри Леннокс, – расскажите, что вы будете делать в своем миле Хелстоне? Здесь до середины дня вы читали книги, получали уроки и совершенствовались ваш ум другими способами. Затем были прогулки перед ланчем, вы проводили время с вашей тетей и вечерами занимались рукоделием. А что заполнит ваш день там? Вы будете скакать на лошади, кататься по лугам в коляске или гулять пешком?

– Конечно же, пешком! У нас нет лошади... даже для папы. Ему приходится ходить по узким тропинкам до самых дальних участков прихода. Но пешие прогулки так прекрасны! Я не променяла бы их на верховую езду и катание в коляске.

– Вы будете работать в саду? Мне говорили, что так поступают многие юные леди, живущие в сельской местности.

– Не знаю. Боюсь, мне не понравится такая грубая работа.

– Значит, вечеринки со стрельбой из лука, пикники, веселые игры в шары и охотничьи балы?

– О нет! – засмеявшись, ответила Маргарет. – Мои родители живут очень скромно. И даже если бы такие мероприятия проводились где-нибудь рядом с нами, я вряд ли ходила бы на них.

– У меня сложилось впечатление, что вам не очень-то хочется отвечать на мои вопросы. Вы говорите лишь о том, что не собираетесь делать того или этого. Перед окончанием отпуска мне придется нанести вам визит и посмотреть, какими делами вы будете там заниматься.

– Надеюсь, вы действительно приедете. Тогда вам станет ясно, насколько красив наш Хелстон. Извините, мне пора идти. Эдит собирается играть на фортепьяно, и я должна буду переворачивать страницы нот. Кроме того, если мы продолжим разговор во время музицирования, тете Шоу это не понравится.

Эдит играла великолепно. В середине произведения все услышали скрип двери, и Эдит увидела капитана Леннокса, нерешительно остановившегося на пороге гостиной. Девушка тут же перестала играть и бросилась к нему, предоставив право смущенной и покрасневшей Маргарет объяснить изумленным гостям причины столь стремительного бегства. Вероятно, капитан Леннокс приехал раньше, чем ожидалось. Или на самом деле было так поздно? Гости посмотрели на часы, удивились тому, как быстро пролетело время, и стали расходиться по домам.

Сияющая от удовольствия Эдит вернулась в гостиную, немного робко, но вместе с тем гордо ведя за собой высокого красивого капитана. Генри пожал ему руку, после чего миссис Шоу приветствовала жениха дочери в своей радушной манере, которая всегда сопровождалась неким заунывным оттенком, возникшим от долгой привычки считать себя жертвой неравного брака. Теперь, когда генерал умер, она была поставлена в тупик, поскольку ее прежняя показная печаль казалась уже бессмысленной. Поэтому миссис Шоу обеспокоилась своим здоровьем, которое стало источником ее плохих предчувствий. Как только она начинала думать о нем, у нее появлялся нервный кашель. К счастью, какой-то любезный доктор предписал ей то, чего она так долго желала, – зимний отдых в Италии. У миссис Шоу, как и у других людей, имелось множество страстных желаний, но ей не нравилось делать что-то, руководствуясь простыми и открытыми мотивами собственной воли. Она предпочитала, чтобы ее вели к удовольствиям по принуждению, а вернее, по указанию или желанию какой-нибудь другой особы. Она убеждала себя, что подчинялась грубой внешней необходимости, и поэтому позже могла жаловаться на свою судьбу, хотя на самом деле все время делала лишь то, что ей нравилось.

Именно в такой манере она и начала рассказывать капитану Ленноксу о ее намечавшемся путешествии в Италию. Тот, связанный долгом и уважением, соглашался со всем, что говорила будущая теща, но его глаза постоянно искали Эдит, которая занималась подготовкой чайного столика и давала распоряжения служанкам насчет различных лакомств, хотя жених заверил ее, что два часа назад он пообедал в поезде.

Мистер Генри Леннокс стоял, прислонившись к каминной полке, и с улыбкой наблюдал за этой семейной сценой. Он был похож на своего красивого брата, но считался обладателем самой неброской внешности в их миловидной семье. Тем не менее его умное и подвижное

лицо сияло интеллектом, и время от времени Маргарет гадала, о чем он думает, сохраняя молчание и с саркастическим интересом поглядывая то на Эдит, то на нее. Естественно, его сарказм был вызван беседой миссис Шоу с его братом, а интерес относился к совсем другой волнующей сцене. Ему нравилось наблюдать за двумя кузинами, занятыми сервировкой чайного столика.

Эдит решила взять все хлопоты на себя. Невеста была рада показать жениху, как хорошо она может справляться с обязанностями офицерской жены. Обнаружив, что вода для чая успела остыть, она велела принести большой кухонный чайник. В результате, когда Эдит встретила служанку в дверях и попыталась понести чайник к столу, он оказался несколько тяжелым для нее. Вновь отдав его служанке, она посмотрела на черное пятно сажи, появившееся на муслиновом платье, и отпечаток деревянной рукоятки на пухлой белой ладони, а затем, недовольно надув губы, словно поранившийся ребенок, она показала их капитану Ленноксу. И конечно, утешение для обоих случаев последовало незамедлительно. Спиртовая конфорка, быстро разожженная Маргарет, оказалась более эффективным средством, хотя она и не вполне отвечала идее о кочевом лагере, который Эдит в своих мыслях считала ближайшим подобием жизни в солдатских бараках. После этого вечера последовали новые спешные приготовления, в конце концов завершившиеся пышной свадьбой.

## Глава 2

### Розы и шипы

*Сквозь мягкий зеленый свет на лесной прогалине,  
По миистым кочкам, где играло твоё детство,  
К высокому дереву у дома, через крону которого твои глаза  
Впервые и с любовью посмотрели на летнее небо.*

**Фелиция Хеманс**

Маргарет, снова одетая в траурное платье, возвращалась в Хелстон вместе с отцом, который приезжал на свадьбу. Ее мать осталась дома по множеству мелких причин, ни одна из которых не была бы понята никем, кроме мистера Хейла. Дело в том, что все его аргументы в пользу серого атласного платья, застрявшего на полпути между новизной и старостью, оказались неприемлемыми. Миссис Хейл сказала ему, что раз у него не хватает денег на новую одежду для жены – причем от макушки до кончиков пальцев на ногах, – она не хочет появляться на свадьбе ребенка своей единственной сестры. Если бы миссис Шоу догадалась о реальной причине ее отсутствия на свадьбе, она осыпала бы миссис Хейл ворохом новейших нарядов. Но с тех пор, как миссис Шоу была бедной мисс Бересфорд, прошло почти двадцать лет и она успела забыть все прежние беды, кроме тех неприятностей, которые возникали от неравенства в возрасте при замужней жизни. О них она могла говорить через каждые полчаса. А ее дорогая сестра Мария вышла замуж за мужчину своего сердца, с добрейшим характером и иссиня-черными волосами, так редко встречавшимися в наши дни. И, главное, он был всего лишь на восемь лет старше ее!

Миссис Шоу считала мужа своей сестры одним из самых очаровательных служителей церкви, о которых она когда-либо слышала. Просто идеал приходского священника! Возможно, ей не хватало логики в своих умозаключениях, когда она думала об участии сестры, но для ее рассуждений были характерны следующие две фразы: «Дорогая Мария вышла замуж по любви. Что еще она может желать в этом мире?» Миссис Хейл, осмелюсь она сказать правду, могла бы ответить ей огромным списком, в который были бы включены серебристо-серый гладкий шелк, белая дамская шляпка, дюжины нарядов для свадьбы и сотни вещей для дома.

Маргарет сообщили, что ее мать не нашла удобным приехать в Лондон. Впрочем, она не жалела, что их встреча состоится в спокойной атмосфере хелстонского пастората, а не в той безумной суеде, царившей два последних дня на Харли-стрит, где ее наделили ролью Фигаро и требовали везде в одно и то же время. За эти сорок восемь часов ей столько пришлось сделать и сказать, что теперь у нее все болело от усталости. Расставание и торопливое прощание с людьми, с которыми она так долго жила в одном доме, удручали ее, вызывая печаль и сожаление о временах, которых больше не будет. И не важно, какими были те времена. Они ушли и больше не вернутся. Сердце ныло сильнее, чем ожидалось, и, уезжая домой, Маргарет знала, что будет годами скучать по этому месту, по тем моментам, которые после долгой и острой тоски когда-нибудь растворятся до расплывчатых призрачных грез. Усилив воли она отбросила воспоминания о прошлом и перешла к спокойным размышлениям о желаемом будущем.

Отринув видения памяти, девушка заставила себя вернуться в реальность и осмотрела вагон пассажирского поезда. Перед ней, откинувшись на спинку сиденья, дремал отец. Его некогда густые черные волосы стали теперь седыми и ниспадали на лоб тонкими прядями. Скулы явственно проступали под кожей – слишком сильно для прежней красоты. А ведь когда-то его лицо было округлым и симпатичным. Теперь оно утратило свою миловидность,

но приобрело особую притягательность. Черты лица расслабились, но это был скорее отдых после утомления, чем спокойствие человека, который вел жизнь, лишенную тревог. Маргарет была глубоко поражена его усталым и встревоженным видом. Перебирая известные ей события в жизни отца, она попыталась найти причину появления у него морщин, которые, вне всяких сомнений, свидетельствовали о долгих страданиях и постоянной депрессии.

«Бедный Фредерик! – со вздохом подумала она. – Ах, если бы мой брат стал пастором, а не пошел на флот, он не был бы потерян для нас! Хотела бы я знать всю правду. Тетя Шоу решила не рассказывать мне о том ужасном случае на корабле, после которого он уже не мог вернуться в Англию. Мой бедный папа! Каким изможденным он выглядит! Я рада, что возвращаюсь домой и смогу позаботиться о нем и маме».

Когда отец проснулся, она приветствовала его светлой улыбкой, в которой не было даже намек на усталость. В ответ он напряженно растянул свои губы, как будто это требовало больших усилий. На его лице появилось обеспокоенное выражение. Мистер Хейл имел привычку приоткрывать рот, словно хотел что-то сказать. От этого он выглядел немного удивленным и нерешительным. У него были такие же большие и добрые глаза, как у дочери, прикрытые полупрозрачными веками.

Маргарет больше походила на отца, чем на мать. Многие люди удивлялись, что красота миссис Хейл не передалась ей. Некоторые из них считали лицо Маргарет нетипичным и даже непривлекательным. Ее широкий рот нельзя было назвать бутоном розы, который, раскрываясь, отвечал бы «да» и «нет», «не могли бы вы, сэр». Но ее ярко-красные губы имели нежный изгиб и прекрасно оттенялись смуглой кожей лица, такой же гладкой, как слоновая кость. Если ее облик обычно казался излишне высокомерным для такой юной особы, то теперь, во время беседы с отцом, он был светлым, как утро, – с милыми ямочками на щеках и взглядами, говорившими о детской радости и безграничной вере в счастливое будущее.

Она вернулась домой в конце июля. В эту пору деревья в лесу сливались в одну темно-зеленую бархатистую массу. Папоротник в подлеске сиял под косыми лучами солнца. Знойный воздух, казалось, застыл в задумчивой неподвижности. Маргарет часто сопровождала отца в его визитах к прихожанам. Ей нравилось сминать стебли папоротника и чувствовать, как они подламываются под ее ногами, испуская особый аромат. Она обожала гулять по широким полям в благоуханном теплом свете, встречая множество диких птиц и существ, наслаждавшихся солнечным сиянием. Травы, цветы, деревья – все вокруг тянулось к солнцу.

Такие забавы – по крайней мере в течение нескольких недель – оправдывали все ее ожидания. Маргарет училась гордости у леса. Она познакомилась с местными жителями и завела добрых друзей. Она говорила на их диалекте, свободно общалась с соседями, нянчила малышей, читала книги старикам, беседовала с ними о жизни, носила угощения больным и даже иногда преподавала в школе, где ее отец ежедневно учил детей Закону Божьему. После обеда Маргарет, как правило, ходила в гости к знакомым – мужчинам, женщинам или подросткам, которые жили в коттеджах, расположенных у кромки леса.

Ее прогулки на природе были прекрасными, но атмосфера в доме ей не нравилась. По-девичьи досадуя на чуткость своего восприятия, она приходила к выводу, что дела в семье идут неправильно. Ее мать, всегда такая добрая и нежная, теперь казалась сущей фурией. Миссис Хейл была недовольна их социальным статусом. Она считала, что епископ, весьма странно пренебрегая своими обязанностями, не давал ее мужу повышения в должности. Она постоянно укоряла супруга за то, что он стеснялся выпросить себе более высокий пост или паству в каком-нибудь городе. Мистер Хейл громко вздыхал и отвечал, что он был бы благодарен Богу, если бы ему удалось выполнить свой долг даже в таком маленьком поселении, как Хелстон. Однако, несмотря на эти отговорки, он становился все более подавленным. При каждой повторной попытке матери убедить его в необходимости карьерного повышения дочь видела, что отец замыкается в себе и чахнет на глазах.

Она решила примирить мать с Хелстоном. Миссис Хейл говорила, что соседство с лесом оказывает на ее здоровье плохое влияние, поэтому Маргарет начала выводить мать на прогулки по красивым широким холмам, исполосованным лучами солнца, или по затененным облаками пустошам. Она была уверена, что мать привыкла к жизни внутри дома, ограничив свою внешнюю деятельность только посещениями церкви, школы и ближайших соседей. На какое-то время это помогло уменьшить ее депрессию, но, когда наступила осень и погода стала более дождливой, миссис Хейл вернулась к мыслям о нездоровом климате. Она опять стала ежедневно жаловаться, что ее муж, который был умнее мистера Хьюма и гораздо больше соответствовал должности приходского священника, чем мистер Холдсуорт, не получил таких высоких постов, как эти два их бывших соседа. К сожалению, Маргарет оказалась не подготовленной к домашним ссорам и долгим часам недовольства.

Она наслаждалась и даже упивалась идеей отказа от многих предметов роскоши, которые лишали ее свободы в особняке на Харли-стрит. Ее естественная тяга к удовольствиям была поставлена под контроль, причем весьма жесткий. Она гордилась тем, что благодаря своим умениям способна вообще обходиться без развлечений, если этого требуют обстоятельства. Но тучи никогда не приходят с той стороны горизонта, откуда их ждешь. Раньше, когда Маргарет приезжала домой на праздники, она, конечно же, обращала внимание на жалобы матери по поводу Хелстона и социального статуса отца. Однако, погружаясь в радостные воспоминания о счастливых временах, она забывала неприятные детали.

Во второй половине сентября пришли осенние дожди. Маргарет почти не выходила из дома и томилась от скуки. Так уж вышло, что по стандартам цивилизации Хелстон располагался на некотором расстоянии от людей их круга.

– Это самое глухое место в Англии, – говорила миссис Хейл, пребывавшая в одном из своих депрессивных состояний. – Я постоянно сожалею о том, что у твоего отца здесь нет друзей. День ото дня ему приходится общаться только с фермерами и крестьянами. Он опустился на самое дно. Если бы мы жили на другой стороне прихода, ситуация была бы иной. Мы могли бы ходить в гости к Стэнсфилдам и даже Горманам.

– К Горманам? – переспросила Маргарет. – Это те Горманы, которые разбогатели на торговле в Саутгемптоне? О, я рада, что мы не навещаем их. Мне не нравятся торговцы. Нам лучше быть подальше от них и жить среди простых людей без особых претензий.

– Не будь такой привередливой, дорогая Маргарет! – сказала мать, втайне подумав о юном и красивом мистере Гормане, которого она однажды видела в доме мистера Хьюма.

– Я не привередливая и выражаю распространенное мнение. Мне нравятся люди, чья работа связана с землей. Еще мне нравятся солдаты, моряки и ученые трех так называемых «основных профессий». Вы же не хотите, мама, чтобы я восторгалась мясниками, пекарями и изготовителями подсвечников?

– Горманы не мясники и пекари. Они весьма уважаемые люди! Занимаются производством конных экипажей.

– Прекрасно. Но производители экипажей являются все теми же торговцами, которые, на мой взгляд, по части полезности не идут ни в какое сравнение с мясниками и пекарями. О, как я уставала от ежедневных поездок в экипаже вместе с тетей Шоу! И как я скучала по пешим прогулкам!

Несмотря на плохую погоду, Маргарет продолжала сопровождать отца во время его ежедневных визитов к прихожанам. Покидая гнетущую атмосферу дома, она едва не танцевала от радости. Когда они пересекали пустоши и западный ветер мягко подталкивал ее в спину, девушке казалось, что она была таким же созданием природы, как павший лист, уносимый вдаль осенним ветром. Но по вечерам вся радость улетучивалась. Сразу после чая отец удалялся в свой маленький кабинет и они с матерью оставались одни. Миссис Хейл никогда не интересовалась книгами и в первые годы брака запрещала мужу читать ей вслух,

пока она занималась домашними делами. Одно время они пристрастились к игре в триктрак, но потом у мистера Хейла появилось множество забот, связанных с паствой и школой. Вскоре он обнаружил, что перерывы в игре, которые возникали из-за его профессиональных обязанностей, вызвали огорчение у миссис Хейл. Она воспринимала их как противодействие ее стараниям наладить быт семьи, и это приводило к всплескам новых упреков и обид. Поэтому, пока дети были юными, мистер Хейл начал проводить вечера в своем кабинете за чтением теологических и метафизических книг, которые ему нравились.

Поначалу, когда Маргарет приезжала сюда на каникулы, она привозила с собой большие связки книг, рекомендованных ей преподавателями или гувернантками. Позже она поняла, что летние дни пролетали слишком быстро, чтобы тратить их на чтение, которым можно было заняться по возвращении в город. Поэтому теперь на ее маленькой книжной полке в гостиной стояли только детские книги и серьезные произведения английских классиков, заимствованные из отцовской библиотеки. Пожалуй, самыми новыми и интересными были «Времена года» Томсона, «Коупер» Хейли и «Цицерон» Миддлтона. Из-за скудного запаса книг ей приходилось прибегать к другим развлечениям. Маргарет часто рассказывала матери о своей лондонской жизни. Миссис Хейл всегда слушала ее с интересом, иногда изумляясь и задавая вопросы, а порою сравнивая роскошь и комфорт особняка на Харлестрит с простой обстановкой хелстонского дома священника.

В такие вечера Маргарет часто обрывала беседу и прислушивалась к стуку дождя по скату крыши над эркерным окном. Раз или два она ловила себя на том, что машинально отсчитывает монотонные удары капель по оконным стеклам. Все это время ей хотелось спросить мать, задать вопросы, которые тревожили ее сердце: где теперь Фредерик, чем он занимается, сколько лет прошло с тех пор, как они слышали о нем? Но, учитывая слабое здоровье матери и ее субъективную неприязнь к Хелстону – два фактора, возникших после бунта на корабле, в котором участвовал Фредерик, – Маргарет опасалась затрагивать запретную тему. Очевидно, ее родители решили предать историю о бунте полному забвению. Поэтому, несмотря на желание Маргарет поговорить о ней, она вдруг смущалась и меняла тему беседы. Оставаясь с матерью наедине, она считала отца лучшим источником информации, а в его присутствии ей казалось, что легче будет говорить с матерью.

Вполне возможно, она не услышала бы ничего нового. В одном из писем, полученных Маргарет еще до отъезда из Лондона, отец сообщил ей, что Фредерик обосновался в Рио. Он пребывал в здравии и посылал сестре свои наилучшие пожелания. Эти скупые фразы казались высохшими костями без толики живого и яркого интеллекта, по которому она так скучала. В тех редких случаях, когда речь шла о брате, его всегда называли «бедным Фредериком». Его комнату сохраняли в том же состоянии, в каком он оставил ее. За порядком в ней следила Диксон, горничная миссис Хейл. Она сама вытирала там пыль, не позволяя второй служанке выполнять эту часть домашней работы. При каждом удобном случае Диксон всегда вспоминала день, когда леди Бересфорд приняла ее на работу в поместье сэра Джона и назначила горничной для двух милых мисс Бересфорд – красавиц Ратландшира.

Диксон считала мистера Хейла большим разочарованием в жизни юной леди – мужчиной, не оправдавшим ее надежд. Если бы мисс Бересфорд не вышла так поспешно замуж за бедного священника, то неизвестно, кем бы она стала теперь. Но Диксон сохранила ей верность даже в этом несчастном падении (имелась в виду семейная жизнь ее хозяйки). Она осталась с миссис Хейл и блюла ее интересы, считая себя доброй феей-защитницей, в чьи обязанности входила борьба со злым гигантом, мистером Хейлом. Мастер Фредерик был ее любимцем и гордостью. Любое упоминание о нем незамедлительно смягчало строгие черты ее лица. Она еженедельно убирала его комнату, причем так тщательно, словно он мог вернуться домой тем же вечером.

Маргарет полагала, что ее отец недавно получил какие-то известия о Фредерике. Он не уведомил о них жену, но стал встревоженным и нервным. Похоже, миссис Хейл не замечала перемен в поведении супруга. Ее муж всегда отличался мягкостью характера и был готов поделиться последним куском во благо других людей. Иногда, приняв причастие у смертного ложа или услышав о каком-то зверском преступлении, он по несколько дней мог находиться в подавленном состоянии. Но теперь им овладела какая-то отрешенность. Казалось, его мысли были заняты чем-то другим, и это угнетение разума и рассеянность не ослаблялись даже привычными повседневными делами. Ни духовное убожество страждущих, ни уроки в школе, которые он проводил в надежде, что подрастающему поколению удастся обуздать в себе греховные и злые помыслы, – ничто не могло вывести его из этого состояния.

Мистер Хейл стал реже навещать прихожан. По утрам он либо запирался в своем кабинете, либо прохаживался по саду, высматривая сельского почтальона. Раньше тот тихо, но настойчиво стучал в ставню кухонного окна, пока кто-нибудь из обитателей дома не выходил к нему. Теперь же, если утро было ясное, мистер Хейл слонялся по дорожкам сада, а в дождливые дни задумчиво стоял у окна кабинета, дожидаясь прибытия почты. Почтальон, проходя мимо их ограды из шиповника, уважительно кланялся священнику, передавал ему письмо или едва заметно покачивал головой, после чего удалялся к большим земляничным деревьям. А мистер Хейл, посмотрев ему вслед, возвращался в дом, чтобы с тяжелым сердцем и встревоженным умом приступить к повседневным делам.

Впрочем, Маргарет была в таком возрасте, когда любое дурное предчувствие, не основанное на точных фактах, легко вытесняется ясным солнечным днем или радостными внешними событиями. Когда наступили две теплые недели октября, ее тревоги разлетелись, как пух чертополоха. Она больше не думала ни о чем, кроме красот осеннего леса. Заросли папоротника завяли, и после прошедших дождей открылось множество заповедных лужаек, которые в период с июля по август были недоступны для нее. В особняке на Харли-стрит их с Эдит учили рисованию. Во время плохой сентябрьской погоды Маргарет сожалела об утраченных моментах, когда она могла бы зарисовывать лесные пейзажи. Поэтому теперь, с наступлением приятной погоды, пока еще не было заморозков и холодов, она решила сделать серию набросков. Но едва этим утром Маргарет занялась приготовлением мольберта, как Сара, их домашняя служанка, распахнула дверь гостиной и звонко объявила: «Мистер Генри Леннокс!»

## Глава 3

### Чем больше спешки, тем меньше скорость

*Учись завоевывать доверие леди достойно,  
Поскольку цена ему велика,  
Будь отважен, словно это вопрос жизни и смерти,  
И не забудь о твердой серьезности.*

*Уведи ее от праздничных зрелищ,  
Укажи ей на звездные небеса,  
Охраняй ее правдивыми словами,  
Свободными от лести ухаживания.*

**Миссис Браунинг**

– Мистер Генри Леннокс!

Всего мгновение назад Маргарет вспоминала о нем и его расспросах о возможных развлечениях в сельском доме. Это был явный случай «parler du soleil et l'on en voit les rayons»<sup>1</sup>. На ее щеках появился яркий румянец. Она отложила мольберт в сторону и вышла из комнаты, чтобы поприветствовать гостя.

– Сара, немедленно извести маму. У нас с ней множество вопросов об Эдит. Ах, мистер Леннокс! Я так признательна вам за приезд.

– Разве я не говорил, что навещу вас? – спросил он тихим голосом.

– Да, но ходили слухи, что вы собирались в Шотландию. Поэтому я не думала, что увижу вас в Хэмпшире.

– О, знали бы вы, какие милые глупости совершали наши молодожены, – произнес он более веселым тоном. – Они опробовали на себе все рискованные развлечения: то карабкались на гору, то переплывали озеро. Наконец я решил, что им нужен строгий наставник, который мог бы позаботиться о них. Мне на помощь пришел мой дядя, но они тут же подчинили его своей воле. Они держали пожилого джентльмена в панике по шестнадцать часов в сутки. И когда я понял, что не могу доверить их ни одному человеку на свете, мне пришлось выполнить свой долг и сопроводить эту счастливую пару в Плимут до самого корабля. В конце концов они оказались на борту, где были в полной безопасности.

– Вы ездили в Плимут? Эдит не писала мне об этом. Похоже, она в тот момент куда-то спешила. Они действительно уплыли во вторник?

– Слава Богу, уплыли и освободили меня от многих обязанностей. Эдит передала мне кучу сообщений. Кажется, тут имеется записка для вас. Да, вот она.

– Спасибо! – воскликнула Маргарет.

Горя желанием прочитать письмо кузины без свидетелей, она извинилась, что оставляет гостя одного на несколько минут, – ей просто нужно было сообщить матери о его визите, ведь глупенькая Сара, конечно же, все перепутала и не выполнила ее указания.

Когда Маргарет покинула комнату, он по заведенной привычке обстоятельно осмотрелся по сторонам. Маленькая гостиная, освещенная лучами утреннего солнца, выглядела самым наилучшим образом. Эркерное окно было открыто, и сразу за углом виднелись кусты роз и алой жимолости. Чуть дальше зеленела небольшая лужайка, усаженная вербеной и геранью всевозможных оттенков. Эти яркие цвета снаружи лишний раз подчеркивали скромность и неприветливость обстановки внутри дома. Ковер был далеко не новым, ситцевые

---

<sup>1</sup> «Помяни о солнце и увидишь лучи» – французская поговорка. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

занавески слишком часто стирали. Апартаменты оказались меньше ожидаемых размеров. Они, по его оценкам, не могли служить приемлемым фоном для столь величественной персоны, как Маргарет. Мистер Леннокс взял одну из книг, лежавших на столе. Это была «Божественная комедия» Данте в старом итальянском переплете из белой веленовой бумаги с золотистым тиснением. Тут же, рядом со словарем, он увидел лист бумаги со столбиком выписанных слов. Глаголы и существительные – ничего особенного. Но это был почерк Маргарет, и ему почему-то нравилось смотреть на этот список. Он со вздохом положил книгу на стол.

«Они действительно живут скромно. Как она и говорила. Это кажется странным, поскольку Бересфорды всегда считались обеспеченным семейством».

К тому моменту Маргарет отыскивала свою мать. Миссис Хейл переживала один из тех дней, когда у нее все валилось из рук и любое событие казалось тяжким испытанием. Именно так она восприняла появление мистера Леннокса, хотя втайне нашла лестным то, что он удостоил их своим визитом.

– Как же все не вовремя! У нас сегодня был ранний обед. Осталось только холодное мясо. Служанки гладят белье. Мне что, гнать их на кухню? Но мы должны пригласить его к столу. Он близкий родственник Эдит. А еще твой отец все утро пребывает в дурном настроении! Не понимаю, что с ним происходит. Недавно я заходила в его кабинет, и, представляешь, он сидел там за столом, закрыв лицо руками. Когда я сказала ему, что воздух Хелстона отравляет его так же, как и меня, он вскинул голову и попросил больше ни слова не говорить о Хелстоне. Ему, видите ли, не нравятся мои превратные суждения, и он считает наш забытый Богом угол чуть ли не райским местом на земле. А я уверена, что причиной его депрессии является сырой воздух Хелстона!

Маргарет показалось, что холодное облако закрыло от нее солнце. Она терпеливо слушала жалобы матери, надеясь, что та, излив душу, получит некоторое облегчение. Время шло, пора уже было возвращаться к мистеру Ленноксу.

– Отцу нравится мистер Леннокс. Они прекрасно поладили друг с другом во время свадебного застолья. Надеюсь, что его приезд обрадует папу. И не беспокойтесь об обеде, дорогая матушка. Мы подадим холодное мясо на ланч, а мистер Леннокс примет это за двухчасовой обед.

– Как же мы будем развлекать его до этого времени? Сейчас только половина одиннадцатого.

– Я приглашу его на зарисовки в лес. Он как-то говорил, что любит рисовать. Это убережет его с вашего пути, мама. Только сначала выйдите к нему. Он найдет странным, если вы не поприветствуете гостя.

Миссис Хейл сняла черный шелковый фартук и пригладила волосы. Она радушно, как близкого родственника, встретила мистера Леннокса и, демонстрируя манеры настоящей леди, пригласила его остаться на обед. Очевидно, он был готов к расспросам о планах на сегодняшний день и поэтому принял приглашение с таким энтузиазмом, что побудил миссис Хейл добавить к холодной говядине еще пару блюд. Его устраивало все. Он с восторгом отнесся к идее Маргарет прогуляться по лесу и заняться совместными зарисовками. Он согласился не отрывать мистера Хейла от его пасторских дел и удовлетворился тем, что они встретятся во время обеда. Маргарет принесла свои материалы для рисования. После того как мистер Леннокс выбрал бумагу и кисти, они в прекрасном настроении вышли из дома.

– Давайте остановимся здесь на несколько минут, – сказала Маргарет. – В течение двух последних недель у нас шли дожди, и все это время эти милые коттеджи на поляне преследовали мое воображение, упрекая меня за то, что я не зарисовала их.

– Вы боитесь, что они развалятся и не будут больше видны? Действительно, если их нужно зарисовать – а они в самом деле живописны, – нам лучше не откладывать это дело на следующий год. Где бы нам сесть?

– Такое впечатление, что вы приехали сюда прямо из своей конторы в залах Темпля, а не провели два месяца в горах Шотландии! Взгляните на тот ствол дерева, оставленный дровосеками. Я расстелю на нем плед, и у нас будет настоящий лесной трон.

– Только вместо королевской скамеечки под вашими ногами окажется та лужа! Подождите. Мне хотелось бы подойти поближе. Кто живет в этих двух коттеджах?

– Полвека назад их построили поселенцы. Один давно уже пустует. Лесники собираются снести эти дома, как только старик, живущий во втором коттедже, отдаст Богу душу. Бедняга! Посмотрите, а вот и он. Я должна поприветствовать его. Он настолько глух, что вы услышите весь наш разговор.

Старик стоял перед своим домом и, опираясь на палку, грелся на солнышке. Когда Маргарет подошла и заговорила с ним, на его морщинистом лице появилась признательная улыбка. Мистер Леннокс торопливо нарисовал на листе бумаги две фигуры и кое-какие элементы ландшафта. Маргарет сделала свой набросок. Через некоторое время, сложив краски в мольберт, они показали друг другу рисунки. Маргарет засмеялась и покраснела от смущения. Мистер Леннокс не мог оторвать взгляд от ее лица.

– Я считаю это вероломством, – сказала она. – Вы попросили меня поговорить со старым Исааком об истории коттеджей, а сами сделали нас персонажами вашего наброска.

– Это было неодолимое побуждение. Мне не удалось совладать с таким сильным искушением. Зато теперь у меня имеется рисунок... столь дорогой моему сердцу.

Мистер Леннокс не был уверен, что она услышала его последнюю фразу. Маргарет пошла к ручью, намереваясь вымыть кисти и палитру. Когда она вернулась, на ее щеках по-прежнему алел румянец, но выражение лица было невинным и бесхитростным. Он вздохнул с облегчением. Откровенные слова слетели с его губ неосознанно – редкий случай для такого рассудительного мужчины, как Генри Леннокс.

Когда они вернулись, атмосфера в доме изменилась в лучшую сторону. Хмурость миссис Хейл рассеялась под благотворным влиянием двух карпов, очень своевременно подаренных соседом. Мистер Хейл, закончив утреннюю службу в церкви, ожидал теперь столичного гостя у садовых ворот. Несмотря на потрепанный плащ и изношенную шляпу, он выглядел вполне достойным джентльменом.

Маргарет любовалась своим отцом. У нее неизменно возникала эта нежная гордость, когда она видела, какое впечатление он производил на незнакомых людей. Однако благодаря своему цепкому взгляду девушка заметила на лице отца неоспоримые следы какого-то подавленного беспокойства.

Мистер Хейл попросил разрешения взглянуть на их наброски.

– Мне кажется, цвет соломенной крыши слишком темный, – сказал он, возвращая Маргарет ее рисунок. – Не так ли, милая?

Когда он хотел взять рисунок мистера Леннокса, тот на мгновение – не более – отвел руку в сторону.

– Нет, папа, оттенок выбран правильно. Солома и заячья капуста успели потемнеть от долгих дождей.

Заглянув через плечо отца, который рассматривал фигуры на листе бумаги, она с улыбкой спросила:

– И как вам этот этюд?

– Реалистично. Твоя фигура и манера держать себя переданы превосходно. Как точно подмечена привычка старого Исаака сгибать свою страдающую ревматизмом спину. А что висит на ветви дерева? Ведь это не птичье гнездо?

– Нет, это моя шляпка. Когда она на мне, я не могу рисовать. Голове становится слишком жарко. Ах, если бы я умела так точно изображать фигуры и лица! Здесь так много колоритных людей, которых мне хотелось бы запечатлеть в рисунках.

– Могу сказать только одно, – заметил мистер Леннокс. – Если вам действительно хочется добиться сходства, вы преуспеете в этом. Я верю в силу воли. Вот почему мне удалось достичь такого правдоподобия.

Мистер Хейл предложил им пройти в дом, но Маргарет задержалась, чтобы сорвать несколько роз, которыми ей хотелось украсить свое платье во время обеда.

«Настоящая лондонская девушка поняла бы мой намек, – подумал мистер Леннокс. – Она препарировала бы каждую реплику, сказанную ей молодым человеком. Ведь даже в простом комплименте может быть намек. Я не верю, что Маргарет...»

– Подождите! – крикнул он. – Позвольте мне помочь.

Он сорвал несколько бархатистых багряно-красных роз, которые находились вне ее досягаемости, а затем, поделив добычу, сунул два бутона в петлицу кителя, а остальные, довольный и счастливый, передал ей.

Беседа за столом протекала неспешно и приятно. С обеих сторон было задано много вопросов – в частности, о передвижениях миссис Шоу по Италии. Погружаясь в простой быт пастората – в первую очередь в непосредственной близости к Маргарет, – мистер Леннокс забыл о том небольшом разочаровании, с которым он поначалу воспринимал ее искренние слова о скромной жизни своего отца.

Когда бутылка перелитого из бочонка вина была поставлена на стол, знаменуя небывалую степень гостеприимства, мистер Хейл повернулся к дочери:

– Маргарет, дитя мое, ты не соберешь нам груш на десерт?

Он немного поспешил. Естественно, десерты не были обычным явлением в доме приходского священника. Мистер Хейл пытался импровизировать. Но если бы он обернулся, то увидел бы бисквиты, мармелад и прочие сладости, аккуратно расставленные на боковом столике. Впрочем, мысль о грушах уже завладела его умом и он не мог от нее отказаться.

– У южной стены я заметил несколько созревших плодов. А сорт бере лучше многих иностранных фруктов. Сбегай, Маргарет, сорви нам полдюжины.

– Давайте выйдем в сад и отведаем их там, – предложил мистер Леннокс. – Я уже представляю, как вонзаю зубы в хрустящий сочный плод, душистый и теплый от солнца. Эйфория вкуса! Надеюсь, нам не помешают осы, достаточно дерзкие, чтобы оспаривать фрукт даже в самый радостный момент наслаждения.

Он встал, собираясь последовать за Маргарет. Его взгляд испрашивал разрешения хозяйки. Миссис Хейл хотела провести традиционный обед со всеми церемониями, которые до этого времени проходили чинно и гладко. Они с Диксон даже принесли из кладовой особые чаши для ополаскивания пальцев. Она желала показать себя достойной сестрой вдовы уважаемого генерала. Но когда из-за стола встал ее муж, решивший сопровождать их гостя, ей оставалось только подчиниться обстоятельствам.

– Я возьму нож, – сказал мистер Хейл. – Тот примитивный способ поедания крепких фруктов, увы, мне теперь недоступен. Я сначала должен очистить кожуру, затем поделить грушу на четвертинки и только потом насладиться ее вкусом.

Маргарет сделала поднос из свекольного листа, который прекрасно оттенял золотисто-коричневый цвет плодов. Мистер Леннокс больше любовался ею, чем грушами. Ее отец, склонный смаковать пикантные мгновения удовольствия, похищенные у его постоянной депрессии, придирчиво выбрал самый спелый фрукт и сел на садовую скамью. Маргарет и мистер Леннокс пошли по узкой дорожке вдоль южной стены, где пчелы все еще жужжали около нескольких ульев.

– Вы живете здесь идеальной пасторальной жизнью! Раньше я всегда высокомерно относился к поэтам с их патетическими желаниями: «Пусть моим домом будет лачуга за этим холмом». Теперь мне понятно, что я был просто тщеславным жителем столицы. Сейчас мне кажется, что мои двадцать лет изучения английских законов равны по значимости году столь утонченной и спокойной жизни. Вы посмотрите, какое небо! Какая малиновая и янтарная листва! Какая неподвижность крон!

Он указал на высокие деревья, окружавшие сад, словно тот был гнездом.

– Прошу вас учесть, что наши небеса не всегда бывают такими синими. У нас часто льют дожди. Эти листья опадут и намокнут. Я считаю, что Хелстон – такое же идеальное место, как и любое в мире. Вспомните, как однажды вечером на Харли-стрит вы презрительно смеялись над моим описанием нашего поселения. Вы назвали его «деревней из сказки».

– Презрительно смеялся? О, Маргарет! Какое грубое преувеличение!

– Возможно, вы правы. В то время мне хотелось рассказать вам о том, чем была полна моя душа. А вы... Как бы это описать? Вы неуважительно отозвались о Хелстоне, как о «деревне из сказки».

– Я никогда не повторю этого вновь, – сказал он с пылкостью поэта.

Они свернули за угол дома.

– Маргарет, я желал бы...

Он остановился и смущенно замолчал. Это было необычно для разговорчивого адвоката. Маргарет взглянула на него в ожидании какого-то чуда, но в то же мгновение – из-за какой-то странности в нем, которую она не могла выразить словами, – ей захотелось вернуться к родителям или уйти куда-нибудь подальше от него. Она была уверена, что мистер Леннокс собирался сказать ей слова, на которые у нее не нашлось бы достойного ответа. На помощь ей пришла природная гордость, отогнавшая прочь внезапное волнение. Оставалось надеяться, что ее собеседник не заметил этого смущения. Конечно, она могла ответить на любые слова! Ответить правильно! И ей не следовало унижительно ежиться от каких-то там фраз, которые она могла оборвать, проявив свое женское достоинство.

– Маргарет, – сказал он, неожиданно схватив девушку за руку.

Мистер Леннокс застал ее врасплох. Она была вынуждена стоять и слушать его, презирая себя за трепет сердца.

– Маргарет, мне хотелось бы, чтобы Хелстон не нравился вам так сильно – не казался таким счастливым и спокойным местом. Я думал, что за эти три прошедших месяца вы соскучились по Лондону, по друзьям и подругам, которые остались там. Соскучились настолько сильно, что могли бы прислушаться к моим...

Ему пришлось сделать паузу, потому что Маргарет безмолвно, но достаточно решительно попыталась высвободить свою руку.

– ...прислушаться к тому, кто не может предложить вам богатств... фактически ничего, кроме перспектив на будущее... но кто любит вас всем сердцем! Иногда даже вопреки самому себе. О боже! Я вас напугал? Скажите что-нибудь!

Генри Леннокс был поражен увиденным. Губы Маргарет дрожали, словно она собиралась заплакать. Наконец она заставила себя успокоиться. Девушка ничего не говорила, пока не овладела своим голосом.

– Я действительно напугана, – прошептала она. – Не думала, что вы относитесь ко мне подобным образом. Я всегда считала вас другом. Будь моя воля, это продолжалось бы и дальше. Поймите, мне не по душе такие разговоры. Я не могу ответить так, как вам хочется, и мне будет жаль, если вы обидитесь на меня.

– Маргарет, – сказал он, глядя ей в глаза. – Вы...

Ее открытый прямой взгляд выражал предельную честность и нежелание причинять ему боль. Он собирался спросить: «Вы любите другого?» Но этот вопрос был бы явным оскорблением для той чистой непорочности, которая сияла в ее глазах.

– Простите меня за излишнюю внезапность. Я сам виноват. Только оставьте мне надежду. Дайте несчастному воздыхателю скудное утешение и скажите, что вы еще не встретили на своем пути мужчину, который...

Он снова замолчал, и фраза осталась незаконченной. Маргарет винила себя за резкие слова, которые заставили его страдать.

– Ах, зачем вы забиваете себе голову такими фантазиями! Мне нравилось считать вас своим другом.

– Однако могу ли я надеяться, что через некоторое время вы найдете возможным... считать меня своим возлюбленным? Не сейчас... я понимаю. Не нужно спешить... Но через некоторое время?

Минуту или две она молчала, стараясь отыскать в душе ответ – ту правду, что хранило ее сердце.

– Я никогда не думала о вас в таком качестве. Мне нравилась наша дружба. Вряд ли я смогу изменить мое отношение к вам. Умоляю, давайте забудем об этом разговоре.

Она собиралась сказать «об этом неприятном разговоре», но вовремя одумалась. Мистер Леннокс немного помолчал, затем привычным насмешливым тоном холодно ответил:

– Конечно, если ваш отказ столь решителен и если наша беседа оказалась такой неприятной для вас, нам лучше забыть о ней навсегда. В теории это красиво и легко – предать забвению чувства, принесшие боль. Однако на практике, по крайней мере для меня, такая идея неосуществима.

– Вы рассердились, – печально произнесла она. – Не знаю, чем могу помочь.

Маргарет выглядела такой огорченной, что мистер Леннокс, одолев свою обиду, ответил ей чуть веселее, хотя и достаточно резко:

– Вы должны понять, что мое разочарование – это не просто горечь легкомысленного возлюбленного, а человека, вообще не предрасположенного к романтике, пусть и несколько многословного, как говорят обо мне некоторые люди. Силой страсти я был выведен из круга обычных привычек... Ладно, мы договорились, что больше не будем обсуждать эту тему. Но, выражая свои глубокие потаенные чувства, я получил отказ и был отвержен. Мне остается лишь презирать себя за собственную глупость. Перспективный адвокат задумался о браке!

Она ничего не ответила. Тон Генри Леннокса начал раздражать ее. В памяти Маргарет вдруг ожили все разногласия, которые отталкивали ее от него, хотя он был приятным мужчиной, хорошим другом и лучше остальных относился к ней в особняке на Харли-стрит. Она сожалела, что огорчила его. Однако к этим чувствам теперь добавился оттенок презрения. Уголки ее красивых губ изогнулись в надменной усмешке.

Они прошли по узкой дорожке и, обойдя сад, вернулись к мистеру Хейлу, о котором успели забыть. Он все еще держал в руке грушу и аккуратно снимал ножом кожуру. Тонкая, как фольга, полоска вот-вот должна была упасть вниз. Похоже, он наслаждался этим неторопливым процессом. Маргарет вспомнила историю о восточном царе, который по велению мага сунул голову в ведро с водой, а когда вытащил ее, то оказалось, что прошло много лет и его жизнь уже закончилась.

Она чувствовала себя настолько расстроенной, что не стала испытывать свое самообладание и присоединяться к тривиальной беседе между ее отцом и мистером Ленноксом. Печальная и не расположенная к разговорам, девушка с нетерпением ожидала отъезда их гостя, мечтая затем отдохнуть и подумать о том, что произошло на садовой дорожке около четверти часа назад. Генри тоже не терпелось уйти, и несколько минут беседы, кажущейся

беспечной и легкой, потребовали от него больших усилий. Но то была жертва, которую он должен был принести своему униженному тщеславию. Время от времени он посматривал на печальное лицо Маргарет и думал: «Нет! Я не так безразличен ей, как она говорит. Я не перестану надеяться».

Все эти пятнадцать минут мистер Леннокс с мягким сарказмом сравнивал лондонскую суету с тихой жизнью в сельской глубинке. Боясь критики в свой адрес, он тщательно подбирал слова и тем самым озадачил мистера Хейла. На свадьбе Эдит его гость был совершенно другим – настоящим светским мужчиной, более легким и остроумным, в чем-то по своей натуре противоположным приходскому священнику. Поэтому все трое испытали облегчение, когда мистер Леннокс сказал, что ему пора уходить, чтобы успеть на пятичасовой поезд. Они зашли в дом, где Генри попрощался с миссис Хейл. В последний момент его настоящие чувства пробили броню напускного спокойствия.

– Маргарет, не думайте обо мне плохо. У меня имеются и чувства, и сердце, несмотря на мою поверхностную, ни к чему не пригодную манеру речи. В доказательство моих слов я хотел бы сказать, что полюбил вас еще больше – хотя мог бы и возненавидеть – за то презрение, с которым вы слушали меня эти последние полчаса. Прощайте, Маргарет... Любимая Маргарет!

## Глава 4

### Сомнения и трудности

*Забрось меня на какой-нибудь пустынный берег,  
Где я смогу найти только след печального кораблекрушения,  
Но если ты со мной, пускай бушует море,  
Я не молю о более мирной и спокойной доле.*

**Уильям Хабингтон**

Он уехал. Дом затих на целый вечер. Никаких больше синих небес, малиновых и янтарных красок осени. Маргарет поднялась наверх, чтобы переодеться к чаю. Диксон была раздражена вторжением гостя и той сумятицей, в которую он превратил их будний день. Она демонстрировала свое недовольство, быстро расчесывая волосы девушки и притворяясь, что ей уже пора идти к миссис Хейл. Однако позже Маргарет долго ожидала свою мать в гостиной, прежде чем та спустилась вниз. Сидя у камина с незажженными свечами на столике перед ней, она размышляла о прошедшем дне: о счастливой прогулке в лес, о зарисовках, о веселом и приятном обеде. И все это было перечеркнуто злосчастной беседой в саду.

Как же сильно отличаются мужчины от женщин! Вот она до сих пор огорчена тем обстоятельством, что интуиция заставила ее ответить отказом. А он – через две минуты после того, как отклонили его самое глубокое и искреннее предложение в жизни, – уже болтал с отцом, как в своей адвокатской конторе. Словно его единственным желанием был поверхностный разговор, проведенный в приличном доме и в приятном обществе. О господи! Как она могла полюбить его, если он был таким двуликим? Маргарет чувствовала, что их взгляды на многие вещи несовместимы и очень сильно разнятся. Затем ей пришло в голову, что его легкомысленность могла быть напускной, чтобы просто скрыть обиду. Ведь если бы кто-то отверг ее признание в любви, она бы точно обиделась.

В комнату вошла мать, не дав этому вихрю мыслей сложиться в упорядоченное умозаключение. На какое-то время Маргарет пришлось забыть о том, что было сделано и сказано в течение дня. Она покорно слушала брюзжание Диксон по поводу одеяла, сожженного при глажке. Затем последовал рассказ о Сьюзен Лайтфут, которую видели в шляпке с искусственными цветами, что служило верным доказательством ее тщеславного и легкомысленного характера. Мистер Хейл пил чай в задумчивом молчании. Маргарет тоже не произнесла ни слова. Она удивлялась, что ее родители оказались такими равнодушными к посетившему их гостю и ни разу за вечер не упомянули его имени. Она забыла, что мистер Леннокс не признавался им в любви.

После чая мистер Хейл встал из-за стола и, опершись локтем на каминную полку, устало склонил голову на руку. Размышляя о чем-то своем, он время от времени тяжело вздыхал и хмурился. Миссис Хейл и Диксон ушли в гардеробную комнату, чтобы выбрать несколько зимних вещей для деревенской бедноты. Маргарет занялась рукоделием своей матери, содрогаясь при мысли о долгом и скучном вечере. Ей хотелось быстрее подняться в свою комнату, чтобы вновь обдумать события дня.

– Маргарет! – воскликнул мистер Хейл таким отчаянным голосом, что заставил дочь вскочить на ноги. – Насколько эта вышивка важна? Ты не могла бы отложить ее и пройти в мой кабинет? Я хочу обсудить с тобой один очень серьезный вопрос.

«Один очень серьезный вопрос». Мистер Леннокс не имел возможности поговорить с ее отцом с глазу на глаз после полученного от Маргарет отказа. Так о чем тогда могла идти речь? Девушка чувствовала вину и стыд, оттого что, несмотря на свой возраст, оказалась не готовой к мысли о браке. К тому же она не знала, как отец отнесется к ее решению откло-

нить предложение мистера Леннокса. Однако Маргарет уже догадывалась – а позже это подтвердилось, – что отец хотел обсудить с ней нечто другое. Пока дочь терялась в догадках, он предложил ей сесть рядом с ним у камина, поворошил угли и снял нагар со свечей. Очевидно, мистер Хейл никак не мог настроиться на разговор. Затем, вздохнув пару раз, он с судорожной grimасой на лице произнес:

– Маргарет, я вынужден покинуть Хелстон.

– Покинуть Хелстон? Но, папа, почему?

Отец не отвечал минуту или две. В нервной и смущенной манере он перебирал какие-то бумаги на столе, несколько раз открывал рот, намереваясь что-то сказать, но снова сжимал губы, как будто ему не хватало храбрости для продолжения разговора. При виде такой нерешительности, которая причиняла отцу еще больше страданий, Маргарет приступила к обстоятельным расспросам:

– Дорогой папа, объясните мне, почему вы должны уехать из Хелстона!

Он поднял голову, посмотрел на нее и с притворным спокойствием ответил:

– Потому что я больше не могу быть священником англиканской церкви.

Сначала Маргарет подумала, что отец получил долгожданное повышение по службе, о котором так долго мечтала ее мать. Новая должность требовала переезда из их любимого дома в Хелстоне в какой-нибудь тихий и величественный особняк неподалеку от кафедрального собора. Во время посещений городов Маргарет видела такие на соборных площадях, и они невольно внушали ей почтение и трепет. Но, перебравшись туда, они будут вынуждены оставить Хелстон, причем навсегда, что, естественно, даст повод для долгой печали.

Однако последняя фраза отца шокировала ее. Что он хотел сказать? Подобная таинственность тревожила ее все больше и больше. Выражение жалобной просьбы на его лице, словно он умолял свою дочь о милосердном и добром понимании, напугало ее до слабости в коленях. Мог ли он быть вовлеченным в незаконную деятельность Фредерика? Ее брата объявили преступником. Неужели отец из-за любви к сыну содействовал ему в каких-то делах?

– Как это? По какой причине? Не молчите, папа! Расскажите мне всю правду! Почему вы больше не можете быть священником? Конечно, если епископу передали все, что мы знаем о Фредерике, и жестокая несправедливость...

– Фредерик тут ни при чем, – перебил ее отец. – И епископ тоже. Это мое решение, Маргарет, и я расскажу тебе о нем. Я отвечу на все твои вопросы, но давай условимся, что после сегодняшнего вечера мы не будем возвращаться к этому разговору. Мне не страшны последствия моих болезненных сомнений, однако объяснение причин, приведших меня к столь долгим страданиям, потребует усилий, на которые я не способен.

– Сомнения, папа? Ты усомнился в религии? – в ужасе спросила Маргарет.

– Нет, речь не идет о религиозных сомнениях. Моя вера в Бога непоколебима.

Он замолчал. Маргарет сделала глубокий вдох, словно подошла к краю бездны. Отец вновь заговорил – так быстро, как будто хотел скорее завершить свое признание:

– Не знаю, поймешь ли ты меня, но уже на протяжении нескольких лет я терзаюсь одним вопросом: дано ли мне право продолжать мое служение, трусливо приглушая тлеющие сомнения непререкаемым авторитетом Церкви. Ах, Маргарет, я предан святой Церкви... однако должен быть отлучен от нее.

Какое-то время он не мог говорить от переизбытка чувств. Со своей стороны, Маргарет не знала, что сказать. Слова отца казались ей таинственными и непонятными. У нее даже появилось подозрение, что он собирался стать магом-метанином.

– Сегодня я прочитал в газете о двух тысячах отступниках, покинувших свои церкви, – со слабой улыбкой продолжил мистер Хейл. – Чтобы преуменьшить храбрость этих людей, в статье было написано, что их с позором изгнали из общин. Но автор зря старался. Я сразу заметил эту ложь, и мне стало противно.

– Но, папа, вы хорошо обдумали свое решение? – со слезами на глазах спросила Маргарет. – Оно кажется мне ужасно легкомысленным.

Всегда незыблемое прежде основание их семейных ценностей, авторитет любимого отца – все это теперь шаталось и готово было рухнуть, как карточный домик. Что она могла сказать? Что тут можно было сделать? Горькие слезы дочери заставили мистера Хейла собраться с силами и сдержать свои удушливые рыдания, которые рвались из самого сердца. Он подошел к книжному шкафу и взял в руки том, подвинувший его вступить на путь раскольника. Он читал эту книгу все последние дни. Он размышлял. Он черпал в ней силу.

– Послушай, дорогая Маргарет, – мягко произнес мистер Хейл и обнял дочь за талию.

Она взяла его руку в свои ладони и крепко сжала ее. Но волнение девушки было так велико, что она не смогла поднять голову и прочитать название произведения.

– Это монолог человека, который, как и я, некогда был священником сельского прихода. Книгу сто шестьдесят лет назад написал мистер Олдфилд, священник из дербиширского Карсингтона. Его испытания закончились. Он хорошо сражался в своих битвах.

Две последние фразы мистер Хейл произнес шепотом, как будто обращался к самому себе. Затем он начал читать вслух:

«Когда ты более не можешь продолжать свою работу, не позоря Бога, не дискредитируя религию, не нарушая ее целостность, не рая совесть, не калеча мир, не рискуя потерей своего спасения – когда условия, в которых ты должен выполнять (и хочешь выполнять) свои обязанности, грешны и противны слову Божьему, – ты можешь, да! – ты должен верить, что Бог обернет твоё молчание, отказ от служения и лишение должности к Своей вящей славе и продвижению интересов Евангелия. Когда Бог не использует тебя в одном деле, ты будешь использован в другом. Душа, которая желает служить Господу и чествовать Его, никогда не упустит такой возможности. Вот и ты не должен ограничивать святости Израиля, думая, что Бог имеет только один способ, которым тебе дозволено славить Его. Он может использовать для этого как проповеди, так и твоё молчание. И отход в сторону так же хорош, как продолжение работы. Прославление Бога без всякого притворства является величайшим служением и выполнением тяжелых обязанностей, которые извинят малый грех, содеянный тобой. Хотя сей грех как раз и дает нам возможности для выполнения этих обязанностей. О, моя душа, ты не будешь иметь благодарности, если свяжешься с извращением слова Божьего, давая ложные обеты и притворяясь, что можешь пребывать в своем сане».

Закончив этот абзац и усмотрев в нем большее, чем прочитал, мистер Хейл вновь обрел храбрость в принятии того, что, как он верил, было единственно верным решением. Но когда он услышал тихие рыдания Маргарет, его отвага мгновенно испарилась.

– Маргарет, милая! – сказал он, придвинувшись к ней. – Подумай о ранних мучениках. Подумай о тысячах людей, которые страдали за веру.

– Нет, отец, – ответила она, приподняв свое раскрасневшееся, мокрое от слез лицо, – ранние мученики страдали за правду. А вы... О, дорогой папа!

– Я иду на тяжелые испытания ради совести, дитя, – произнес он с гордым достоинством, хотя его голос немного дрожал от присущей ему обостренной чувствительности. – Я должен выполнить требования внутреннего голоса. Мои угрызения совести длились слишком долго. Они давно пробудили бы ум другого человека, не будь он столь труслив, как я.

Мистер Хейл покачал головой и решительно продолжил:

– Наконец-то страстные желания твоей бедной матери исполнились, пусть и несколько насмешливым образом, ибо они подобны содомским яблокам. Настал критический момент, после которого я, возможно, обрету душевный покой. Почти месяц назад епископ предложил мне новую должность. И если бы я принял ее, мне пришлось бы снова подтверждать декларацию следования священным догмам Литургии в моем новом приходе. Маргарет, я

пытался схитрить. Я хотел ответить простым отказом от повышения в должности, чтобы тихо оставаться здесь, насилюя свою совесть, как и все прошлые годы. Господи, прости меня!

Он зашагал по комнате взад и вперед, тихо награждая себя уничижительными эпитетами. К счастью, Маргарет слышала лишь несколько слов. В конце концов он остановился и сказал:

– Маргарет, я возвращаюсь к первому печальному известию. Мы должны покинуть Хелстон.

– Да! Я поняла. Но когда?

– Епископ получил мое письмо... Я должен был рассказать тебе о нем. Прости, в последние дни я забываю о многом.

Когда мистер Хейл переходил в беседе к прозаическим подробностям, его речь становилась очень путаной.

– Одним словом, я сообщил ему, что собираюсь отказаться от сана и места в пасторате. Он был очень добр и всяческими доводами пытался уговорить меня остаться. Однако все было напрасно. Я хотел внять его увещаниям, но не смог пойти наперекор своей душе. Поэтому, подписав прошение об отставке, я дождался согласия епископа. Конечно, отъезд из Хелстона будет большим испытанием для каждого из нас, хотя нам предстоит нечто худшее: вам – разлука со знакомыми и соседями, а мне – прощание с прихожанами. Для чтения молитв сюда назначили викария, мистера Брауна. Он придет к нам завтра утром. В следующее воскресенье я прочитаю прощальную проповедь.

«Почему он не сообщил нам об этом раньше? – подумала Маргарет. – Впрочем, такая безотлагательность даже к лучшему. Промедление только добавило бы яда к жалящей боли». Пусть новость ошеломила ее почти до обморока, но зато планы отца были близки к завершению.

– Что по этому поводу думает мама? – со вздохом спросила она.

К ее удивлению, отец снова начал ходить по комнате и только после довольно продолжительной паузы ответил на ее вопрос:

– Маргарет, ты должна понять, что я жалкий трус. Я не выношу ситуаций, когда приходится огорчать других людей. Мне прекрасно известно, что наш брак с твоей матерью не оправдал ее надежд. Она заслуживала большего. Я знал, что мой отказ от сана и должности будет для нее тяжелым ударом. Поэтому мне не хватило смелости рассказать ей о моем отступничестве. Хотя сейчас ей нужно сообщить об этом.

Он тоскливо посмотрел на дочь. У Маргарет голова шла кругом. Ее мать вообще ничего не знала о предстоящем переезде, в то время как ситуация зашла так далеко!

– Да, ей пора бы узнать о своем скором будущем, – сказала Маргарет. – Я думаю, она будет удивлена... и немного шокирована.

Вообразив себе чувства матери, она испытала вторую волну потрясения.

– Куда мы поедем? – спросила девушка, проявив интерес к дальнейшим планам отца, если только они у него были.

– В Милтон, на север, – ответил он с унылым равнодушием.

Мистер Хейл понимал, что из-за любви к нему дочь старалась не огорчать его своими объективными суждениями. Она даже пыталась утешить отца, хотя ее слезы говорили об огромном потрясении.

– Милтон? Фабричный город в Даркшире?

– Да, – произнес он тем же подавленным тоном.

– Почему же туда, а не в другой город? – спросила она.

– Потому что там я смогу зарабатывать на хлеб для моей семьи. Потому что там меня не знают и никто не заговорит со мной о Хелстоне.

– Зарабатывать на хлеб? Я думала, вы с мамой имеете достаточно средств...

Заметив, что отец нахмурился, она замолчала, обуздав свой естественный интерес относительно их будущей жизни. Однако мистер Хейл, благодаря природной интуиции, прочитал ее мысли, как в зеркале, отражавшем его собственные душевные муки, и усилием воли отогнал прочь свою хмурость.

– Ты узнаешь все, мое дитя. Только помоги мне донести эти новости до твоей матери. Я могу сделать что угодно, но одна лишь мысль о том, как мои слова огорчат ее, вызывает у меня приступ страха. Сейчас я расскажу тебе о своих планах, а ты сообщишь ей о них утром, ладно? Завтра меня не будет целый день. Я уйду в Браси-Коммон, чтобы попрощаться с фермером Добсоном и его людьми. Маргарет, тебе не нравится моя просьба?

Ей действительно это не нравилось. Она ни разу в жизни не делала ничего подобного. Ее сотрясала нервная дрожь, и какое-то время Маргарет вообще не могла говорить.

– Ты исполнишь мое поручение? – спросил отец.

Взяв себя в руки, она посмотрела ему прямо в глаза.

– Это трудное задание, но мама должна все узнать. Я постараюсь успокоить ее, хотя не уверена, получится ли у меня. Вас, наверное, тоже ожидает много неприятных дел.

Мистер Хейл уныло кивнул и пожал ей руку в знак благодарности. Маргарет снова едва не расплакалась. Тяжело вздохнув, она приступила к расспросам:

– Теперь расскажите мне о своих дальнейших планах. У вас с мамой имеются какие-то сбережения, независимо от тех доходов, которые вы получали за службу в приходе? Я знаю, что тетя Шоу живет на проценты от своих накоплений.

– Да, наши годовые поступления равны ста семидесяти фунтам. Семьдесят из них мы всегда пересылали Фредерику, пока он служил на флоте. Я не знаю, нуждается ли он в этом теперь. Наверняка он получает плату за свою службу в испанской армии.

– Фредерик не должен страдать, – решительно сказала Маргарет. – Он и без того живет на чужбине, несправедливо обиженный собственной страной. Итак, у нас остается сотня. Сможем ли мы – ты, я и мама – существовать на сто фунтов в год, поселившись в какой-нибудь тихой части Англии? Я думаю, что сможем.

– Нет, это не выход, – произнес мистер Хейл. – Я должен устроиться на работу. Мне следует занять себя чем-то, чтобы отогнать меланхолические мысли. Кроме того, сельская местность будет болезненно напоминать мне Хелстон и мои прежние обязанности. Я не вынесу этого, Маргарет. Да и годовой доход в сто фунтов будет малым утешением. Нам понадобятся деньги на аренду дома, на его обустройство, на оплату насущных потребностей и обеспечение твоей матери тем комфортом, к которому она привыкла и которого достойна. Поэтому мы поедem в Милтон. Таково мое решение. Я всегда лучше устраиваю дела сам, чем под влиянием людей, которых люблю.

Он словно бы извинялся за почти окончательное решение по поводу своих планов, которое принял втайне от своей семьи.

– Мне не нравится выслушивать возражения. Они делают меня нерешительным.

Маргарет хранила молчание. По сравнению с такими ужасными переменами вопрос о том, куда им переезжать, казался малозначительным.

– Несколько месяцев назад, – продолжил мистер Хейл, – когда груз моих сомнений стал невыносимым, я написал письмо мистеру Беллу. Ты помнишь его, Маргарет?

– Нет, я никогда не видела мистера Белла. Но мне известно, что он крестный Фредерика и ваш оксфордский наставник, не так ли?

– Да. Он является членом научного общества плимутского колледжа. Насколько я понял, он тоже уроженец северного Милтона. Ему принадлежал большой земельный участок, стоимость которого в результате превращения города в мощный промышленный центр сильно возросла. Я подозреваю, а вернее, допускаю, что... Нет, мне лучше ничего не говорить об этом. Но я уверен в симпатии мистера Белла. Он всегда помогал мне словом и делом.

Его жизнь в колледже можно называть беззаботной и легкой, однако он сделал людям много добра. И это он предложил мне отправиться в Милтон.

– Почему именно туда? – спросила Маргарет.

– У него там фабрики, дома и арендаторы. Сам город ему не нравится – слишком шумное место, по его мнению. Тем не менее он ведет переписку с милтонскими предпринимателями. И мистер Белл сообщил мне, что слышал о хорошей вакансии для частного учителя.

– Частного учителя? – презрительно поморщившись, спросила Маргарет. – Зачем фабрикантам понадобились манеры джентльменов и классическая литература?

– Некоторые из них вполне приличные люди. Они осознают свои недостатки, которых, естественно, больше, чем у студентов и преподавателей Оксфорда. Они вошли в зрелый возраст, но хотят учиться. Другие мечтают о том, чтобы их дети получили лучшее образование, чем они сами. В любом случае, как я уже говорил, там имеется вакансия частного учителя. Мистер Белл рекомендовал меня мистеру Торнтону, его арендатору и весьма интеллигентному человеку, насколько я могу судить по нашей переписке. В Милтоне меня ожидает если не счастливая, то достаточно деловая жизнь. Люди и события там будут настолько другие, что я забуду о Хелстоне.

Маргарет догадалась, что это был его тайный мотив. Все будет другим! Но ее душа протестовала. Рассказы, которые она слышала о севере Англии, фабрикантах и людях этого дикого сурового края, вызывали у нее отвращение. Единственное оправдание заключалось в том, что Милтон будет разительно отличаться от Хелстона и никогда не напомнит им о прошлой жизни.

– Когда мы уезжаем? – спросила Маргарет после небольшой паузы.

– Точно не знаю. Я хотел поговорить об этом с тобой. Понимаешь, твоя мать еще ничего не знает. Но через две недели – после того, как пришлют постановление о моей отставке, – мы уже не сможем оставаться в пасторате.

Маргарет оцепенела от изумления.

– Через две недели!

– Нет, конкретная дата не установлена, – с тревогой произнес отец.

Очевидно, он заметил, как побледнело лицо дочери, а глаза заволокло пеленой печали. Впрочем, она тут же сумела взять себя в руки.

– Да, папа, лучше действовать быстро и решительно, – сказала Маргарет. – Жаль, что мама ничего не знает. Вот в чем главная проблема.

– Бедная Мария! – с нежностью в голосе воскликнул мистер Хейл. – Моя бедная супруга! Все было бы проще, если бы я не был женат на ней и сам отвечал за свои поступки. Прости меня, Маргарет. Я не смею изъясняться с ней на эту тему.

– Я сама расскажу ей о возникшей ситуации, – печально произнесла Маргарет. – Дайте мне время до завтрашнего вечера, чтобы я могла выбрать подходящий момент. Ах, папа, как же так!

Она заплакала, а затем со страстной мольбой продолжила:

– Пожалуйста, скажите мне, что это кошмар, ужасный сон, а не реальность! Вы, наверное, шутите, говоря, что собираетесь покинуть Церковь, оставить Хелстон и навсегда увезти отсюда меня и маму. И все из-за какой-то иллюзии. Какого-то искушения! Скажите, что все это неправда!

Мистер Хейл ответил ей хриплым от волнения, но непоколебимым голосом:

– Это правда, Маргарет. Ты не должна сомневаться в искренности моих слов. В намерении и твердой воле.

Какое-то время он наблюдал за ней с застывшим выражением лица. Она тоже с мольбой смотрела на него. Но затем ей стало ясно, что ситуацию не изменить. Тогда она встала и без лишних слов направилась к двери. У самого порога он окликнул ее. Мистер Хейл стоял

у камина, сутулясь, как больной старик. Однако когда дочь подошла, он выпрямился и, возложив руки на ее голову, торжественно произнес:

– Благослови тебя Бог, мое дитя!

– И пусть Он вернет тебя в лоно Церкви, – ответила она, выражая искреннее желание своего сердца.

Маргарет боялась, что ее ответ на благословение будет воспринят как недостойный и непочтительный, возможно, даже обидит отца, поэтому она обвила руками его шею. Он прижал дочь к себе, и она услышала его бормотание:

– Духовники и мученики за веру переносили еще бо́льшую боль... Я не должен падать духом.

Они вздрогнули, услышав голос миссис Хейл. Та звала Маргарет. Они отпрянули друг от друга, с грустью думая о том, что им предстоит сделать в ближайшее время. Мистер Хейл торопливо произнес:

– Ступай, Маргарет. Завтра меня не будет дома весь день. Постарайся до вечера рассказать все твоей матери.

– Да, – ответила она и, потрясенная до глубины души, вернулась в гостиную.

## Глава 5

### Решение

*Я прошу тебя о бесконечной любви,  
Которая граничила бы с мудростью,  
Чтобы счастье встречать улыбками  
И вытирать заплаканные глаза.  
И тогда мое сердце успокоится.*

**Неизвестный автор**

Маргарет внимательно слушала мать, которая рассказывала ей о своем плане по улучшению жизненных условий самых бедных прихожан. Ей приходилось все это выслушивать, хотя каждый пункт проекта отдавался болью в ее сердце. К тому времени, когда начнутся морозы, они будут далеко от Хелстона. Ревматизм старины Саймона еще больше усугубится, а зрение вообще испортится, но некому будет прийти и почтить ему, обрадовать миской бульона и хорошей красной фланелью. Если кто и придет, то, скорее всего, чужой человек. И старик напрасно будет ждать ее. Маленький ребенок Мэри Домвилл, калека от рождения, будет долго еще подползать к двери в надежде, что она выйдет наконец из леса и направится к нему. Эти бедные друзья никогда не поймут, почему она покинула их. А ведь было много и других.

«Обычно папа сам планировал траты на помощь прихожанам, – подумала она. – Возможно, я вторгаюсь в семейный бюджет, но зима, похоже, будет суровой. Нашим пожилым и малоимущим людям нужно оказать поддержку».

– Мама, давайте сделаем для бедных все, что сможем, – пылко сказала Маргарет. – Вдруг из-за каких-то обстоятельств нас уже не будет здесь зимой.

Забыв о рациональной стороне вопроса, она думала только о том, что это будет их последняя помощь прихожанам.

– Ты не заболела, моя дорогая? – встревоженно спросила миссис Хейл.

По всей видимости, она неправильно поняла намек Маргарет на неопределенность их пребывания в Хелстоне.

– Ты выглядишь бледной и усталой. Это все из-за сырого, нездорового воздуха.

– Нет, мама, вы ошибаетесь. Воздух прелестный. После дыма печей на Харли-стрит он кажется наполненным ароматами свежести и чистоты. Но я действительно устала. Наверное, пора уже готовиться ко сну.

– Еще не так поздно. Всего половина десятого. Но тебе лучше пойти в постель, дорогая. И попроси у Диксон теплой каши. Я навещу тебя, когда ты ляжешь. Боюсь, ты простудилась или подышала плохим воздухом у какого-нибудь застоявшегося пруда.

– Мама! – с вымученной улыбкой произнесла Маргарет, целуя ее в щеку. – Я хорошо себя чувствую. Не тревожьтесь обо мне. Я просто устала.

Чтобы успокоить мать, девушка послушно съела тарелку каши, а затем поднялась наверх, вошла в свою комнату и, совершенно опустошенная, легла на кровать. Вскоре миссис Хейл заглянула к ней, поинтересовалась ее самочувствием и, поцеловав, пожелала спокойной ночи. Как только дверь родительской спальни закрылась, Маргарет соскочила с постели и, набросив на плечи халат, начала беспокойно ходить по комнате. Громкий скрип одной из половиц напомнил ей, что она должна вести себя тише. Сев на широкий подоконник, девушка уютно устроилась в нише окна.

Этим утром, когда она смотрела сквозь стекло, ее душа ликовала при виде сияющих отсветов на башне церкви, которые предвещали прекрасный солнечный день. Вечером же,

всего лишь через шестнадцать часов, она сидела на подоконнике, исполненная печали и уже не способная плакать, с холодной болью в груди, которая, казалось, выдавливалась из ее сердца всю прежнюю жизнерадостность. Визит мистера Леннокса и его предложение походили на сон, на нечто нереальное, стоявшее за гранью ее жизни. А суровой реальностью были непонятные сомнения, одолевшие ее отца и позже заставившие его расстаться с Церковью. И теперь вследствие предпринятого им губительного шага на их головы сыпался град ужасных перемен.

Маргарет взглянула на серые очертания церковной башни, выделявшиеся на темно-синем полупрозрачном фоне постепенно сгущавшейся темноты. Она могла бы смотреть на эту дымку вечно, погружаясь в нее с каждым мгновением все больше и больше... но не находя в ней Бога. Казалось, земля обезлюдела и ее накрыл железный купол, за которым находился вечный мир и слава Всмогущего. И бесконечные глубины космоса в их неподвижной строгости были более обманчивыми, чем любые материальные границы. Они заглушали крики земных мучеников – мольбы, которые поднимались в это абсолютное величие и терялись там навсегда, так и не достигнув Его трона.

Пребывая в столь тягостном настроении, Маргарет не заметила, как в комнату вошел отец. Лунный свет, озарявший комнату, позволил ему увидеть дочь в необычном месте и в необычной позе. Он подошел к ней и прикоснулся к плечу, дав ей знать о своем присутствии.

– Маргарет, я слышал, что ты встала. Мне захотелось прийти и помолиться с тобой. Попросить Бога, чтобы он был добрым к нам обоим.

Мистер Хейл и Маргарет опустились на колени у подоконника. Он смотрел вверх на темное небо. Она склонила голову в смиренной стыдливости. Бог был здесь, рядом с ними, Он слушал шепот ее отца. Отец мог быть еретиком, но разве она, предавшись своим отчаянным сомнениям, пятью минутами раньше не показала себя еще большим скептиком?

Маргарет не произнесла ни слова. Когда отец ушел, она тихо легла в постель, словно ребенок, устыдившийся своей ошибки. Если мир состоял из клубка запутанных проблем, она должна была держаться за веру, моля Бога о прозрении и возможности предпринять необходимые действия в нужный час. Этой ночью ее сны были о мистере Ленноксе, о его визите и предложении, о воспоминаниях, так грубо отброшенных в сторону последующими событиями дня. Генри взобрался на какое-то дерево сказочной высоты. Он хотел дотянуться до ветки, на которой висела ее шляпка. Затем он вдруг сорвался и упал. Маргарет бросилась ему на помощь, но ее удержала какая-то невидимая сильная рука. Мистер Леннокс умер. А потом вдруг она оказалась в гостиной дома на Харли-стрит и снова беседовала с ним, хотя осознание того, что ей довелось видеть его мертвым после ужасного падения, сохранилось.

Какая беспокойная ночь! Плохое начало нового дня! Вздвогнув, Маргарет проснулась – совсем не отдохнувшая и опечаленная тем, что реальность будет еще хуже, чем ночные кошмары. Бремя тревог вернулось к ней – не просто беспокойство, а настоящий разлад в душе. Как далеко зашел отец, ведомый сомнениями, которые она считала искушением Зла? Она задала этот вопрос небесам, но ответа не услышала.

Прекрасное свежее утро улучшило самочувствие матери. Во время завтрака миссис Хейл была веселой и счастливой, много говорила, обсуждала добрые дела для деревенской общины и не обращала внимания на молчание мужа и односложные ответы Маргарет. Прежде чем со стола убрали посуду, мистер Хейл встал и, опершись рукой о стул, словно ему требовалась дополнительная поддержка, громко сообщил:

– Меня не будет дома весь день. Я собираюсь сходить в Браси-Коммон. Пообедаю у фермера Добсона. Вернусь в семь часов, к вечернему чаю.

Он не смотрел на дочь, но Маргарет знала, что означали его слова. К семи вечера она должна была рассказать матери о переменах в их жизни. Отец отложил бы этот разговор до половины седьмого, однако его дочь, обладая другим складом ума, не вынесла бы такого

груза ответственности на протяжении целого дня. Она считала, что с неприятными делами нужно разбираться как можно быстрее. Возможно, ей потом и дня не хватит, чтобы успокоить мать. Пока она стояла у окна, размышляя, с чего бы начать, а заодно ожидая, когда служанка покинет комнату, мать поднялась наверх, чтобы переодеться и затем отправиться в школу. Через несколько минут она, оживленная и бодрая, спустилась по лестнице.

– Мама, я прошу вас прогуляться со мной вокруг сада, – сказала Маргарет, обняв миссис Хейл за талию. – Хотя бы немного...

Они прошли через стеклянную дверь. Миссис Хейл о чем-то говорила, но дочь не слушала ее. Она заметила пчелу, вползавшую в бутон цветка, и затаила дыхание. Когда пчела выбралась с добычей и полетела дальше, Маргарет восприняла это как знак и, глубоко вдохнув, приступила к выполнению своей миссии.

– Мама, я должна сообщить вам, что папа собирается покинуть Хелстон, – выпалила она. – Отец решил оставить службу в церкви и поселиться в Милтоне, на севере.

Вот так, в двух фразах, были высказаны три самых трудных для принятия факта.

– Что ты такое говоришь? – удивленно спросила миссис Хейл, в голосе которой прозвучал явный скепсис. – Кто сказал тебе эту чушь?

– Папа.

Маргарет хотела как-то утешить мать, но не находила нужных слов. К счастью, они подошли к садовой скамье. Миссис Хейл села и начала плакать.

– Я не понимаю тебя, – всхлипнув, сказала она. – Либо ты в чем-то ошибаешься, либо я... не понимаю тебя.

– Нет, мама, я просто передаю его слова. Папа написал епископу письмо и сообщил, что у него возникли сомнения, которые не позволяют ему оставаться священником англиканской церкви, что по зову сердца он должен покинуть Хелстон. Папа также посоветовался с мистером Беллом, крестным отцом Фредерика. Вы же знаете его, мама. И мистер Белл порекомендовал ему переехать в Милтон.

Пока Маргарет говорила, миссис Хейл смотрела ей в глаза. Наконец она поняла, что дочь не шутит. Ее лицо помрачнело.

– Сомневаюсь, что твои слова могут быть правдой, – заявила она после паузы, цепляясь за последнюю возможность. – Он определенно рассказал бы мне об этом безумии, прежде чем оно зашло бы так далеко.

Маргарет была уверена, что отцу следовало раскрыть свои планы еще в самом начале. Как бы он ни боялся недовольства и жалоб жены, ему не нужно было оставлять ее в неведении. И то, что миссис Хейл узнала о скорых изменениях в их жизни из уст дочери, тоже являлось ошибкой. Маргарет села рядом с ней, прижала голову матери к своей груди и ласково потерлась щекой о ее лицо.

– Дорогая мама, мы боялись причинить вам боль. Папа очень переживал. У вас и без того слабое здоровье, вы сами знаете... А долгое ожидание перемен измотало бы кого угодно.

– Когда он говорил с тобой?

– Вчера, – ответила Маргарет, уловив нотку ревности в ее голосе. – Только вчера. Ах, бедный папа!

Она пыталась пробудить в матери милосердие к отцу, которому пришлось пройти через многие страдания, прежде чем он принял столь важное для него решение. Миссис Хейл подняла голову.

– О каких сомнениях говорил твой отец? – спросила она. – Неужели он стал думать как-то иначе? Ведь Церковь была для него воплощением всего хорошего.

Слова матери задели ее, напомнив о собственных сожалениях. Маргарет покачала головой, и на ее глаза навернулись слезы.

– Почему епископ не вернул его на правильный путь? – сердито поинтересовалась миссис Хейл.

– Наверное, не получилось. Я не спрашивала его об этом. Меня пугали его возможные ответы. В любом случае все уже решено. Через две недели мы должны покинуть Хелстон. Отец рассказывал вам, что послал прошение об отставке?

– Через две недели! – вскричала миссис Хейл. – Но это невозможно! Это неправильно! Нельзя же быть таким бесчувственным...

Брызнувшие из глаз слезы принесли ей некоторое облегчение.

– Ты сказала, что у него появились сомнения. И он, не посоветовавшись со мной, отказался от прихода... от нашей налаженной жизни! Думаю, если бы он с самого начала рассказал мне о своих планах, я пресекла бы все это в корне.

Маргарет понимала, что поведение отца было ошибочным, но ей не хотелось, чтобы мать укоряла его. Она знала, что молчание ее любимого папы объяснялось его нежным отношением к супруге. Его можно было назвать трусливым, но не бесчувственным.

– Мама, мне казалось, что вы будете рады покинуть Хелстон, – сказала она после короткой паузы. – Вы говорили, что здешний воздух всегда вредил вашему здоровью.

– Ты же не думаешь, что задымленная атмосфера северного Милтона, чадающие трубы и сажа промышленного города будут лучше чистого воздуха Хелстона? Хотя он, конечно, излишне влажный и чрезмерно расслабляет легкие. Но как мы будем жить среди фабрик и чумазных рабочих? Впрочем, если твой отец оставит церковь, нас больше никогда не примут в высшем обществе. Какой позор для нашей семьи! Бедный сэр Джон! Хорошо, что он не дожил до этого времени и не увидел, до чего дошел твой отец! Каждый день перед обедом, когда я была девочкой и жила с твоей тетей Шоу в Бересфорд-Корте, первым тостом, который произносил сэр Джон, всегда был следующий: «Церковь и король, и пусть сгинет охвостье!»

Маргарет обрадовалась, что мать на какое-то время перестала ругать отца и затронула тему, которая была близка ее сердцу. Помимо непонятных и таинственных сомнений отца, Маргарет тревожило еще одно обстоятельство.

– Знаете, мама, мы и так здесь жили без высшего общества. Мне трудно причислять к благородному обществу наших ближайших соседей Горманов, с которыми, впрочем, мы почти и не виделись. Кроме того, они такие же торгаши, как фабриканты северного Милтона.

– Горманы, кстати, делают экипажи для половины дворянского сословия нашей страны! – возмущенно ответила миссис Хейл. – Они состоят в дружеских отношениях с членами королевской семьи! Разве можно сравнивать их с фабрикантами Милтона? Кто из знати будет носить ситец, если им доступен лен?

– Мама, только не подумайте, что я заступаюсь за всяких прядильщиков и мотальщиков. Они ничем не отличаются от других торгашей. К сожалению, нам придется общаться именно с ними.

– Почему твой отец решил переехать в Милтон?

– Отчасти потому, что этот город совершенно не похож на Хелстон, – со вздохом ответила Маргарет. – И, наверное, потому, что мистер Белл сообщил об имеющейся там вакансии для частного учителя.

– Частный учитель в Милтоне! Интересно, почему он не мог поехать в Оксфорд, чтобы обучать джентльменов?

– Не забывайте, дорогая мама! Он решил оставить службу в церкви из-за своих еретических убеждений. Его сомнения были бы неприемлемы для Оксфорда.

Какое-то время миссис Хейл тихо плакала. Затем она вытерла слезы и с печалью в голосе спросила:

– А что мы будем делать с мебелью? Как нам устроить переезд? Я ни разу в жизни не переезжала с места на место. И у нас только две недели на все хлопоты!

Маргарет почувствовала неопишное облегчение, заметив, что тревога матери уменьшилась до уровня таких незначительных вопросов. Теперь она могла предложить свою помощь. Следуя заранее обдуманному плану, девушка подвела мать к мысли о том, что вещи можно собирать уже сейчас, поскольку это не зависело от конкретных намерений мистера Хейла. Весь день она не оставляла мать одну, внимательно наблюдала за перепадами ее настроения. Вечером тревога усилилась. Маргарет хотелось устроить для отца радужный прием после его волнений в течение долгого дня. Дочь настаивала, что он хранил свой секрет ради их спокойствия. А мать холодно отвечала, что он мог бы рассказать ей обо всем и получить помощь женщины, которая могла бы дать ему полезные и умные советы.

Когда отец вошел в прихожую, у Маргарет болезненно сжалось сердце. Страшась вызвать ревнивое раздражение матери, она не осмелилась выйти ему навстречу и рассказать о достигнутых успехах. Девушка чувствовала, что отец медлит, словно ожидая ее появления или какого-то одобрительного знака. Но она опасалась даже пошевелиться. Маргарет видела, как побледнело лицо матери, как начали подергиваться ее губы. Миссис Хейл тоже не могла унять волнение перед встречей с мужем. Через некоторое время отец открыл дверь и замер на пороге гостиной, не зная, входить ему в комнату или нет. Его бледность приобрела сероватый оттенок. Робкий взгляд и растерянность на лице мужчины делали его чрезмерно жалким. Но эта унылая неуверенность – психическая и телесная апатия – затронула сердце супруги. Она бросилась ему на грудь и заплакала.

– О, Ричард! Мой милый Ричард! Почему ты не рассказал мне об этом?

И тогда Маргарет, тоже расплакавшись, выбежала из гостиной, поднялась к себе в комнату, упала на кровать и зарылась лицом в подушки, чтобы заглушить истеричные рыдания, вырвавшиеся наконец наружу после целого дня жесточайшего самоконтроля. Она забыла о времени и даже не услышала, как служанка вошла в ее спальню для вечерней уборки. Напуганная девушка на цыпочках выскользнула из комнаты и побежала к миссис Диксон с донесением: мол, бедная мисс Хейл плачет так, что сердце разрывается. Она была уверена, что молодая хозяйка может серьезно заболеть, если будет продолжать в том же духе. В результате Маргарет вскоре ощутила, как ее тормошат за плечо. Рывком сев на кровати, она окинула взглядом комнату и увидела в тени знакомую фигуру Диксон. Та стояла, держа свечу за спиной, – старая служанка боялась ослепить покрасневшие глаза мисс Хейл.

– Диксон? – прошептала Маргарет, пытаясь взять себя в руки. – Я не слышала, как ты вошла. А что, уже пора ложиться спать?

Она коснулась ногами пола, но из-за слабости в коленях не осмелилась встать. Убрав с лица влажные пряди, Маргарет сделала вид, будто ничего плохого не произошло и она просто задремала.

– Я не знаю, какой сейчас час, – огорченно ответила Диксон. – С тех пор как ваша мать сообщила мне эти ужасные новости, пока я одевала ее к чаю, у меня нарушилось ощущение времени. Ума не приложу, как мы будем жить дальше. Когда Шарлотта сообщила мне, что вы рыдаете у себя в спальне, я ничуть не удивилась. Подумать только! Ваш отец решил объявить себя сектантом. В его-то возрасте! А ведь он был хорошо устроен при церкви и никто не обижал его. Знаете, мисс, мой кузен после пятидесяти лет стал методистским проповедником. Он всю жизнь проработал портным, хотя ни разу не смог сшить приличных брюк. Но ему нечего было стыдиться. Он ушел от своей профессии к Богу. А наш хозяин? Все наоборот! Я так и посетовала хозяйке: «Что сказал бы бедный сэр Джон? Ему никогда не нравился ваш брак с мистером Хейлом. Но если бы сэр Бересфорд знал, что дело дойдет до такого конца, он ругался бы хуже обычного, хотя это вряд ли возможно!»

Диксон так привыкла обсуждать поступки мистера Хейла со своей хозяйкой (которая слушала ее или обрывала на полуслове, когда была не в настроении), что не обратила вни-

мания, как вспыхнуло лицо Маргарет, как от гнева затрепетали ее ноздри. Она не могла позволить служанке говорить об отце подобным образом!

– Диксон, – сказала Маргарет, понизив тон, что всегда делала в минуты сильного возбуждения. – Ты забыла, с кем разговариваешь!

В ее голосе ощущались раскаты надвигающейся грозы. Она встала, выпрямила спину и направила на старую служанку испепеляющий взгляд.

– Я дочь мистера Хейла. Уходи! Я не сомневаюсь в твоих добрых чувствах, но надеюсь, что, подумав немного, ты найдешь в себе силы извиниться за столь грубую ошибку!

Диксон нерешительно отошла к окну. Затем минуту или две она перекладывала белье в шкаф. Маргарет повторила:

– Оставь меня, Диксон. Я хочу, чтобы ты ушла!

Старая служанка не знала, как поступить: обидеться на решительные слова Маргарет или заплакать. В присутствии хозяйки она могла бы сделать и то, и другое. Но Диксон подумала: «Мисс Маргарет унаследовала характер старого сэра Джона. Так же, как и мастер Фредерик. Благородную породу сразу видно!» Эта ворчливая женщина, которая дала бы отповедь любой менее надменной особе, подчинилась указанию девушки и покорным, немного обиженным тоном спросила:

– Мисс, вы позволите мне расстегнуть ваше платье и расчесать волосы?

– Не этим вечером, Диксон. Спасибо.

Маргарет с мрачным видом потушила свет и, выпустив служанку из комнаты, заперла дверь на задвижку. С той минуты она заслужила всецелое уважение Диксон. Сама служанка объясняла свое восторженное отношение к Маргарет тем, что «молодая хозяйка во всем напоминала ей мастера Фредерика». Но, по правде говоря, ей, как и многим другим женщинам, нравилось безоговорочное подчинение властным и решительным натурам.

Маргарет нуждалась в помощи Диксон, в ее советах и делах. А поскольку старая служанка решила продемонстрировать свою обиду и свела общение с юной леди до нескольких дежурных фраз, вся энергия их взаимодействия перешла от слов к конкретным хлопотам. Две недели были слишком коротким сроком для приготовлений к предстоящему отъезду. Диксон даже как-то проворчала: «Любой человек, кроме этого джентльмена, да и любой другой джентльмен...» Но, поймав строгий взгляд Маргарет и увидев ее нахмуренные брови, она притворно раскашлялась и поспешила принять капли конской мяты, чтобы остановить «небольшое шекотание в груди». Однако же в ее словах была и доля истины. Любой практичный человек, кроме мистера Хейла, мог бы понять, что за такое короткое время почти невозможно арендовать приличный дом в северном Милтоне, как, впрочем, и в каком-нибудь другом городе. А ведь им еще предстояло перевезти туда мебель из хелстонского пастората.

Под гнетом этих неприятностей и потребности незамедлительных решений, которые одновременно навалились на миссис Хейл, хозяйка дома заболела по-настоящему. Когда она слегла в постель, передав управление делами дочери, последняя почувствовала некоторое облегчение. Диксон, верная своим обязанностям телохранительницы, преданно заботилась о своей подопечной. Выходя из спальни миссис Хейл, она печально качала головой и ворчала себе под нос слова, которые Маргарет не желала слышать. Девушке было ясно одно: несмотря ни на что, им следовало покинуть милый сердцу Хелстон в намеченный срок.

Так как преемник мистера Хейла уже получил назначение, их семейству – после сомнительного решения отца – нельзя было задерживаться в доме приходского священника. К тому же имелись и другие соображения. Каждый вечер отец приходил домой в подавленном настроении. Он считал своим долгом попрощаться со всеми прихожанами. Маргарет, неопытная в прозаических хозяйственных делах, не знала, к кому обращаться за советом. Ей приходилось делать все самой. Кухарка и Шарлотта с усердием помогали ей в перемещении мебели и в упаковке посуды. И вскоре Маргарет с восторгом поняла, что вполне может спра-

виться с возникшей ситуацией. Она на удивление быстро научилась выполнять все необходимые дела, причем наилучшим образом.

До отъезда оставалась неделя. Но куда они поедут? Прямо в Милтон или в какой-то промежуточный город? От этого решения зависело так много приготовлений, что однажды вечером, несмотря на очевидную усталость и подавленный дух отца, Маргарет решила спросить его о дальнейших планах.

– Моя дорогая, – ответил он, – я и сам много думал над этим вопросом. А что говорит твоя мать? Что ей больше нравится? Ах, бедная Мария!

Он вздрогнул, услышав эхо, слишком громкое для его вздоха. Оказывается, в комнату вошла Диксон. Она хотела приготовить для миссис Хейл еще одну чашку чая. В ответ на последние слова хозяина служанка, будучи защищенной его присутствием от укоряющего взгляда Маргарет, осмелилась сказать:

– Моя бедная хозяйка!

– Ты думаешь, ей становится хуже? – торопливо повернувшись, спросил мистер Хейл.

– Не знаю, что ответить, сэр. Не мне судить об этом. Ее болезнь, на мой взгляд, больше влияет на ум, чем на тело.

Мистер Хейл выглядел очень расстроенным.

– Диксон, тебе лучше отнести маме чай, пока он горячий, – тихо, но настойчиво произнесла Маргарет.

– О, прошу прощения, мисс! Меня действительно отвлекли мысли о моей бедной... миссис Хейл.

– Дорогой отец! – сказала Маргарет. – Эта неопределенность терзает и вас, и маму. Конечно, ей трудно принять вашу перемену во взглядах – тут мы не в силах что-то изменить. Но теперь, когда ход событий ясен до некоторой степени, я могла бы попросить ее помочь мне в подготовке переезда, если вы расскажете, что именно нам нужно принимать в расчет. Меня тревожит, что мама не выражает никаких желаний. Очевидно, она считает себя бесполезной. Мне хотелось бы, чтобы она была вовлечена в принятие решений. Итак, скажите, мы едем прямо в Милтон? Вы уже арендовали там дом?

– Нет, – ответил он. – Нам придется снять временное жилье и заняться поисками дома.

– Значит, нужно запаковать мебель так, чтобы ее можно было оставить на железнодорожной станции, пока мы не найдем подходящее жилье.

– Полагаю, да. Делай то, что считаешь необходимым. Только помни о расходах. Мы должны экономить на всем.

Маргарет знала, что у родителей никогда не было лишних денег. Она почувствовала, как огромное бремя ответственности легло на ее плечи. Четыре месяца назад все ее личные решения сводились к простейшим вопросам: какое платье надеть к обеду или как вместе с Эдит составить список гостей на званый ужин, а затем рассадить всех в нужном порядке. Раньше у нее не было никаких домашних забот и дел по хозяйству. Все шло с точностью и регулярностью часового механизма. Пожалуй, единственным исключением стало предложение, которое капитан Леннокс сделал ее кузине. Раз в год тетя Шоу и Эдит затевали долгий спор, куда им отправляться на отдых – морем на остров Уайт или по суше в Шотландию. Во время их путешествий Маргарет спокойно удалялась в тихую гавань родного дома. Но с тех пор как Генри Леннокс напугал ее своим признанием в любви, каждый день приносил какие-то тревоги, и ей приходилось решать важные вопросы ради тех, кого она любила.

После вечернего чая отец решил посидеть у постели жены. Маргарет осталась одна. Взяв свечу, она сходила в кабинет отца и принесла оттуда большой атлас. Девушка раскрыла карту Англии и начала рассматривать ее. Когда мистер Хейл спустился в гостиную, Маргарет встретила его с большим оптимизмом.

– У меня появился хороший план. Посмотрите сюда. В Даркшире, на ширине моего пальца от Милтона, находится город Хестон, который северяне называют лучшим купальным курортом. Что, если мы поедем туда, запишем маму на медицинские процедуры, а сами отправимся в Милтон? Там мы с вами осмотрим предлагаемые в аренду дома, найдем достойное жилье и завезем в него наши вещи. А мама тем временем подышит морским воздухом и сбросит усталость. Восстановив здоровье, она подготовится к зиме. И пока мы будем находиться в Милтоне, о ней с радостью позаботится Диксон.

– Диксон поедет с нами? – с ужасом в голосе беспомощно спросил мистер Хейл.

– Да, – ответила Маргарет. – Диксон намерена следовать за нашей семьей, и, честно говоря, я не знаю, как мама будет обходиться без нее.

– Ты права. Боюсь, нам предстоит смириться с совершенно другим образом жизни. В городах все намного дороже. Я сомневаюсь, что старую Диксон ожидает сладкая жизнь. Сказать по правде, Маргарет, мне иногда кажется, что эта женщина ведет себя со мной высокомерно.

– Так оно и есть, дорогой папа, – ответила Маргарет. – Но если она приспособится к другому образу жизни, мы смиримся с ее высокомерием. На самом деле она любит всех нас и будет горевать, если ей придется покинуть нашу семью, особенно при таких обстоятельствах. Поэтому ради мамы и в благодарность за долгую преданность мы должны взять ее с собой.

– Хорошо, дорогая. Я уступаю твоей рассудительности. Но продолжим разговор. Как далеко Хестон от Милтона? Ширина твоего пальчика не дает мне ясного представления о точном расстоянии.

– Я думаю, миль тридцать, не больше.

– Тут дело не в милях... Впрочем, забудь! Если ты действительно считаешь, что купальный курорт пойдет на пользу твоей матери, пусть так оно и будет.

Это был большой шаг вперед. Теперь Маргарет могла всерьез заниматься подготовкой к отъезду. В свою очередь, мать могла забыть об апатии и физических недугах, предаваясь приятным размышлениям о будущем пребывании на морском курорте. Миссис Хейл сожалела лишь о том, что муж не сможет сопровождать ее во время дефиле по пляжу и по разным интересным местам – так, как он однажды делал это сразу после их помолвки, когда она выезжала в Торки вместе с сэром Джоном и леди Бересфорд.

## Глава 6

### Прощание

*Не видим мы ветвей шатер  
Или трепещущий бутон,  
Не любим бука темный тон  
И клена пламенный костер;  
Подсолнух, как ни горделив,  
Ничто не пробуждает в нас,  
Тюльпан цветет в урочный час —  
Нам дела нет, что он красив.  
Пока по тем же мы садам  
Все снова вдоволь не пройдем,  
И будут тропки с каждым днем  
Знакомей и любимей нам.  
Так пахарь борозду ведет,  
Все дальше направляя плуг;  
Так ширит память наша круг  
День ото дня, из года в год.*

**Теннисон**

Наступил последний день. В каждой комнате стояли ящики, которые грузчики сначала переносили к крыльцу, а затем увозили на железнодорожную станцию. Милая лужайка у дома стала уродливой и неряшливой из-за упаковочной соломы, выносимой сквозняком через открытые окна и двери. Комнаты обзавелись странным эхом. На поверхностях появились резкие тени, потому что яркий свет уже не встречал на своем пути занавесок. Все выглядело каким-то неродным и трудно узнаваемым. Но гардеробная миссис Хейл осталась нетронутой до последнего. Там хозяйка и Диксон складывали в стопки одежду, время от времени окликая друг друга и с нежным сожалением перебирая забытые сокровища — сувениры и вещи, связанные с детьми, когда те были еще маленькими. Поэтому работа продвигалась медленно.

Маргарет стояла у подножия лестницы, спокойная и собранная, готовая давать советы и распоряжения нанятым грузчикам. Ей помогали Шарлотта и кухарка. Обе девушки часто плакали во время перерывов и удивлялись, как юная леди в последний день перед отъездом могла быть настолько бесстрашной. В конце концов они решили, что она, прожив так долго в Лондоне, не очень печалилась о Хелстоне. А Маргарет, бледная и неразговорчивая, внимательно наблюдала за происходящим, и ее большие серьезные глаза замечали каждую деталь, даже самую незначительную. Обе девушки не понимали, как сильно болело ее сердце от тяжелого груза ответственности, который она не могла передать кому-нибудь другому. Это постоянное напряжение воли было для нее единственным способом удержаться от криков и рыданий. Ведь если бы она дала волю своим чувствам, кто бы тогда управлял погрузкой мебели и остальных вещей? Ее отец вместе с клерком из епархии находился в ризнице. Он сдавал по описи приходские документы, церковную утварь и книги. Когда мистер Хейл вернулся домой, он занялся упаковкой собственных книг, потому что никто иной не сделал бы это правильно. Одним словом, Маргарет не могла дать выход своим чувствам перед чужими людьми или даже перед домашними, такими как кухарка и Шарлотта. Нет, только не она!

Наконец четверо рабочих завершили упаковку ящиков и пошли на кухню пить чай. Чтобы размять затекшие ноги, Маргарет медленно отошла от лестницы, где она простояла почти весь день, пересекла пустую гостиную с ожившим эхом и вышла через стеклян-

ную дверь в ранние сумерки ноябрьского вечера. Поскольку солнце еще не полностью село, мягкая вуаль тумана скорее затеняла, чем скрывала предметы, придавая им нежно-лиловый оттенок. Неподалеку пела зарянка, возможно, та самая, подумала Маргарет, которую отец называл своей зимней певчей подругой и для которой он повесил деревянный домик напротив окна кабинета. Красные листья ярко блестели в предзакатном свете, наверное, чувствовали, что первые заморозки скоро уложат их на землю. Один или два уже летели вниз, янтарно-золотистые в косых лучах заходящего солнца.

Маргарет пошла по дорожке вдоль южной стены и грушевых деревьев. После той беседы с Генри Ленноксом она намеренно не приходила сюда. Здесь, у этой клумбы тимьяна, он начал разговор, который теперь смущал ее ум. В те мгновения она смотрела на поздно расцветшую розу и, отвечая на его слова, была восхищена красотой морковных листьев, похожих на птичьи перья. Тот момент совпал с его последней фразой. Прошло лишь две недели, а все так изменилось! Где он теперь? Наверное, в Лондоне – следует своему распорядку: обедает со старыми знакомыми в особняке на Харли-стрит или проводит вечера с беспутными друзьями. Пока она печально обходила в сумерках сырой и скучный сад, где опадавшая листва постепенно превращалась в тлен, Генри Леннокс после трудового дня, отложив адвокатские книги, скорее всего, ублажал себя поездкой в Темпл-Гарденс. Там, у берега Темзы, слышался шум быстрого течения, похожий на отдаленный и неразборчивый рев многотысячной толпы, а на поверхности волн мелькали отражения городских огней, будто приходивших из глубин реки. Генри часто рассказывал Маргарет о своих вечерних прогулках по парку перед ужином. Пребывая в хорошем настроении, он так красочно описывал их, что будоражил ее фантазию.

К тому времени сад погрузился в безмолвие. Зарянка улетела в бездну ночи. Иногда дверь дома открывалась и хлопала, словно впускала усталого путника. Но эти приглушенные звуки приходили издалека, а вот крадущиеся шаги, внезапно послышавшиеся у садовой ограды, и шелест опавших листьев под чьими-то ногами казались очень близкими. Маргарет знала, что это был браконьер. Сидя в спальне у окна с погашенной свечой, наслаждаясь мирной красотой небес и земли, она много раз видела, как браконьеры бесшумно перепрыгивали через садовую ограду, быстро проходили по освещенной лунным сиянием лужайке и исчезали в черной неподвижности леса. Их дикая жизнь, опасная и свободная, возбуждала ее воображение. Она желала им удачи и нисколько не боялась их. Но этим вечером Маргарет, не понимая почему, испугалась до дрожи в коленях. Она услышала, как Шарлотта закрывала окна, запирая ставни на ночь. Девушка не знала, что кто-то из обитателей дома вышел погулять по саду. Небольшое дерево, возможно сгнившее или сломанное кем-то, рухнуло у самой кромки леса, и Маргарет, стремительно подбежав к двери, торопливо застучала по стеклу дрожащей рукой, чем сильно напугала Шарлотту.

– Впусти меня! Впусти! Это я, Шарлотта! Я!

Ее сердце успокоилось только после того, как она оказалась в гостиной, с закрытыми окнами и запертыми ставнями, в окружении знакомых стен, создававших безопасное пространство. Угрюмая и озябшая, она села на ящик и окинула взглядом пустую комнату – ни огня в камине, ни другого света, кроме длинной свечи Шарлотты. Служанка не сводила с нее удивленных глаз, и Маргарет, почувствовав смущение, поднялась.

– Я испугалась, что ты оставишь меня снаружи, – с усталой улыбкой сказала она. – А потом ты ушла бы на кухню и вообще не услышала мой стук. Мне пришлось бы сидеть на садовой скамье до самого утра, ведь ворота, ведущие на церковный двор, уже заперты.

– О, мисс. Мы быстро заметили бы ваше отсутствие. Рабочие ждут ваших указаний на завтрашний день. Я отнесла чай в кабинет хозяина. Там сейчас самое удобное место для вечерних разговоров.

– Спасибо, Шарлотта. Ты хорошая девушка. Мне очень жаль расставаться с тобой. Если тебе понадобится мой совет или какая-то помощь, напиши мне письмо. Я всегда буду рада весточке из Хелстона. Когда мы обзаведемся новым домом, я пришлю тебе наш адрес.

Стол в кабинете был готов к чаепитию. В камине пылали поленья, на полке стояли незажженные свечи. Маргарет села на ковер поближе к огню, так как вечерняя сырость вцепилась в ее платье, а усталость вызвала сильный озноб. Она обхватила колени руками, опустила подбородок на грудь и предалась унынию. Однако, услышав шаги отца на гравийной дорожке, девушка резко вскочила, поспешно откинула назад черные волосы и вытерла те неуместные слезинки, которые стекали по ее щекам. Когда мистер Хейл вошел в комнату, он выглядел подавленным и грустным. Маргарет с трудом выудила из отца несколько слов, стараясь затрагивать темы, которые могли бы заинтересовать его. Но каждый раз ее усилия были напрасны, и она думала, что это будет последняя попытка.

– Как далеко вы сегодня ходили? – спросила она, заметив, что отец не притронулся к еде.

– До самого Фордхэма-Бичс. Хотел навестить вдову Мэлтби. Она сильно опечалилась, оттого что не смогла попрощаться с тобой. Мэлтби сказала, что ее малышка Сьюзен два прошлых дня следила за дорогой в ожидании тебя... Дорогая, почему ты плачешь?

Мысль о маленькой девочке, так и не дождавшейся ее – не из-за забывчивости Маргарет, а из-за необходимости заниматься подготовкой к переезду, – стала последней каплей в чаше многих огорчений. Ее сердце разрывалось от горя. Она расплакалась, как дитя. Мистер Хейл расстроился при виде ее слез. Он встал и нервно зашагал по комнате. Маргарет пыталась успокоиться, но какое-то время не могла говорить от переполнявших ее чувств. Она слышала, как отец бормотал себе под нос почти бессвязные фразы:

– Это выше моих сил. Невыносимо смотреть на страдания родных и близких. Я думал, что переживу все тяготы с терпением. Но уже нельзя вернуть былого...

– Былого не вернуть, отец, – тихим уверенным голосом подтвердила Маргарет. – Печально понимать, что вы совершили ошибку. Но будет еще хуже, если окажется, что вы вели себя, как лицемер.

На последних словах она понизила голос, словно идея о лицемерии ассоциировалась у нее с неуважением к отцу.

– Мои слезы объясняются усталостью, – продолжила она. – Не думайте, что я осуждаю ваши взгляды и поступки. И давайте не будем говорить сегодня об этом.

Несмотря на усилия, ее плечи содрогались от рыданий.

– Я лучше отнесу маме чашку свежего чая. Первую она пила три часа назад, когда я была слишком занята, чтобы присоединиться к ней. Думаю, она с радостью выпьет еще одну.

Время отправления поезда безжалостно приближало семейство Хейлов к разлуке с милым и прекрасным Хелстоном. С горечью и сожалением они в последний раз смотрели на длинный приземистый дом, наполовину скрытый остролистом и китайскими розами. Он казался им таким родным. Лучи утреннего солнца сверкали в окнах их любимых комнат. Из Саутгемптона прислали экипаж, чтобы доставить их семью на станцию. Садясь в него, они понимали, что больше никогда не вернутся назад. Жгучая боль в сердце заставила Маргарет переместиться на сиденье – на крутом повороте дороги ей хотелось в последний раз взглянуть на старую церковь, башню которой она могла бы увидеть над кронами деревьев. Но отец уже занял место у окна, и она молча признала, что он имеет большее право на прощание с главным символом Хелстона. Откинувшись на спинку, девушка закрыла глаза. На мгновение слезы повисли на ее темных ресницах, а затем покатались одна за другой по щекам, капая на платье.

На ночь они остановились в какой-то скромной гостинице. Бедная миссис Хейл плакала почти весь день, а Диксон демонстрировала свою печаль, чрезмерно крестясь и раздра-

женно поправляя юбки, чтобы они не соприкасались с ногами мистера Хейла, которого она считала источником всех бед и страданий.

Затем был Лондон. Они проезжали по знакомым улицам – мимо домов, в которых Маргарет часто бывала; мимо магазинов, в которых она изнывала от скуки, сопровождая тетю Шоу, пока та принимала важные и бесконечные решения о выборе платьев и украшений. Они проезжали мимо дам и джентльменов, известных Маргарет по званым обедам и балам. Ноябрьский полдень был активным временем. Миссис Хейл оживилась. Она давно не была в Лондоне и с любопытством осматривалась по сторонам, как ребенок. Ее интересовало все: широкие улицы, высокие дома, дорогие магазины, экипажи.

– Дочь, взгляни! Это ателье Харрисона. Здесь мы покупали почти все мои свадебные наряды. Господи! Как изменились здания! Я не видела таких огромных витрин даже у Кроуфорда в Саутгемптоне. Ого! А там идет... Не может быть! Маргарет, мы только что проехали мимо мистера Леннокса. Что он делает в районе дамских магазинов?

Маргарет придвинулась к окну, но тут же отпрянула, с улыбкой отметив свою непровольную реакцию. К тому моменту их разделяло расстояние в сто ярдов и мистер Леннокс казался отголоском Хелстона – он ассоциировался в ее уме с ярким утром или насыщенным событиями днем. Ей хотелось бы взглянуть на него, но так, чтобы он не видел ее, без единого шанса на возможный разговор.

Вечер, проведенный в гостиничном номере, без домашних рукоделий и привычных тем для неспешной беседы, был утомительным и долгим. Мистер Хейл отправился к знакомому букинисту, а затем заглянул в гости к двум давним друзьям. Маргарет с матерью совершили небольшую прогулку. Все, кого они видели в холле гостиницы или на улицах, куда-то спешили, кого-то ожидали или планировали встретиться с кем-то. Только они выглядели странными и оторванными от общества. Маргарет знала несколько семей, живших неподалеку, всего на расстоянии одной мили, и они ради дружбы с тетей Шоу с радостью приняли бы их у себя. Но Хейлам не хватало умиротворенности, на них лежало бремя печали, поэтому в домах хороших знакомых они вряд ли были бы желанными гостями. Их приняли бы как просителей, а не как друзей. Лондонская жизнь была слишком суматошной и насыщенной, чтобы люди могли позволить себе даже час молчаливого сочувствия, которое некогда показали друзья Иовы, когда «они сидели с ним на земле семь дней и семь ночей, и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико».

## Глава 7

### Новые впечатления и лица

*Туман заслоняет свет солнца,  
Закопченные карликовые дома  
Окружают повсюду меня.*

*Мэтью Арнольд*

Следующим вечером примерно в двадцати милях от Милтона они пересели на поезд, направлявшийся по небольшой железнодорожной ветке в Хестон. В этом городке была лишь одна длинная улица, идущая параллельно морскому побережью. От южных купальных курортов Англии и континента Хестон отличался особым характером. Применяя модное шотландское слово, можно было сказать, что все здесь было устроено «по-деловому». В сельских повозках было больше железных деталей, в конской упряжи почти не использовалась кожа. Местные жители, хотя и склонные к удовольствиям, всюду проявляли деловой настрой. В городе преобладали серые цвета, более долговечные, но унылые и неприятные. Никто не носил рабочих халатов, даже крестьяне. Дело в том, что они стесняли движения и попадали в шестеренки механизмов, поэтому мода на них быстро закончилась. В южных городах Маргарет часто видела лавочников, которые, не будучи занятыми торговлей, стояли в проеме дверей своих магазинов, наслаждаясь свежим воздухом и осматривая улицу. Здесь, когда покупателей не было, продавцы занимались какими-нибудь делами внутри магазинов – например, как фантазировала Маргарет, раскручивали и скручивали атласные ленты. Когда на следующее утро они с матерью отправились искать съемное жилье, все эти различия тут же бросились им в глаза.

Две ночи, проведенные в гостиницах, обошлись им дороже, чем ожидал мистер Хейл. Маргарет впервые за пару недель почувствовала облегчение, когда они нашли чистые и светлые апартаменты. Здесь, на курорте, все располагало к мечтательной расслабленности и дарило наслаждение от роскоши всевозможных услуг. Далекое море с размеренным звуком шлифовало песчаный берег. Под окнами раздавались крики носильщиков. Перед Маргарет разворачивались забавные сцены, похожие на цветные картинки, и в своей лености она не заботилась, чтобы как-то объяснить их. Они с матерью гуляли по берегу и дышали морским воздухом, мягким и теплым даже в конце ноября. На туманном горизонте широкая линия моря соприкасалась с небом, окрашенным в нежный синий цвет. Белый парус далекой лодки в косых солнечных лучах становился серебристым, и в такие мгновения Маргарет казалось, что она могла бы провести всю жизнь в подобной неге и меланхолии, наслаждаясь настоящим, не желая думать о прошлом и размышлять о будущем.

Но будущее, каким бы суровым и жестоким оно ни выглядело, настоятельно требовало встречи. Однажды вечером Маргарет договорилась с отцом, что на следующий день они поедут в Милтон и поищут дом для жилья. Мистер Хейл получил несколько сообщений от мистера Белла и два письма от мистера Торнтон. Он был радостно взволнован тем, что многие знатные жители города с уважением отнеслись к его позиции относительно духовного сана. Остальную информацию о предполагаемой работе ему должен был сообщить мистер Торнтон. Маргарет понимала, что им не следовало мешкать с переездом, но ей не хотелось жить в промышленном городе. Кроме того, воздух Хестона явно шел ее матери на пользу, поэтому она намеренно откладывала поездку в Милтон.

За несколько миль до города Маргарет увидела темно-свинцовую тучу, нависшую над горизонтом в том направлении, куда они ехали. Она создавала разительный контраст с бледно-голубым зимним небом Хестона, где уже начинались первые заморозки. Ближе к

Милтону в воздухе стал ощущаться слабый запах дыма, который усугублялся отсутствием привычных ароматов трав и растений. Вскоре экипаж помчался по длинным прямым улицам с однотипными кирпичными домами. Тут и там, словно курицы среди цыплят, возвышались большие фабрики с множеством окон. Их трубы выпускали черный «непарламентский» дым, из которого и образовалась туча, которую Маргарет поначалу приняла за дождевую.

По пути от станции к гостинице им приходилось постоянно останавливаться. Большие грузовые телеги перекрывали проезд на узких участках улиц. Раньше Маргарет часто выезжала в город вместе с тетей Шоу. В Лондоне тяжелые повозки перевозили бревна, мебель и различные товары. Здесь же каждый фургон, каждая вагонетка и грузовая телега перевозили хлопок: либо необработанный – в мешках, либо тканый – в тюках из коленкора. На пешеходных дорожках толпилось множество людей. Некоторые были хорошо одеты. Однако Маргарет поразила их неряшливая небрежность, совершенно не похожая на потрепанное франтовство бедных лондонских щеголей.

– Нью-стрит, – сказал мистер Хейл. – Главная улица Милтона. Белл часто описывал мне ее. Тридцать лет назад эту узкую дорогу расширили и преобразовали в большой проспект, и в результате это значительно повысило в цене его земельную собственность. Фабрика мистера Торнтон должна располагаться где-то поблизости, поскольку он является арендатором мистера Белла. Интересно, что этот джентльмен начинал карьеру с работы в обычном магазине.

– Папа, где наша гостиница?

– В конце улицы. Что мы будем делать? Устроим себе ланч или сначала осмотрим дома, которые отметили в колонке объявлений «Милтон таймс»?

– Сначала займемся поиском жилья.

– Прекрасно. Я только посмотрю, не оставлено ли мне письмо от мистера Торнтон. Он обещал прислать дополнительные сведения о домах, которые сдаются в аренду. А потом мы можем отправиться по адресам. Я предлагаю использовать кеб – так мы не потеряемся и не опоздаем на вечерний поезд.

Писем для мистера Хейла не было. Они поехали осматривать дома. На оплату аренды они могли выделить только тридцать фунтов в год. В Хэмпшире за такие деньги предлагали дом с множеством комнат и красивым садом. В Милтоне даже скромная квартира с двумя гостиными и четырьмя спальнями была слишком дорогой для них. Они прошли по всему предлагаемому списку, отвергая каждое жилье, которое смотрели. Затем отец и дочь в отчаянии переглянулись.

– Папа, думаю, мы должны вернуться ко второму варианту – к коттеджу в пригороде Крэмpton. Там три гостиные. Помнишь, мы еще посмеялись, говоря, что лучше бы там были три спальные комнаты? Но я все распланировала. Первая комната на первом этаже будет вашим кабинетом и нашей столовой. Маме, как вы понимаете, мы отдадим самую светлую комнату – то помещение наверху, которое обклеено скверными голубыми и розовыми обоями. Зато оттуда открывается хороший вид на равнину с излучиной реки или канала – я толком не разглядела, что именно. В доме на уровне первого пролета лестницы, как раз над кухней, находится маленькая комната. Я могу взять ее себе. А вы с мамой устроите спальню в большой комнате за гостиной, и тот встроенный шкаф станет вам роскошной гардеробной.

– А где разместятся Диксон и девушка, которая будет помогать нам по хозяйству?

– Подождите минуту. Я и не знала, что так хороша в вопросах благоустройства. Диксон поселится... давайте посмотрим... рядом с гостиной. Я думаю, там ей понравится. По крайней мере она не будет так много ворчать по поводу лестниц, как делала это в Хелстоне. А девушке дадим мансарду со скошенной крышей – ту, что над вашей спальней. Как вам такое решение?

– Я не против. Пусть так и будет. Но обои! Кому понадобились такие цвета и тяжелые карнизы?

– Не беспокойтесь, папа! Мы поговорим с хозяином и попросим его сменить обои в двух комнатах – в гостиной и вашей спальне. Мама в основном будет находиться там. А безвкусные узоры в кабинете мы закроем вашими книжными полками.

– Думаешь, так будет лучше? Тогда я провожу тебя до гостиницы, а затем отправлюсь к этому мистеру Донкину и договорюсь с ним об аренде. К тому времени, когда ты отдохнешь и закажешь нам ланч, я уже вернусь. Попробую выпросить для нас новые обои.

Маргарет промолчала, хотя всем сердцем надеялась, что ее отцу повезет. Она никогда не общалась с людьми, предпочитавшими дешевые украшения изысканной простоте интерьера, которая сама по себе являлась основой элегантности. Отец сопровождал ее до гостиницы и, оставив у подножия лестницы, пошел по адресу владельца дома, который они выбрали. Когда Маргарет хотела войти в их гостиничный номер, она услышала за спиной торопливые шаги посыльного.

– Прошу прощения, госпожа. Джентльмен так быстро ушел, что я не успел рассказать ему о визите мистера Торнтон. Этот господин появился сразу после вашего ухода. А вы, как я понял, планировали вернуться через час. Я так ему и сказал. Поэтому он снова пришел около пяти минут назад и сообщил, что будет дожидаться мистера Хейла. Он сейчас в вашем номере.

– Благодарю вас. Мой отец скоро вернется, и вы сможете доложить ему об этом лично.

Маргарет открыла дверь и вошла в комнату – бесстрашная и горделивая, что было присуще ее натуре. Она не чувствовала смущения, поскольку привыкла в Лондоне к общению с другими людьми. Какой-то человек пришел по делу к ее отцу. И раз уж он делал им одолжение, Маргарет собиралась вести себя с ним вежливо и любезно.

А вот мистер Торнтон был смущен. Вместо скромного священника среднего возраста в номер с достоинством вошла юная леди, совершенно не похожая на тех женщин, которых ему доводилось видеть. Ее одежда была простой – соломенная шляпка, украшенная белой лентой, темное шелковое платье без оборок и украшений, большая индийская шаль, свисавшая с плеч длинными складками, – но девушка выглядела, словно императрица в своих лучших нарядах. Он не понимал, кто она такая. Ее прямой и открытый взгляд показывал, что его присутствие в комнате не вызывало у нее удивления. На красивом лице не было и следов смущения. Он слышал о дочери мистера Хейла, но думал, что она была маленькой девочкой.

– Я полагаю, вы мистер Торнтон, – сказала Маргарет после краткой паузы, во время которой ее гость мял в руках шляпу. – Присаживайтесь. Отец оставил меня у дверей гостиницы лишь минуту назад. К сожалению, ему не успели сообщить о том, что вы здесь, и он отбыл по спешному делу. Но он скоро вернется. Мне жаль, что вам пришлось приходить сюда дважды.

Обычно мистер Торнтон сам управлял ситуацией, но эта девушка, казалось, обрела над ним какую-то власть. За миг до ее появления он места себе не находил от нетерпения, поскольку терял время в будний день. Однако теперь он покорно сел на стул, внимая ее просьбе.

– Вы знаете, куда направился мистер Хейл? Возможно, я смогу догнать его.

– Он пошел к мистеру Донкину, который живет на Кэньют-стрит. Это владелец небольшого дома, который мой отец хотел бы снять на некоторое время.

Мистер Торнтон знал о вышеуказанном доме в Крэмптоне. Он видел объявление в газете и осмотрел жилье, выполняя просьбу мистера Белла. Он обещал своему арендодателю помогать мистеру Хейлу. Кроме того, ему было интересно познакомиться с бывшим священником, который отказался от церковной службы по моральным причинам. Мистер Торнтон считал, что дом в бедном пригороде вполне соответствовал небогатой семье, прие-

хавшей с юга. Но теперь, увидев Маргарет, красивую, с ее превосходными великосветскими манерами, молодой фабрикант почувствовал стыд. Как он мог думать, что этот вульгарный домишко будет хорош для Хейлов? Ведь он и сам недовольно морщился, осматривая его.

Маргарет никогда не гордилась своей внешностью, однако изогнутая верхняя губа, твердый подбородок, благородная посадка головы и движения, полные мягкого женственного вызова, всегда создавали у незнакомых людей впечатление чрезмерной надменности. Она очень устала и с большой радостью прервала бы разговор и отдохнула, как советовал отец. Но ей приходилось вести себя, как подобает настоящей леди, и учтиво общаться с этим не слишком хорошо одетым и небрежно причесанным мужчиной. Впрочем, после первого, скорее неприятного знакомства с милтонскими улицами и горожанами она не ожидала ничего другого. Ей хотелось, чтобы он поскорее ушел, а не сидел тут, отрывисто отвечая на ее замечания.

Она сняла шаль и повесила ее на спинку стула, затем села напротив него лицом к свету. Мистер Торнтон был поражен ее красотой: округлая белая шея, полная грудь и тонкая талия. Когда она говорила, легкие движения ее губ не нарушали строгих черт лица – величественного изгиба скул и бровей. Немного мрачные глаза встречали его взгляд с открытой девичьей свободой.

В конце беседы он попытался убедить себя, что она не понравилась ему. Хотя на самом деле он просто компенсировал свое ошеломление, пока смотрел на нее с почти безудержным восхищением. Она же отвечала ему гордым безразличием, считая его, как он думал в своем возбужденном состоянии, большим и грубым увальнем без особого изящества и утонченности. Ее прохладные манеры он воспринимал как надменность и, обиженный подобным отношением, склонялся к решению встать и уйти, чтобы больше не иметь никаких дел с этими высокомерными Хейлами.

Когда Маргарет исчерпала последнюю тему разговора (вся их так называемая беседа состояла из нескольких коротких вопросов и ответов), в комнату вошел ее отец и, очаровав гостя приятной вежливостью и галантными извинениями, восстановил у мистера Торнтона благоприятное мнение о своей семье.

Сначала мистер Хейл и его визитер уважительно поговорили об их общем друге – мистере Белле. Маргарет, радуясь, что ее обязанности по развлечению гостя закончились, подошла к окну. Ей хотелось ознакомиться с непривычной на вид улицей. Она так сильно увлеклась наблюдением за происходящими снаружи событиями, что не услышала обращенных к ней слов. Отцу пришлось повторить последнюю фразу:

– Дорогая, владелец дома упорствует в сохранении тех отвратительных обоев, поэтому, боюсь, нам придется терпеть их.

– О господи! – воскликнула она. – Мне очень жаль.

Маргарет начала обдумывать, как бы скрыть часть обоев, – например, с помощью картин и этюдов. Однако позже, не желая ухудшать вид комнат, она отказалась от этой идеи. Тем временем ее отец с добрым провинциальным гостеприимством уговаривал мистера Торнтон остаться на ланч. Визитеру было неловко. Он уступил бы просьбе мистера Хейла, если бы Маргарет словом или взглядом подтвердила приглашение отца. Мистер Торнтон был рад и одновременно расстроен, когда она не сделала этого. Открыв дверь, Маргарет проводила его низким мрачным поклоном, после чего он почувствовал еще большую неловкость. Он дрожал всем телом, чего с ним прежде никогда не случалось.

– Пора перекусить! – сказал мистер Хейл. – Давай отведаем твой ланч. Ты заказала что-то?

– Нет, папа. Когда я зашла в номер, этот мужчина находился здесь, поэтому у меня не было ни малейшей возможности...

– Тогда закажем что-нибудь сейчас. Бедный мистер Торнтон! Ему пришлось так долго ждать.

– Для меня это время показалось вечностью. Я едва дождалась вашего возвращения. Он не поддерживал ни одной темы и отвечал на мои вопросы коротко и резко.

– Я думаю, он говорил по существу. Мистер Торнтон показался мне умным и рассудительным человеком. Кстати, он сказал, если ты слышала, что почва Крэмптона изобилует гравием. Этот пригород считается самым благоприятным и здоровым местом в Милтоне.

Когда они вернулись в Хестон, миссис Хейл подробно расспросила их о поездке. Они отвечали на ее вопросы в течение всего чаепития.

– И каков на вид этот мистер Торнтон?

– Спроси у Маргарет, – произнес ее муж. – Она болтала с ним не меньше часа, пока я улаживал дела с владельцем дома.

– О, я едва его знаю, – неохотно отозвалась Маргарет.

Она так устала, что не хотела тратить силы на подобные описания. Но затем, встряхнувшись, она приступила к рассказу:

– Представьте себе высокого широкоплечего мужчину около... Папа, сколько ему лет?

– Я думаю, около тридцати.

– Около тридцати лет. Лицо у него не безобразное, но и не симпатичное. Он не вполне джентльмен... Ну а что вы хотели от Милтона?

– Он довольно прост в общении, но не вульгарный, – вставил мистер Хейл, не одобряя критику единственного друга, которого он имел в Милтоне.

– Да, – согласилась Маргарет. – С таким волевым и решительным выражением ни одно лицо, пусть и простоватое на вид, не может быть названо вульгарным. Мне не хотелось бы вести с ним торговлю. По-моему, он очень несговорчив. Одним словом, этот человек нашел свою нишу, мама. Он сильный, прозорливый и может стать прекрасным торгашом.

– Не называй милтонских фабрикантов торгашами, Маргарет, – возмутился отец. – Это разные типы людей.

– Правда? А я применяю это слово ко всем, кто получает выгоду от продажи. Хотя, если вы считаете, что данное слово не очень удачное, папа, я не буду использовать его. Но, дорогая мама, говоря о вульгарности и посредственности вкусов, я хотела предупредить вас о том, что вы должны приготовиться к обоям в наших комнатах. Синие розы с желтыми листьями! И повсюду громоздкие карнизы!

Однако когда они приехали в свой новый милтонский дом, противные обои исчезли. Хозяин принял их благодарность очень сдержанно и притворился, будто он сам, смягчившись, решил удовлетворить их просьбу. Ему просто не хотелось рассказывать, что замена обоев, в которой он отказал никому не известному в Милтоне бывшему священнику, оказалась желанной услугой – причем всего лишь при одном кратком указании – для уважаемого и богатого фабриканта, мистера Торнтона.

## Глава 8

### Домашние хлопоты

*И это быт, быт, быт,  
Которым я по горло набит.*  
*Аллан Каннингем*

Милые светлые обои в комнатах могли бы примирить их с Милтоном. Но для этого требовалось нечто большее... чего у них не было. Пришли густые желтые ноябрьские туманы. Когда миссис Хейл переехала в новый дом, вид на равнину с широким изгибом реки оказался временно недоступен. Маргарет и Диксон два дня распаковывали и расставляли мебель и вещи, но обстановка в доме по-прежнему выглядела беспорядочной, а густой туман снаружи подкрадывался к окнам и при каждом открытии двери вползал в прихожую белыми клубящимися завитками.

– Ох, Маргарет! – однажды в отчаянии воскликнула миссис Хейл. – Как мы будем здесь жить?

Сердце дочери наполнилось той же тоской, которая прозвучала в вопросе. Она с трудом совладала со своим голосом и чувствами.

– Туманы в Лондоне иногда бывают еще хуже!

– Но там ты знаешь, что за туманами тебя ждут друзья. А тут мы покинуты всеми. О, Диксон, что же это за место такое!

– Действительно, госпожа. Оно любого может довести до могилы. Хотя я знаю, кто из нас останется последним... Мисс Хейл, мы сможем передвинуть эту кушетку? Для вас не будет слишком тяжело?

– Вовсе нет, – холодным тоном ответила Маргарет. – Нам лучше приготовить комнату для мамы. Тогда она сможет пойти в постель и подождать, когда я принесу ей чашку кофе.

Мистер Хейл тоже был не в духе и невольно искал утешения у дочери.

– Маргарет, я думаю, мы выбрали плохое место, – сказал он, подходя к окну. – Что я буду делать, если здоровье твоей матери ухудшится? Почему мы не уехали в какую-нибудь сельскую местность в Уэльсе? Тут действительно ужасно.

Но пути назад не было. Поселившись в Милтоне, они должны были терпеть сезонные туманы и фабричный дым. Дверь в иную жизнь будто бы захлопнулась перед ними по воле обстоятельств. Прошлым вечером мистер Хейл пришел в отчаяние, подсчитав, во сколько им обошелся отъезд из Хелстона и две недели, проведенные в Хестоне. Оказалось, что это поглотило почти все их небольшие накопления. Нет! Они приехали сюда, чтобы остаться навсегда.

Поздним вечером, когда Маргарет осознала этот факт, она села на кровать и оцепенела от тоскливого ужаса. В спальне, расположенной в длинном узком выступе дома, витал тяжелый дымный воздух. Окно выходило на пустую стену соседнего здания, от которого ее отделял десяток шагов. Кирпичная стена, видневшаяся сквозь туман, казалась непреодолимым препятствием для ее надежд. В спальне царил беспорядок. Сейчас все их усилия были направлены на обустройство комнаты, предназначенной для матери. Маргарет пересела на ящик и взглянула на ярлык грузоперевозки, заполненный еще в Хелстоне, в ее прекрасном, любимом Хелстоне. Она снова потерялась в горестных мыслях. Наконец, решив не думать о плохом, девушка вспомнила о письме кузины, которое в суматохе дня осталось на треть непрочитанным.

В письме говорилось о прибытии на Корфу, о вояже по Средиземному морю, о музыке и танцах на борту корабля. Эдит с восторгом описывала свою новую жизнь, веселую и увле-

кательную. С решетчатого балкона ее дома открывались чудесные виды на белые утесы и темно-синее море. Кузина подробно и почти графически излагала детали своего беззаботного быта. Рассказывая об интересных людях и событиях, она использовала множество непонятных греческих слов. Тем не менее Маргарет удалось представить себе виллу среди красивых скал, нависших над морем, которую капитан Леннокс снял на какое-то время вместе с другим офицером, тоже недавно женившимся. В последние дни этого года они, казалось, только и делали, что катались на лодках и проводили пикники на берегу. Одним словом, жизнь Эдит была такой же радостной и безоблачной, как синее небо над головой.

Ее супруг был вынужден проходить строевую подготовку, а она, будучи самой музыкальной из жен гарнизонных офицеров, по просьбе капельмейстера записывала ноты популярных английских мелодий. Таковы были «суровые» обязанности их молодой семьи. Кузина выражала страстную надежду, что, если полк пробудет на Корфу еще год, Маргарет сможет приехать и остаться у них на все лето. Эдит спрашивала, помнит ли ее кузина тот день – двенадцать месяцев назад, – когда за окнами особняка на Харли-стрит шел дождь и ей жутко не хотелось надевать новое платье, чтобы ехать в нем на какой-то глупый званый ужин. Пока их везли в экипаже, она действительно забрызгала его, но зато на ужине впервые встретилась с капитаном Ленноксом.

Маргарет помнила тот день. Эдит и миссис Шоу отправились на ужин загодя. Маргарет присоединилась к ним вечером. Роскошный прием, красивая мебель, огромный дом и непринужденность гостей – все это живо представилось ей в странном контрасте с нынешним временем. Прежняя жизнь, шумная и яркая, бесследно исчезла, и трудно было сказать, что стало с теми людьми. Званные обеды, неожиданные встречи на улицах, поездки по магазинам, танцевальные балы навсегда канули в прошлое. Тети Шоу и Эдит тоже больше не было в Лондоне, поэтому она почти не скучала по ним. Впрочем, Маргарет сомневалась, что кто-то из ее прежних знакомых думал о ней. Возможно, только Генри Леннокс... Но и он, наверное, старался забыть об их знакомстве из-за обиды, которую она нанесла ему. Он гордился своей силой воли и способностью отбрасывать прочь неприятные мысли.

А что было бы, прими она его предложение? Маргарет не сомневалась, что перемена во взглядах ее отца оказалась бы неприемлемой для мистера Леннокса. Она и сама чувствовала стыд, но терпела его, потому знала о чистых помыслах отца. Это придавало ей силы и помогало мириться с его ошибками, какими бы серьезными и мрачными они ни были. Но окружающие люди всегда оценивали бы и обвиняли ее отца по своим торгашеским меркам, что, конечно, угнетало бы и раздражало мистера Леннокса. Как только Маргарет поняла, что могло случиться, она с благодарностью приняла все изменения в их жизни. К тому же теперь, когда они оказались в самой нижней точке своего падения, ничего плохого уже не могло произойти. Ей вспомнилось, как храбро они встретили удивление Эдит и испуг тети Шоу, столь явно выраженные в их письмах.

Маргарет встала и начала медленно раздеваться, чувствуя удовольствие от неспешных действий после круговерти прошедшего дня. Она уснула, надеясь на какое-нибудь облегчение, внутреннее или внешнее. Но если бы она знала, сколько времени пройдет, прежде чем их жизнь постепенно наладится, ее оптимизм уменьшился бы наполовину. К сожалению, время года абсолютно не соответствовало подъему духа. Ее мать сильно простудилась. Диксон тоже чувствовала себя нехорошо. Маргарет, перестав осуждать ее за длинный язык, решила позаботиться о старой служанке и найти сиделку для матери. Однако это оказалось почти невыполнимым делом. Многие городские девушки работали на фабриках, а те кандидаты, которые приходили наниматься на работу, подвергались нещадной критике Диксон, которая считала, что таких глупых и ленивых неумех нельзя впускать в дом джентльмена. Маргарет подумывала послать весточку Шарлотте. Но они не смогли бы содержать ее, да и расстояние между ними было слишком большим.

Мистер Хейл встретился с учениками, которых рекомендовал ему мистер Белл. Многие из них начали брать уроки по совету мистера Торнтона. В основном они были в том юношеском возрасте, когда подростки еще учатся в школе. Однако, согласно распространенному и, видимо, вполне обоснованному мнению милтонского общества, парня можно было сделать хорошим торговцем только в одном случае – если смолоду приучить его к работе на фабрике, в конторе или на складе. Если его посылали в шотландские университеты, он возвращался непригодным для коммерческих устремлений. Об Оксфорде и Кембридже вообще речь не шла, потому что туда принимали только после восемнадцати лет. Поэтому многие фабриканты начинали стажировать своих детей с четырнадцати-пятнадцати лет, беспощадно отсекая их увлечения литературой и другими достижениями цивилизации. Вся их сила и энергия направлялись в коммерцию.

Тем не менее в городе нашлись мудрые родители, которые, осознавая нехватку знаний своих недорослей, старались исправить ее частными уроками. Более того, несколько милтонских промышленников, уже зрелых и состоявшихся мужчин, довольно честно признали свое невежество и решили продолжить изучение интересующих их предметов. Самым старшим и любимым учеником мистера Хейла был мистер Торнтон. Мистер Хейл столь часто и с таким уважением ссылался на его мнение, что в их доме в качестве шутки задавался следующий вопрос: сколько времени из часа, предназначенного для урока, тратилось на обучение мистера Торнтона и сколько уходило на их разговоры?

Маргарет одобряла это легкое, шутовское отношение к знакомству отца с мистером Торнтоном, поскольку она чувствовала, что ее мать воспринимала их дружбу с некоторой ревностью. В Хелстоне, где отец посвящал свое время книгам и прихожанам, его жену мало заботило, с кем он встречался и о чем говорил. Но теперь, когда мистер Хейл страстно ждал новых встреч с мистером Торнтоном, она сердилась и обижалась, словно он намеренно пренебрегал общением с ней. Чрезмерная похвала мистера Хейла создавала обратный эффект – его домашние слушатели не хотели, чтобы Аристид всегда оказывался прав.

После двадцати лет тихой жизни в сельском пасторате у мистера Хейла кружилась голова от той бурлившей энергии Милтона, которая с легкостью побеждала все возникавшие трудности. Он был настолько впечатлен большими фабриками и бесконечными толпами рабочих, что беззаботно поддался чувству общей грандиозности, не потрудившись вдумчиво исследовать детали ее торжества. Так как Маргарет меньше выходила из дома и не видела фабричных механизмов, она почти не ощущала этой силы технического прогресса. Наоборот, она столкнулась с двумя персонами, которые, по меркам многих людей, считались жертвами безжалостной индустриализации. В таких случаях всегда возникает вопрос: можно ли свести количество подобных жертв до минимума? Или в триумфе многолюдного шествия любой беспомощный человек мог быть затоптан или отброшен победителями на обочину, потому что у него не было сил сопровождать их на марше?

На долю Маргарет выпал поиск помощницы для Диксон. Сначала старая служанка говорила, что ей подойдет любая девушка, которая будет выполнять всю грязную работу по дому. Но просьба Диксон по поводу «любой девушки» основывалась на воспоминаниях об ученицах хелстонской школы, гордившихся тем, что им позволяли по будням входить в дом священника. Они относились к миссис Диксон с беспрекословным уважением и робели в присутствии мистера и миссис Хейл. Диксон обожала это благоговейное почтение. Она любила лезть с не меньшей силой, чем Людовик XIV, которому нравилось смотреть, как придворные закрывали свои глаза руками от ослепительного света, будто бы исходящего от него. Но даже искренние чувства к миссис Хейл не могли заставить ее терпеть этих грубых и независимых милтонских девушек, которые пытались устроиться служанками в их дом. Они не соответствовали ее жестким требованиям. А девушки, неохотно отвечая на череду ее вопросов, имели свои собственные сомнения в платежеспособности семейства, которое

арендовало дом за тридцать фунтов в год, но почему-то важничало и держало двух служанок – нормальную и непомерно строгую и властную.

Мистер Хейл больше не был викарием Хелстона. Он мог потратить на служанок только маленькую сумму. Маргарет устала от рассказов, которые Диксон преподносила своей хозяйке, описывая поведение отвергнутых претендентов. Маргарет тоже не нравились их грубые манеры. Она с привередливой гордостью игнорировала их панибратские приветствия и негодовала по поводу нескрываемого любопытства милтонских жителей к домашним секретам любого семейства, не связанного с обработкой хлопка. Но чем больше Маргарет чувствовала неуместность в безудержной привередливости Диксон, тем чаще ей нечего было сказать. Тем не менее она продолжала искать служанку и иногда рассказывала матери о новых разочарованиях, забавных случаях или оскорблениях в свой адрес.

Маргарет ходила в лавки мясников и бакалейщиков, расспрашивала о местных девушках и с каждой неделей опускала свою планку ожиданий, потому что в промышленном городе все молодые женщины стремились к более самостоятельной работе на фабриках. К тому же и оклад там был выше. Перемещение по такому деловому и суматошному городу оказалось для нее большим испытанием. Когда Эдит и Маргарет выходили из особняка на Харли-стрит, забота о пристойности, исходящая от миссис Шоу, и постоянная зависимость от других людей всегда требовали, чтобы их сопровождал лакей. Подобное правило, навязанное тетей, ограничивало независимость Маргарет и иногда вызывало у нее легкое бунтарство, поэтому она получала двойное удовольствие от прогулок по лесу, резко отличавшихся от времяпровождения в городе. В Хелстоне она шла по тропинкам бодрым шагом, который часто переходил на бег, если ей нужно было куда-то спешить. Зачастую она оставалась, прислушиваясь к лесным звукам или наблюдая за птицами, которые пели в листве или смотрели на нее испуганными глазами из низких кустов и спутавшегося дрока.

В городе ей пришлось перейти от таких вольных движений к ровному и неторопливому шагу, приличествующему девушке на городских улицах. Она посмеялась бы над мыслями об этом, если бы ее не угнетала другая, куда более серьезная проблема. Крэмптонский пригород в основном населяли рабочие. На окраинах этого района располагалось несколько фабрик, из ворот которых два-три раза в день выливались потоки людей. Пока Маргарет не изучила график их смен, она постоянно сталкивалась с ними. Фабричные рабочие стремительно шли вперед, у них были самоуверенные и бесстрашные лица, а громкий смех перемежался шутками, нацеленными на всех, кто отличался от них по статусу. Поначалу несдержанные голоса мужчин и женщин, их пренебрежение к правилам общественного поведения пугали ее почти до беспамятства. Девушки бесцеремонно, хотя и беззлобно, обсуждали ее одежду, даже щупали шаль или платье, оценивая ткань. Раз или два ей задавали вопросы относительно вещи, которая вызывала у них восторг. Похоже, они думали, что ей, как женщине, был понятен их интерес к одежде, и такое простое доверие к ее мнению побуждало Маргарет вступать с ними в беседу и улыбаться в ответ на колкие замечания. Через некоторое время она уже не боялась фабричных девушек, какими бы язвительными и шумными они ни были. Но встречи с мужчинами ужасно раздражали Маргарет, поскольку некоторые парни в открытой и бесстыдной манере высказывались не только по поводу ее одежды, но и насчет ее фигуры.

Маргарет, прежде считавшая наглостью даже самое тонкое замечание, касавшееся ее внешности, теперь должна была терпеть восторг этих грубых мужчин. Однако, несмотря на их откровенность, они не желали ей зла. Возможно, она сразу поняла бы безвредность фабричных парней, если бы не ужасный шум огромных паровых машин и крики сотен людей. За первым испугом пришла вспышка благородного негодования, которая раскрасила ее лицо румянцем. Когда же Маргарет услышала новые реплики в свой адрес, ее темные глаза полыхнули гневом. Но этим дело не кончилось. Пока она добиралась до дома, мужчины обсуждали

ее вслух, нисколько не заботясь о ее реакции. Некоторые их слова были забавными, другие – отвратительными. Например, когда она проходила мимо нескольких рабочих, двое парней выкрикнули ей грязные комплименты с пожеланием стать «цыпочкой в их курятнике», однако потом их друг галантно добавил: «Твое красивое лицо, девчонка, сделало мой день светлее и приятнее».

На следующий день, отправившись в город за продуктами, Маргарет о чем-то задумалась и неосознанно улыбнулась какой-то мимолетной мысли. В этот момент мимо нее проходил бедно одетый рабочий среднего возраста. Он остановился и сказал: «Ты хорошо улыбаешься, девушка. Хотя многие улыбались бы, будь у них такое красивое лицо». Мужчина выглядел настолько изможденным, что она не могла не одарить его улыбкой. Ей было радостно, оттого что ее вид мог вызывать у других людей приятные мысли. Он благодарно кивнул ей, и между ними возникло обоюдное доверие. После этого случая их пути часто пересекались, и каждый раз они молча обменивались друг с другом приветственными взглядами. Они больше ни о чем не говорили, но Маргарет смотрела на него более дружелюбно, чем на других обитателей Милтона. Иногда по воскресеньям она видела его около церкви. Рядом с ним всегда была девушка, наверное дочь, которая казалась еще более изможденной, чем он сам.

Однажды Маргарет отправилась вместе с отцом на прогулку по окрестным полям. Радуюсь ранней весне, она собирала у канав фиалки и чистотел, с грустью вспоминая богатство южной растительности. Вскоре отец покинул ее. Ему нужно было сходить в Милтон по каким-то делам. По пути домой она встретила своих новых знакомых: изможденного мужчину и его больную дочь. Девушка так печально посмотрела на цветы, что Маргарет, повиная внезапному порыву, протянула их ей. Бледно-голубые глаза девушки посветлели. Она приняла букет, и ее отец благодарно произнес:

– Спасибо тебе, мисс. Теперь Бесси будет любоваться цветами, а я буду вспоминать твою доброту. Похоже, ты не местная?

– Да, я приехала с юга, – со вздохом ответила Маргарет. – Из Хэмпшира.

Судя по лицу мужчины, название южного графства было незнакомо ему. Маргарет даже немного испугалась, что он обидится на нее, осознав свое невежество.

– Это где-то за Лондоном? А мы из Бернли-вэйз. Отсюда сорок миль на север. И вот смотри, Север и Юг как бы встретились и подружились в этом задымленном городе.

Маргарет замедлила шаг, чтобы идти рядом с мужчиной и девушкой, – было видно, что отец не хотел утомлять свою дочь. Она заговорила с девушкой, и нежная жалость, прозвучавшая в ее голосе, затронула сердце мужчины.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Да, и лучше мне уже не будет.

– Весна наступает, – сказала Маргарет, надеясь разогнать грусть девушки. – Скоро твоя депрессия закончится.

– Мне не помогут ни весна, ни лето, – тихо ответила та.

Маргарет посмотрела на мужчину, ожидая от него возражений или хотя бы замечаний, которые смягчили бы абсолютную безнадежность в настроении его дочери. Но вместо этого он произнес:

– Боюсь, что она говорит правду. Девочка слишком сильно зачахла.

– Там, куда я уйду, всегда будет весна, цветы и сверкающие одежды.

– Бедный ребенок! – тихо сказал ее отец. – Бедное дитя! Думаю, так оно и будет, дочка. Наконец-то ты отдохнешь. Ждать осталось недолго. Я буду скучать по тебе...

Маргарет ошеломили его слова. Ошеломили, но не оттолкнули, скорее даже заинтересовали.

– Где вы живете? Мы так часто встречаемся на одних и тех же улицах. Наверное, мы соседи?

– Девятый дом на Фрэнсис-стрит. Второй поворот налево, как пройдете мимо «Золотого дракона».

– А как вас зовут? Я постараюсь не забыть вашего имени.

– Мне нечего стыдиться своей фамилии. Меня зовут Николас Хиггинс. А это Бесси Хиггинс. Но зачем вы спрашиваете?

Маргарет удивилась. В Хелстоне считалось само собой разумеющимся, что человек, узнавая имена и местожительство своих соседей, намеревался навестить их и продолжить знакомство.

– Я думала, что... Мне хотелось бы навестить вас при случае.

Маргарет вдруг смутилась. Девушка подумала, что по сути она напрашивается на визит к незнакомцам, которые, возможно, не хотели принимать ее в своем доме. Это выглядело как дерзость с ее стороны. Она заметила неодобрение в глазах мужчины.

– Я не так доверчив, чтобы пускать к себе чужаков. – Затем, увидев пунцовый румянец на ее щеках, он смягчился и добавил: – Ты нездешняя и, конечно, не знаешь местных нравов. Но ты подарила моей девочке цветы... Одним словом, можешь приходить, если хочешь.

Такой ответ еще больше смутил Маргарет. Уязвленная его словами, она решила, что вряд ли пойдет в гости к тем, чье согласие больше походило на услугу. Но когда они свернули на Фрэнсис-стрит, девушка на мгновение остановилась и спросила:

– Ты точно не забудешь навестить нас, чтобы повидаться со мной?

– Эй-эй! – нетерпеливо сказал ее отец. – Она придет, не бойся. Моя дочь немного расстроена, мисс. Она думает, что я мог бы говорить с вами более вежливо. Ладно, Бесси, пойдем. Добрая девушка немного подумает и навестит нас. Ее гордое милое личико открыто для меня, как книга. Пошли! Фабричный колокол уже звонит.

Маргарет зашагала домой, удивляясь своим новым друзьям и с улыбкой вспоминая, как Николас Хиггинс разгадал ее мысли. С того дня Милтон стал для нее более светлым и приятным городом. Она примирилась с ним не из-за солнечных весенних дней и не из-за времени, прошедшего после разлуки с Хелстоном. Она просто заинтересовалась его жителями.

## Глава 9

### Одеваясь к чаепитию

*Пусть земля Китая, раскрашенная цветными красками,  
Обведенная золотом и расчерченная лазурной лозой,  
От приятного запаха индийского листа  
И опаленных зерен Мокко радость получает.*

**Миссис Барбо**

Через день после встречи с Хиггинсами случилось еще одно событие. Началось оно с того, что мистер Хейл в необычный час поднялся в их маленькую гостиную. Он ходил по комнате, придирчиво рассматривал разные предметы, но Маргарет видела, что это была нервная уловка – способ отложить начало разговора, который он боялся начать. Наконец он произнес:

– Моя дорогая! Я пригласил мистера Торнтон сегодня вечером к нам на чай.

Миссис Хейл откинулась на спинку легкого кресла и закрыла глаза. На ее лице появилась гримаса боли, которая стала привычной для нее в последнее время. Слова мужа вызвали у женщины недовольство.

– Мистер Торнтон? И сегодня вечером? Зачем ему понадобилось приходить сюда? Диксон стирает мои муслиновые платья и кружева, а вода тут непомерно жесткая из-за этих ужасных восточных ветров, которые, я полагаю, будут дуть в Милтоне круглый год.

– Ветер постоянно меняется, моя дорогая, – сказал мистер Хейл, глядя на дым, дрейфовавший к ним с востока.

Он еще не разобрался со сторонами света и менял их по своему усмотрению согласно обстоятельствам.

– Не говори со мной так! – возмутилась миссис Хейл, еще плотнее кутаясь в шаль. – Будь ветер восточным или западным, этот мужчина, думаю, все равно придет.

– Мама, воспринимайте все как театральное представление. Вы же еще не видели мистера Торнтон. Этому человеку нравится бороться с любой силой, которая ему противостоит, – с врагами, ветрами или обстоятельствами. Чем сильнее будет дождь и ветер, тем вероятнее, что он явится к нам. Я пойду и помогу Диксон. Скоро стану знаменитой крахмальщицей белья. Мама, этому джентльмену не нужно никаких развлечений, кроме разговоров с отцом. Папа, я буду рада встрече с Пифиасом, который превратил вас в Дамона<sup>2</sup>. Знаете, я видела его только один раз. Тогда мы были так сильно смущены неудачно сложившейся беседой, что просто не преуспели в знакомстве.

– Не знаю, Маргарет, – сказал отец, – настанет ли тот день, когда он понравится тебе и ты найдешь его компанию приятной. Он не дамский угодник.

Маргарет презрительно пожала плечами.

– Я не в восторге от дамских угодников, папа. Но поскольку мистер Торнтон ценит вас и является вашим другом...

– Единственным в Милтоне, – вставила миссис Хейл.

– ...мы примем его, как желанного гостя, и угостим чем-нибудь вкусненьким. Диксон будет польщена, если мы попросим ее сделать кокосовые пирожные. А я пока поглажу ваши чепчики, мама.

---

<sup>2</sup> Дамон и Пифиас – герои греческого мифа, воплощение настоящей дружбы. Два друга, известные своей взаимной преданностью. (Примеч. ред.)

Этим утром Маргарет хотела, чтобы мистер Торнтон уехал куда-нибудь далеко-далеко. Она запланировала для себя другие занятия: написать письмо Эдит, почитать Данте, сходить в гости к Хиггинсам. Вместо этого она гладила, выслушивала жалобы Диксон и надеялась, что, проявив к последней симпатию, защитит свою мать от груза печали старой служанки. Время от времени она напоминала себе об уважении, с которым ее отец относился к мистеру Торнтону. От подавленного раздражения и усталости у нее начался один из худших приступов головной боли. В последнее время эти приступы часто донимали ее. Вернувшись в гостиную, Маргарет едва могла говорить, поэтому сказала матери, что она больше не Пегги-прачка, а леди Хейл, со всеми вытекающими последствиями. Ей просто хотелось пошутить. Она не думала, что мать примет ее слова всерьез. После этого она еще долго бранила себя за свою болтливость.

– Да, если бы кто-то сказал мне, когда я была мисс Бересфорд, одной из самых красивых девушек графства, что мое дитя будет стоять полдня в маленькой кухне, выполняя работу служанки, чтобы подготовиться к визиту местного торговца, который оказался единственным другом...

– Мама! – вскочив, воскликнула Маргарет. – Не наказывайте меня за мою несдержанность! Ради вас с папой я согласна на любую работу – на глажку, мытье полов и тарелок. Но я рождена леди и воспитана должным образом. Этого у меня не отнять. Сейчас я устала. Вот отдохну немного и через полчаса снова буду готова к выполнению домашних обязанностей. Что касается мистера Торнтон, то почему бы ему не заниматься торговлей? Не думаю, что с его образованием он способен на нечто большее.

Не в силах продолжать беседу, Маргарет медленно удалилась в свою комнату.

В то же самое время в доме мистера Торнтон можно было наблюдать похожую сцену. Крупная леди, намного старше среднего возраста, занималась шитьем в красиво меблированной столовой. Она выглядела скорее сильной и массивной, чем тяжеловесной. Выражение ее лица медленно менялось от решительного к еще более решительному. Во внешности женщины не было ничего особенного, но люди, взглянув на леди один раз, обычно смотрели на нее снова, даже прохожие на улице. Они оборачивались и провожали взорами эту крепкую, суровую и горделивую даму, которая никому не уступала дорогу и не останавливалась в своем прямолинейном движении к заранее намеченной цели.

На ней было красивое платье из черного шелка, ни одна нить которого не имела видимых дефектов. Женщина штопала большую скатерть из ткани высокого качества. Время от времени она приподнимала ее и держала перед свечой, выискивая потертые места, которые требовали деликатной заботы. Единственными книгами в этой комнате были «Библейские комментарии» Мэтью Генри. Все шесть томов аккуратно стояли на верхней полке массивного буфета, подпертые с одной стороны масляной лампой, а с другой – чайником. Из дальней комнаты доносились звуки фортепьяно. Кто-то наигрывал *morceau de salon*<sup>3</sup>, исполняя композиции излишне поспешно – каждая третья нота была либо неакцентированной, либо полностью пропущенной. Некоторые аккорды звучали фальшиво, но это ничуть не смущало исполнителя. Услышав за дверью решительные шаги, во многом похожие на ее собственные, миссис Торнтон громко спросила:

– Джон, это ты?

Ее сын открыл дверь и остановился на пороге.

– Почему ты пришел так рано? Ты же собирался на чаепитие к другу мистера Белла. Как там его? Мистер Хейл?

– Да, собирался. Я пришел переодеться!

<sup>3</sup> Хорошо известные мелодии (*фр.*).

– Переодеться? Хм! Когда я была девушкой, молодые мужчины почему-то одевались раз в день. И этого им хватало! Зачем тебе переодеваться, если ты идешь к бывшему священнику на чашку чая?

– Мистер Хейл – джентльмен, а его жена и дочь – настоящие леди.

– Жена и дочь! Они тоже учат или занимаются чем-то другим? Ты не говорил мне о них.

– Да, мама, потому что я еще не видел миссис Хейл. А с ее дочерью мне довелось общаться около получаса.

– Джон, эта девушка без пенни за душой. Смотри, чтобы она не задуррила тебе голову.

– Ты же знаешь, что я не поддаюсь на женские уловки. Но я не хотел бы говорить о мисс Хейл подобным образом. Такие предположения оскорбительны и для нее, и для меня. Я еще не встречал юных леди, которые пытались бы «окольцевать» меня, и мне не верится, что кто-нибудь из них отважится на такое бесполезное дело.

Миссис Торнтон не желала признавать правоту сына или кого-то еще. Для этого она была достаточно гордой.

– Ладно, я только предупредила тебя. Возможно, у наших милтонских девушек слишком много норова, чтобы вылавливать себе будущих мужей. Но эта мисс Хейл приехала из южного аристократического графства. А там, если люди не врут, на богатых женихов ведется целая охота.

Мистер Торнтон нахмурился и вошел в комнату.

– Мама, признаюсь тебе, как на духу, – смущенно улыбнувшись, сказал он. – В тот единственный раз, когда я видел мисс Хейл, она вела себя со мной с надменной любезностью, которая больше походила на презрение. Казалось, что она была королевой, а я – ее покорным немытым вассалом. Поэтому не спеши делать выводы.

– Я не спешу, хотя и недовольна. Как может дочь богоотступника воротить нос от такого видного мужчины, как ты? Будь я на твоем месте, то не переодевалась бы для них. Какие нахальные типы!

Ее сын, выходя из комнаты, ответил:

– Мистер Хейл – хороший человек, мягкий и интеллигентный. Он не нахальный. Что касается миссис Хейл, то я расскажу тебе о ней вечером, если только ты захочешь этого.

Он закрыл дверь и ушел. Миссис Торнтон тихо произнесла:

– Эта девка презирает моего сына! Ведет себя с ним, как с вассалом! Ух! Мне интересно, где она найдет другого такого! Мой мальчик – мужчина, благородное и самое отважное сердце, которое я когда-либо встречала. Меня не волнует, что я его мать. Я же не слепая и понимаю, что происходит. Но кто она, и кто мой Джон! А ведь еще и презирает его! Я ненавижу ее!

## Глава 10

### Кованое железо и золото

*Мы – деревья, и ветер делает нас крепче и сильнее.*  
*Джордж Герберт*

Не заходя в столовую, мистер Торнтон покинул дом. Он немного опаздывал, поэтому быстрым шагом направился в Крэмpton. Ему не хотелось обидеть нового друга своей непунктуальностью. Когда церковные часы пробили половину восьмого, он уже стоял на пороге Хейлов. Ему пришлось немного подождать, потому что Диксон становилась вдвое медлительнее, если ее принуждали открывать дверь по звонку колокольчика. Молодого фабриканта препроводили в маленькую гостиную, где его сердечно встретил мистер Хейл. Он представил гостя своей жене, бледное лицо которой и закутанная в шаль фигура как бы приносили безмолвное извинение за холодную апатичность ее приветствия. Так как за окнами уже стемнело, Маргарет зажгла лампу. В центре полутемной комнаты образовался круг приятного света, который, как это принято в сельских домах, отгораживал их от ночной темноты снаружи.

Эта маленькая гостиная разительно отличалась от столовой, где он недавно беседовал с матерью. Та красивая комната, обставленная массивной мебелью и совершенно лишенная даже намека на присутствие женщины, была приспособлена лишь к приему пищи и напитков. Его матери нравилось находиться там, и ее воля являлась законом. Но гостиная Хейлов была другой – в два раза... нет, в двадцать раз прекраснее и на одну четверть удобнее. Никакой позолоты и стеклянной утвари, никаких зеркал, способных отражать свет. Все отвечало своему предназначению, как вода во впадинах ландшафта. Спокойные и теплые тона расцветок сочетались с обивкой кресел и старыми ситцевыми занавесками, которые, наверное, были привезены из Хелстона. У окна напротив двери стоял письменный стол. В углу располагалась этажерка с белой китайской вазой, которую украшал узор из бледно-зеленых веточек березы, английского плюща и желтовато-красных листьев бука. Кое-где в комнате он заметил корзинки для рукоделия, а на столе лежали книги с разным состоянием переплетов. Около двери находился еще один стол с белой скатертью и сервировкой для чая. На подносе были выложены кокосовые пирожные. Рядом возвышалась корзинка, устланная зелеными листьями и наполненная апельсинами и румяными американскими яблоками.

Мистер Торнтон догадывался, что все эти милые и изящные мелочи были привычными для семейства Хейлов и, несомненно, имели отношение к Маргарет. Она стояла у чайного столика. Ее муслиновое платье светлых тонов имело множество розовых вставок. Казалось, что она вообще не прислушивалась к беседе и занималась исключительно подготовкой к чаепитию. Ее изящные руки цвета слоновой кости бесшумно двигались между чашек. У нее был браслет, который время от времени ниспадал на запястье. Мистер Торнтон следил за перемещениями этого беспокойного украшения с куда большим вниманием, чем за словами мистера Хейла. Он, казалось, был очарован тем, как Маргарет нетерпеливо приподнимала браслет вверх, пока тот не закреплялся на руке. Но затем вещь теряла сцепление и начинала скользить вниз. Мистеру Торнтону даже хотелось закричать: «Он снова падает!»

После его прибытия приготовления к чаю были почти закончены. Хозяйка пригласила гостя к столу, не дав ему как следует понаблюдать за ее дочерью. Маргарет передала ему чашку с гордым выражением непокорной рабыни, но когда он выпил чай, она тут же снова наполнила ее. Ах, как он хотел повторить жест мистера Хейла, когда тот взял в свои руки ее мизинец и большой палец и заставил их служить щипчиками для сахара. Мистер Торнтон

видел ее глаза, полные любви и смеха, когда она смотрела на отца, думая, что эта пантомима осталась никем не замеченной.

У Маргарет по-прежнему болела голова. Она хранила молчание, но в любой момент, при слишком затянувшейся и неуместной паузе, была готова поддержать разговор, чтобы ученик и друг ее отца не подумал, что им тут пренебрегают. Беседа двух мужчин продолжалась. После того как чайные приборы были убраны, Маргарет села около матери, взяла рукоделие и предалась своим размышлениям, уже не страшась того, что ей придется заполнять возникающие бреши в разговоре.

Мистер Торнтон и мистер Хейл были поглощены какой-то темой, которую начали еще в прошлую встречу. Услышав тихий оклик матери, Маргарет вернулась в реальность, приподняла голову, и ее взгляд внезапно отметил различие во внешнем виде отца и мистера Торнтона. Это были две противоположные натуры. Ее отец имел хрупкое телосложение, заставлявшее его казаться выше, чем он был в действительности (когда не находился рядом с большими и массивными людьми). Мягкие черты лица отражали каждую эмоцию, рождающуюся в его душе. Длинные ресницы придавали ему особую, почти женственную красоту. Изогнутые брови из-за больших мечтательных век располагались высоко над глазами.

Лицо мистера Торнтона имело другой типаж. Прямые брови нависали над глубоко посаженными глазами, серьезными, но без неприятной проницательности, хотя и достаточно внимательными, чтобы проникнуть в суть предмета, на который он смотрел. Редкие морщины на его лице казались твердыми, будто вырезанными в мраморе. Они в основном располагались около плотно сжатых губ. У него были красивые, безупречные зубы, благодаря которым улыбка, появлявшаяся на его лице, производила эффект вспышки, что сразу меняло вид этого строгого и решительного человека. Было видно, что он готов не только к смелым действиям, но и умеет искренне радоваться, пусть редко, но так же бесстрашно и произвольно, как маленькие дети. Маргарет понравилась его улыбка – первое, чем она восхитилась в новом друге отца. Противоположность характеров, нашедшая отражение в их чертах, очевидно, объясняла то влечение, которое они испытывали друг к другу.

Поправив ошибку в рукоделии матери, она вернулась к собственным мыслям. Мистер Торнтон забыл о ней, словно ее и не было в комнате. Он увлеченно рассказывал мистеру Хейлу о потрясающей мощности парового двигателя, напоминавшего последнему раболопного джинна из «Арабских ночей», который в один миг мог вытягиваться от земли до неба и заполнять всю ширину горизонта, а в следующую секунду покорно влетал в маленький кувшин, вполне подходящий для руки ребенка.

– Эта практическая реализация силы человеческого воображения – воплощение гигантской мысли – возникла в нашем городе, в уме одного человека. И все мы обладаем способностью достигать, шаг за шагом, любых чудес и замечательных свершений. Я хочу сказать, что, если этот изобретатель умрет, его заменят сотни людей, которые продолжают его битву за прогресс и будут покорять другие материальные силы.

– Ваша гордая речь напомнила мне старые строки, – ответил мистер Хейл. – «У меня сто капитанов в Англии. Таких же хороших, как этот».

Услышав слова отца, Маргарет с легким удивлением в глазах приподняла голову. Каким образом они перешли от зубчатых колес к строкам Чевы Чейза?

– Для меня это не гордая речь, а реальная действительность, – произнес мистер Торнтон. – Я не отрицаю, что горжусь своей принадлежностью к городу... точнее, к его району, нужды которого порождают великие замыслы. Я предпочитаю работать, страдать, безуспешно падать и вновь подниматься – здесь, в Милтоне, – чем вести процветающую, но тусклую жизнь в беспечной праздности, в которой погрязли старые южные графства с вашим так называемым аристократическим обществом. Те, кто застрял в меду, уже не в силах подняться в воздух и улететь.

– Вы ошибаетесь, – сказала Маргарет, задетая обидными словами в адрес ее любимого юга.

Безрассудная пылкость чувств вызвала румянец на ее щеках. На глаза набежали гневные слезы.

– Вы ничего не знаете о наших графствах! Если на юге меньше авантюры или прогресса – то есть, я могла бы сказать, меньше возбуждения от азарта торговли, который требуется для выдумки таких чудесных изобретений, – то там и меньше страданий. Здесь я вижу людей, бродящих по улицам, которые постоянно смотрят себе под ноги от какой-то терзающей их печали. Они не только страдают, но и ненавидят. На юге тоже есть бедные, но там вы не увидите таких ужасных выражений на лицах – гримас от безысходного чувства несправедливости. Вы ничего не знаете о юге, мистер Торнтон.

После этих слов она погрузилась в мрачное молчание. Маргарет злилась на себя за то, что так много сказала. Мистер Торнтон, заметив ее обиду, невыразимо мягко произнес:

– Могу ли я в свою очередь спросить, а знаете ли вы север?

Маргарет продолжала молчать, тоскуя о красивых местах, которые оставила в Хэмпшире. Она боялась, что дрожь в ее голосе выдаст разбушевавшиеся в душе чувства.

– В любом случае, мистер Торнтон, – вмешалась миссис Хейл, – вы должны признать, что Милтон представляет собой очень грязный задымленный город. На юге вы не встретите ничего подобного.

– Боюсь, вы правы насчет чистоты, – с быстро промелькнувшей улыбкой ответил мистер Торнтон. – Парламент предложил нам пережигать наш дым для очистки, и, думаю, мы, как славные маленькие дети, выполним это указание... но через некоторое время.

– Но вы же рассказывали, что изменили конструкцию ваших печей для поглощения вредных веществ, содержащихся в дыме, – напомнил мистер Хейл.

– Я сделал это еще до того, как парламент начал вмешиваться в наши дела. Затея оказалась затратной, хотя позже она сэкономила мне тонны угля. Однако я не уверен, что стал бы экспериментировать так после правительственного акта. Я, скорее всего, ждал бы, пока меня не оштрафуют по доносу, а затем старался бы возместить свои потери, урезая зарплаты рабочим. Видите ли, все законы, основанные на использовании штрафов и доносов, малоэффективны. Все беда в машинном оборудовании. Сомневаюсь, что за последние пять лет оштрафовали хотя бы одну милтонскую фабрику, хотя все они тратят треть угля на так называемый «непарламентский дым».

– Я скажу вам одно, мистер Торнтон, – произнесла миссис Хейл. – Муслиновые занавески пачкаются здесь в течение недели. А в Хелстоне мы не меняли их по месяцу и больше, и в конце этого срока они не выглядели настолько грязными. Что касается рук... Маргарет, сколько раз сегодня ты мыла руки с утра и до полудня?

– Три раза, мама.

– Похоже, вы не одобряете парламентские акты и законодательные инициативы, влияющие на работу милтонских фабрик, – сказал мистер Хейл.

– Да, как и другие промышленники. И думаю, что это вполне обоснованно. Не стоит удивляться, что наши механизмы дымят и шумят. Они придуманы недавно и, естественно, не во всем хороши. Я сейчас говорю не о древесной и металлургической промышленности, а только об обработке хлопка. Подумайте, какой она была семьдесят лет назад. И какой стала теперь! Первые владельцы фабрик мало чем отличались от своих рабочих по уровню образования и социальному статусу. Однако им хватило ума и смекалки, чтобы увидеть возможности, ведущие к великому будущему. Их дальновидность нашла выражение в машине сэра Ричарда Аркрайта. Быстрое развитие новой отрасли наделило этих ранних мастеров огромными богатствами и силой власти. Я говорю не о власти над рабочими людьми, а о власти над рынком потребления – над всей мировой торговлей. Для примера приведу вам объявление,

размещенное пятьдесят лет назад в милтонской газете: такой-то и такой-то джентльмен – один из полудюжины набойщиков ситца той эпохи – заявлял, что отныне он будет ежедневно закрывать свой склад в полдень, поэтому всем покупателям рекомендовалось приходить до этого времени. Забавно! Человек диктовал условие – когда он может продавать товар, а когда не может. Теперь же, если хороший клиент решит прийти ко мне в полночь, я встану и буду стоять со шляпой в руке, ожидая его заказов.

Губы Маргарет презрительно изогнулись, но она отчего-то больше не могла сосредоточиться на своих мыслях.

– Говоря о подобных вещах, я хочу показать вам, какую неограниченную власть получили в этом веке производители. От невиданных успехов у людей шла кругом голова. Но если человек добивался успеха в торговле, это еще не означало, что все другие идеи он так же хорошо спланировал. Наоборот, внезапно привалившее богатство зачастую абсолютно подавляло чувство справедливости. О тех первых хлопковых баронах рассказывали странные истории. Дикая экстравагантность их жизни, нескончаемые кутежи и, конечно же, тирания, проявляемая к рабочим, – все это вызывает возмущение. Мистер Хейл, вы знаете пословицу: «Посади нищего на лошадь, и он поскачет к дьяволу»? Некоторые из первых промышленников скакали к дьяволу сломя голову. Они беспощадно крушили человеческую плоть и кости под копытами своих коней. Но все постепенно менялось – становилось больше фабрик, владельцам требовались новые руки. Запросы хозяев и рабочих стали более сбалансированными. И теперь между ними ведется честная борьба. И те, и другие больше не желают подчиняться решениям посредников. Нам претит вмешательство назойливых людей с поверхностным знанием реальных фактов, пусть даже эти болтуны называют себя Верховным судом парламента.

– То есть это битва между двумя классами? – спросил мистер Хейл. – Я знаю из ваших слов, что именно такая терминология используется, когда речь идет о реальном положении вещей.

– Да, и я верю в необходимость борьбы между мудростью и невежеством, между расчетливостью и безалаберностью. В этом и есть великая красота нашей системы, где простой рабочий благодаря своим усилиям и рассудительности может подняться до уровня хозяина. Фактически каждый, кто проявляет внимание к своим обязанностям, благопристойен и воздержан в поведении, рано или поздно пополняет наши ряды – возможно, не всегда как владелец фабрики, но как бригадир, кассир, бухгалтер, клерк или представитель администрации.

– Если я поняла вас правильно, – холодно произнесла Маргарет, – вы считаете своими врагами всех, кто по каким-либо причинам не смог подняться до вашего уровня.

– Они сами себе враги, – ответил мистер Торнтон, обидевшись на высокомерное осуждение, прозвучавшее в ее словах.

Однако через миг, будучи прямолинейным и честным человеком, он почувствовал, что дал слабый и уклончивый ответ. Маргарет могла вести себя так, как ей нравилось – презрительно и надменно, но его долг заключался в правдивом объяснении сложившейся на севере ситуации. Трудно было отстраниться от ее интерпретации и сохранить конкретность в своих рассуждениях. Он решил привести в качестве иллюстрации пример из собственной жизни. Но стоило ли касаться личных тем в разговоре с чужими людьми? Да, это был простой способ выражения своего мнения. Поэтому, отбросив в сторону смущение, вызвавшее румянец на его щеках, он произнес:

– Это знание я получил не из книг. Шестнадцать лет назад мой отец умер при печальных обстоятельствах. Я бросил школу и за несколько дней повзрослел насколько мог. К счастью, мне помогала мать – женщина, обладающая сильным характером и способностью принимать твердые решения. Таких родителей судьба дарует лишь немногим. Мы переехали в небольшой провинциальный городок, где жизнь была дешевле, чем в Милтоне. Я устроился

работать в магазин тканей и приобрел много полезных знаний о товарообороте. Неделя за неделей наш семейный доход составлял пятнадцать шиллингов – ужасно мало для троих человек. Но моей матери удавалось вести хозяйство таким образом, что я регулярно получал три из этих пятнадцати шиллингов. Так создавались мои первые накопления. А я учился экономии и самопожертвованию. Теперь я способен обеспечить мать любыми удобствами, какие требуются скорее ее возрасту, чем желаниям. Я молча благодарю ее при каждом случае за ранние уроки жизни, которые она мне дала. Поэтому к успеху меня привели не удача, не какие-то заслуги, не талант, а просто строгие правила и презрение к незаслуженным побрякушкам. Мисс Хейл говорила здесь о страданиях, отпечатанных на лицах некоторых милтонских горожан. Я думаю, это естественное и заслуженное наказание за нечестно полученные удовольствия в некий период их жизни. Такие чувственные и потакающие себе люди не вызывают у меня ненависти, но я презираю их за слабость характера.

– В свое время вы получили зачатки хорошего образования, – заметил мистер Хейл. – Тот энтузиазм, с которым вы читаете теперь Гомера, говорит мне о вашем знакомстве с его произведениями. Вы вспоминаете старое знание.

– Это верно. В школе мы проходили «Илиаду» и «Одиссею». Смеем сказать, что я считался любителем классики, хотя с тех пор почти забыл латынь и греческий язык. Но позвольте спросить, какую пользу эти книги принесли мне в моей последующей жизни? Вообще никакой. А вот используя реально полезное знание, я обогнал в карьерном росте многих мужчин, с которыми вместе учился читать и писать.

– Не могу согласиться с вами. Хотя, возможно, я в чем-то педант. Разве воспоминания о героической простоте той жизни, которую вел Гомер, не придавали вам сил и терпения?

– Нисколько, – со смехом ответил мистер Торнтон. – Мне некогда было думать о мертвых поэтах. В ту пору я добывал хлеб для своей семьи и боролся с живыми людьми, пытавшимися вцепиться мне в горло. Теперь, когда моя мать живет в тихом надежном месте, достойном ее возраста и прежних заслуг, я могу вернуться к историям древности и порадоваться им в свое удовольствие.

– Видите ли, мое замечание было продиктовано прежней профессией, которая приросла ко мне, как кожа, – сказал мистер Хейл.

Мистер Торнтон встал из-за стола и попрощался с мистером и миссис Хейл, а затем подошел к Маргарет, чтобы пожать ей руку. Таков был фамильярный обычай местного общества, но Маргарет оказалась не готовой к этому. Увидев протянутую и чуть позже отдернутую ладонь, она холодно поклонилась в ответ, хотя уже в следующее мгновение пожалела, что не поняла намерения мистера Торнтона. Молодой фабрикант, не догадываясь о ее раскаянии, гордо выпрямил спину и, выходя из дома, прошептал себе под нос:

– Самая высокомерная и неприветливая девушка, которую я когда-либо видел. Даже ее красота стирается из памяти после такого заносчивого и презрительного отношения.

## Глава 11

### Первые впечатления

*Говорят, в нашей крови много железа  
Да, возможно, пару зерен для выносливости;  
Но в нем, я остро чувствую,  
В крови течет расплавленная сталь.*

*Неизвестный автор*

Мистер Хейл проводил гостя до дороги и, вернувшись в гостиную, сказал:

– Знаешь, Маргарет, я с тревогой смотрел на тебя, когда мистер Торнтон признался, что в юности работал подручным в магазине тканей. Мистер Белл заранее предупредил меня об этом. Я был готов к подобным откровениям. Но я опасался, что ты можешь встать и покинуть комнату.

– Папа! Неужели вы считаете меня такой глупой? На самом деле история о его юности понравилась мне больше, чем все остальное. Грубоватые суждения мистера Торнтона иногда вызывали у меня неприятие. Но о себе он говорил очень просто, без вульгарности и претензий, присущих лавочникам. А его слова о матери были проникнуты такой нежностью, что мне вообще расхотелось покидать комнату. Хотя я подумывала уйти, когда он расхваливал Милтон, утверждая, что он чуть ли не лучший город на земле, или признавался в своем презрении к людям, которые, по его мнению, были беспечно расточительны и непредусмотрительны. Мистеру Торнтону не мешало бы подумать о том, что он мог бы помочь этим людям, – например, преподавать им уроки жизни, к которым обязывает его положение или которые когда-то преподнесла ему мать. Но его признание о работе подмастерьем в магазине понравилось мне больше всего.

– Я удивляюсь тебе, Маргарет, – сказала мать. – В Хелстоне ты всегда порицала людей за работу в торговле! А ты, мой дорогой супруг, поступил неправильно, представив нам такого странного человека без предварительного рассказа о нем. Я действительно была шокирована некоторыми идеями, которые он излагал. Его отец «умер при печальных обстоятельствах». Наверное, в рабочем доме.

– Лучше бы он действительно умер в рабочем доме, – ответил мистер Хейл. – Прежде чем мы приехали сюда, мистер Белл подробно рассказал мне о прежней жизни мистера Торнтон. И раз уж наш гость поведал вам только малую часть, я дополню упущенное. Его отец связался с авантюрными спекуляциями, обанкротился и, не в силах вынести бесчестья, покончил жизнь самоубийством. Все его прежние друзья скрыли, что причиной банкротства были азартные игры, связанные с чужими деньгами. Он пытался заработать на них свой капитал. Никто не пришел на помощь матери с двумя детьми. У нее был еще один ребенок – девочка, слишком юная, чтобы зарабатывать деньги. А ведь ее тоже нужно было содержать. Когда ни один прежний друг не появился на пороге, миссис Торнтон решила не ждать запоздалой доброты и милости. Их семья покинула Милтон. Я знаю, мистер Торнтон работал в магазине. Его заработок и некоторые остатки бывшего имущества помогли им продержаться долгое время. Мистер Белл говорил, что они годами жили на воде и каше, – каким образом, он не знает. Через несколько лет кредиторы оставили надежду на оплату старых долгов мистера Торнтон, если они вообще собирались вернуть деньги после его самоубийства. И вдруг в Милтоне появился молодой человек, который обошел всех кредиторов и выплатил им первый взнос по задолженностям своего отца. Все было сделано очень мирно, без лишнего шума, без собраний и споров. По завершении долговых выплат один из кредиторов –

ворчливый старик, как сказал мистер Белл, – предложил мистеру Торнтону деловое партнерство.

– Все это замечательно, – заметила Маргарет. – Но мне жаль, что такая сильная натура была испорчена и низведена до уровня милтонского фабриканта.

– Испорчена? – переспросил отец.

– Ах, папа! Деньги для него являются мерилем успеха. Говоря о новых достижениях в промышленности, он рассматривал их только как способ для расширения торговли и увеличения капитала. Бедные люди видятся ему порочными и не вызывающими симпатии, потому что они не обладают жестким характером и не способны стать богатыми.

– Мистер Торнтон не говорил, что они порочные. Он называл их недальновидными и потакающими своим желаниям.

Маргарет собирала швейные принадлежности матери и готовилась идти ко сну. Прежде чем покинуть комнату, она остановилась на пороге, желая сделать признание, которое, несмотря на некий негативный оттенок, могло бы понравиться отцу.

– Папа, я думаю, мистер Торнтон – замечательный человек. Но лично мне он не нравится.

– А мне нравится! – со смехом ответил отец. – И лично, как ты сказала, и в целом. Хотя я не выставляю его героем. Ладно. Спокойной ночи, дитя. Твоя мать этим вечером заметно устала.

Маргарет уже давно заметила, насколько изнуренной выглядит мать, и слова отца лишь укрепили смутный страх, лежавший грузом на ее сердце. Жизнь в Милтоне разительно отличалась от их прежнего существования в Хелстоне. Там миссис Хейл привыкла к чистому деревенскому воздуху. А здесь ее душила атмосфера, нарушавшая все принципы физического восстановления организма. Домашние тревоги обрушились на их семейство с такой силой, что у дочери появились серьезные опасения по поводу здоровья матери. Она подозревала, что та скрывала от близких какую-то опасную болезнь. Мать часто запиралась вместе с Диксон в своей спальне, после чего старая служанка выходила из комнаты, крестясь и плача. Впрочем, это было вполне обычным явлением, поскольку любое недомогание хозяйки вызывало у нее сочувственные слезы. Однажды Маргарет прокралась в спальню матери сразу после того, как Диксон вышла оттуда. Она застала мать стоящей на коленях. Покидая на цыпочках комнату, девушка услышала несколько слов из молитвы. Мать просила Бога о силе и терпении, чтобы вынести свои телесные страдания.

Маргарет хотела восстановить те доверительные отношения, которые были утрачены из-за ее долгого проживания в доме тети Шоу. Нежностью и ласковыми словами она стремилась достучаться до сердца матери. И хотя дочь получала в ответ такое количество искренних заверений в любви, что могла бы радоваться им, как и прежде, она догадывалась о некой скрытой тайне, имевшей самое непосредственное отношение к здоровью матери. Ночью она долго лежала без сна, размышляя о том, как уменьшить злое влияние их милтонской жизни на самочувствие мамы. Если бы она нашла служанку, это позволило бы Диксон все время находиться рядом с хозяйкой, и тогда миссис Хейл получала бы то внимание, к которому она привыкла в прошлом.

Несколько последующих дней Маргарет упорно посещала биржу труда и различные регистрационные бюро. Она побеседовала с сотней неприятных женщин – и с дюжиной достаточно приятных, – но лишь потратила зря время. Однажды вечером, возвращаясь с биржи, она встретила на улице Бесси Хиггинс и остановилась, чтобы немного поболтать с ней.

– Бесси, как ты себя чувствуешь? Надеюсь, лучше. Ведь ветер переменился и дым от труб идет в другую сторону.

– И лучше, и хуже, если ты понимаешь, о чем я говорю.

– Не совсем понимаю, – с улыбкой ответила Маргарет.

– Мне лучше, потому что этой ночью в приступе кашля я не порвала в клочья свои легкие. Я получила еще один день жизни, хотя невероятно устала от Милтона. Пора отправляться в земли предков. Знаешь, раньше, когда я думала, что скоро буду далеко-далеко, мое сердце радовалось. А теперь, когда этого не происходит, мне становится только хуже.

Маргарет развернулась и пошла вместе с Бесси в сторону ее дома. Минуту или две она молчала, затем тихо спросила:

– Бесси, ты хочешь умереть?

Сама она боялась смерти и, будучи молодой и здоровой девушкой, считала естественным любить жизнь и бороться за нее. Ее собеседница долго не отвечала, но в конце концов сказала:

– Если бы ты жила моей жизнью и так уставала от нее, как я, тебя иногда посещали бы печальные мысли. Ты думала бы: «У некоторых эта болезнь длится пятьдесят или шестьдесят лет. А что будет со мной?» И у тебя кружилась бы голова, озноб доводил до боли в мышцах. Это происходит со мной уже шесть лет. Муки лишают меня разума и насмеются надо мной в течение нескончаемых дней, часов и минут... О, девушка! Как я была рада, когда доктор сказал, что, к его сожалению, я могу не увидеть следующей зимы.

– Почему, Бесси? Ты настолько больна?

– Мое здоровье не хуже, чем у многих других. Тут у половины горожан такой кашель. Только они хотят жить, а я – нет.

– А что это за болезнь? Ты же знаешь, я здесь новенькая и не всегда понимаю, о чем говорят жители Милтона.

– Если ты придешь к нам в гости, как обещала когда-то, я, возможно, расскажу тебе об этой болезни. Но отец говорит, что ты ничем не отличаешься от остальных людей – с глаз долой, из сердца вон.

– Я не знаю, какие у вас тут люди. В последнее время у меня было столько дел, что, признаться, я забыла о своем обещании.

– Ты сама предложила... Мы не просили.

– Я не помню, что говорила тебе в тот раз, – тихо произнесла Маргарет. – Надо будет подумать над этим, когда появится свободное время. А если я пойду с тобой прямо сейчас?

Бесси быстро посмотрела ей в глаза, проверяя, насколько искренна Маргарет. Встретив мягкий дружеский взгляд, она задумчиво произнесла:

– Мною еще никто так не интересовался. Если хочешь, идем.

Какое-то время они сохраняли молчание. Затем Бесси свернула с грязной улицы в небольшой открытый двор и смущенно сказала:

– Ты не пугайся, если отец будет дома. И не обращай внимания на его грубость. Он недавно вспоминал о тебе. Ты ему очень понравилась. Он верил, что ты придешь к нам в гости. А потом устал ждать и рассердился на тебя. Не обижайся, если он будет ворчать.

– Не бойся, Бесси. Мы как-нибудь поладим.

Когда они вошли в дом, Николаса Хиггинса там не было. Крупная неряшливая девушка, чуть моложе Бесси, но более высокая и сильная, стирала что-то в тазу, шумно плеская водой и яростно сминая белье кулаками. Устав от прогулки, Бесси сразу же села на стул. У Маргарет сердце сжалось от сочувствия. Гостя попросила стакан воды и, пока младшая сестра бегала на кухню, сбив на своем пути кочергу и стул, развязала ленты у шляпки Бесси, облегчая тем самым ее сдавленное дыхание.

– Думаешь, о такой жизни, как эта, стоит беспокоиться? – задыхаясь, прошептала Бесси.

Маргарет без слов поднесла стакан с водой к ее губам. Бесси сделала долгий жадный глоток, откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Маргарет услышала ее шепот: «Они не будут больше ни голодать, ни испытывать жажду, и их не будет палить солнце и зной».

Маргарет наклонилась к ней и сказала:

– Бесси, не торопись заканчивать жизнь, какой бы она ни была. Вспомни, кто дал тебе ее и наделил такой судьбой!

– Я не хочу, чтобы моей девочке читали проповеди!

Маргарет испугалась, услышав голос Николаса за своей спиной. Он вошел так тихо, что она не заметила его.

– Бесси и так достаточно плоха. Если ее забавляют мечты и видения золотых врат, украшенных драгоценными камнями, пусть она фантазирует. Однако я не позволю кому бы то ни было морочить ей голову всякой ерундой.

– Вы не верите тому, что я сказала? – поворачиваясь к нему, спросила Маргарет. – Что Бог дал ей жизнь и наделил такой судьбой?

– Я верю в то, что вижу, не больше. Вот так, юная девушка. И я не верю всем словам, которые слышу. Помню, одна такая красавица захотела узнать, где мы живем. Сказала, что навестит нас с дочерью. Моя девочка покоя себе не находила. Все время вскакивала при звуках незнакомых шагов, не догадываясь, что я за ней наблюдаю. Ты наконец пришла, и тебе тут рады. Но только воздержись от проповедей, особенно о том, чего ты вообще не знаешь.

Бесси со страхом смотрела на гостью. Она уже немного оправилась и, положив ладонь на руку Маргарет, с мольбой произнесла:

– Не сердись на него. Здесь многие так думают. Очень многие. Если бы ты слышала, что они говорят, ты не удивлялась бы его словам. Мой отец – хороший человек, но иногда... – Она в отчаянии вскинула голову. – Иногда он богохульствует так, что я хочу смерти больше, чем когда-либо прежде. А меня действительно волнуют эти чудеса. Я хочу больше узнать о Царстве Небесном.

– Бедная девчушка... Моя доченька! Я часто обижал тебя, да! Но человек должен говорить правду, поэтому, когда я вижу, что мир катится в ад, когда люди беспокоятся о том, чего не знают, когда несделанные дела создают хаос в их жизни, мне хочется сказать: оставьте разговоры о религии, делайте работу, которую знаете. Это мое убеждение. Девиз простого человека.

Бесси продолжала уговаривать Маргарет:

– Не думай плохо о нем. Он хороший человек. Порой мне кажется, что буду печалиться даже в городе Бога, если не найду там своего отца.

Ее щеки окрасились лихорадочным румянцем. В глазах появился нездоровый блеск.

– Но ты будешь там, отец! Бог примет тебя! О, мое доброе сердце!

Прижав руку к груди, она вдруг побледнела. Маргарет подхватила ее, удержав от падения, затем приподняла мягкие волосы и смочила виски водой. Николас ловил каждый жест гостьи и быстро выполнял ее безмолвные указания. Даже в округлившихся глазах сестры дикий страх сменился нежностью. Вскоре спазм, предвещавший смерть, прошел и Бесси очнулась.

– Хочу в постель... Так будет лучше...

Потом она схватилась рукой за платье Маргарет.

– Ты придешь еще? Я знаю, что придешь... но все-таки скажи!

– Я навещу тебя завтра.

Николас взял дочь на руки, собираясь отнести ее наверх, в спальню. Бесси, совершенно обессиленная, прижалась к его груди. Когда Маргарет направилась к двери, мистер Хиггинс повернулся к ней и вымученно сказал:

– Я хотел бы, чтобы рядом был Бог. Но только для того, милая девушка, чтобы попросить Его благословить тебя.

Маргарет ушла от них печальная и задумчивая.

Она опоздала к чаепитию. В Хелстоне подобная непунктуальность была бы расценена ее матерью как большой проступок, но теперь такие мелкие нарушения распорядка не вызывали у миссис Хейл бывшего раздражения. Порою Маргарет немного скучала о ее прежнем выражении недовольства.

– Ты поговорила с той девушкой, которая хотела наняться к нам в служанки, дорогая?

– Да, мама. Но эта Энн Бакли никуда не годится.

– Нужно попробовать мне, – сказал мистер Хейл. – Все остальные уже использовали свой шанс и потерпели неудачу. Теперь настала моя очередь. Я сыграю роль Золушки и примерю эту туфельку.

Маргарет была такой подавленной после посещения Хиггинсов, что даже не улыбнулась милой шутке отца.

– И что ты будешь делать, папа? Как ты все устроишь?

– Я обращусь к какой-нибудь хорошей домохозяйке и попрошу рекомендовать мне прилежную служанку.

– Отлично! Осталось только найти доброжелательную домохозяйку.

– Считайте, что вы уже нашли ее. Точнее, она попала в мою западню, так что завтра вы встретитесь с ней.

– О чем ты говоришь? – оживившись, с интересом спросила его жена.

– Мой образцовый ученик, как Маргарет называет мистера Торнтон, сообщил мне, что его мать хотела бы завтра нанести вам визит. Обеим!

– Миссис Торнтон? – воскликнула миссис Хейл.

– Отважная мать, о которой он нам рассказывал? – переспросила Маргарет.

– Мне кажется, миссис Торнтон – это единственная мать, которая у него имеется, – с улыбкой ответил мистер Хейл.

– Я хотела бы взглянуть на нее, – произнесла миссис Хейл. – Наверное, она необычная женщина. Возможно, одна из ее родственниц могла бы устроить нас в качестве служанки. По словам ее сына, она очень заботливая и экономная хозяйка. Мне хотелось бы иметь прислугу из той же семьи.

– Дорогая, – встревоженно произнес мистер Хейл. – Умоляю тебя забыть об этой идее. Я полагаю, миссис Торнтон столь же надменная и гордая особа, как наша маленькая Маргарет. Наверняка она успела забыть о том прошлом времени, когда их семья переживала бедность и жесткие условия экономии, о которых нам рассказывал мистер Торнтон. Я думаю, ей не понравится, если мы, чужие люди, будем рассуждать об этом.

– Заметьте, папа, что высокомерие мне не свойственно, поэтому я не согласна с вашими обвинениями.

– Я не знаю, насколько надменна миссис Торнтон, но из тех малых сведений, которые мне удалось собрать, думаю, общаться с ней будет непросто.

Впрочем, их мало заботили качества миссис Торнтон, о которых рассказывал ее сын. Маргарет, понимая, что ей придется присутствовать при встрече гостей, гадала, как это может помешать ее визиту к Бесси. Раннее утро все равно будет занято домашними делами, а если миссис Торнтон задержится у них до вечера, мать не сможет развлекать ее одна.

## Глава 12

### Утренняя встреча

*Я полагаю, мы обязаны.  
Друзья во время совета*

Мистеру Торнтону пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить мать нанести визит вежливости. Она не часто ездила в гости и с трудом выносила светские формальности. Сын купил ей экипаж, но она отказалась держать лошадей. Их нанимали только в тех случаях, когда она посещала званые обеды и ужины. Например, две недели назад она наняла лошадей на три дня и объехала всех знакомых, чтобы те теперь беспокоились об ответных визитах. Но Крэмpton находился слишком далеко для пешей прогулки. Она решила еще раз спросить сына, насколько сильно он хочет ее встречи с Хейлами, – ведь ей предстояли траты на аренду кеба. Она была бы рада, если бы Джон передумал. Миссис Торнтон даже сказала ему, что «она не видит пользы от дружбы с учителями и бывшими священниками, потому что следующим шагом станет знакомство с женой вертлявого учителя танцев, который давал уроки их Фанни».

– Я обязательно познакомил бы тебя с мистером Мэсоном и его супругой, если бы, как в случае Хейлов, они оказались чужими в нашем городе и не имели друзей.

– Ладно, не говори лишнего. Завтра я поеду к ним. Мне только хочется, чтобы ты разобрался со своими ожиданиями от этого знакомства.

– Если ты поедешь к ним, я закажу лошадей.

– Перестань, Джон. Люди подумают, что ты сделан из денег.

– Еще не полностью. Но с лошадьми я все решил. Прошлый раз, поездив в кебе, ты вернулась домой с головной болью. Тряска плохо действует на тебя.

– Я же не жаловалась.

– Нет, – с гордостью согласился он. – Моя мать никогда не жалуется. Поэтому мне и нужно приглядывать за тобой. Что касается Фанни, небольшая поездка пойдет ей на пользу.

– Она сделана из другого сплава, Джон. Пожалей ее немного.

Миссис Торнтон замолчала, поскольку эта тема огорчала ее. Она испытывала презрение к слабохарактерным людям, а Фанни была лишена той силы духа, которой обладали остальные члены их семьи. Миссис Торнтон не любила долго думать. Быстрые суждения и твердая решимость не позволяли сомнениям разрастаться в ее душе. Она инстинктивно чувствовала, что природу Фанни уже ничем не изменить и что ее дочь не сможет терпеливо переносить испытания и храбро встречать жизненные трудности. Но хотя она морщилась, признавая недостатки Фанни, ее любовь к дочери всегда имела оттенок жалостливой нежности. Матери часто ведут себя подобным образом со слабыми и больными детьми.

Сторонний человек, понаблюдав за миссис Торнтон, решил бы, что Фанни куда милее ей, чем Джон. И тут он грубо ошибся бы. Та бесцеремонность, с которой мать и сын высказывали друг другу неприятные истины, выражала огромную степень обоюдного доверия. В то же время нетипичная для миссис Торнтон нежность к своей дочери скрывала стыд, испытываемый ею, оттого что ее девочка не имела тех высоких качеств, которыми обладала она сама и которые ценила в других людях. Этот стыд выявлял недостаточную привязанность к дочери. Она никогда не называла сына иначе, чем Джон. Слова «любимая» и «дорогая» были предназначены только для Фанни. Но в своем сердце она день и ночь благодарила сына за его дела, которые позволяли ей ходить с гордо поднятой головой.

– Фанни, дорогая, сегодня я собираюсь съездить к этим Хейлам. Надо познакомиться с ними. Может, присоединишься ко мне и повидашься с няней? Это в том же направлении. Она будет рада встрече с тобой. Я оставлю тебя у нее на то время, пока буду у Хейлов.

– Ах, мама, это очень далеко. Я чувствую себя такой уставшей.

– Уставшей от чего? – слегка нахмурившись, спросила миссис Торнтон.

– Не знаю... Наверное, от погоды. Она расслабляет меня. Лучше привези няню к нам! Заедешь к ней на обратном пути, и она сможет провести со мной остаток дня. Я знаю, ей понравится.

Миссис Торнтон опустила рукоделие на стол и о чем-то задумалась.

– Значит, домой твоя няня будет возвращаться поздним вечером? – наконец заметила она. – Пешком через весь город?

– Мы найдем для нее кеб. Я и не думала отправлять ее домой пешком.

В комнату вошел мистер Торнтон.

– Мама, хочу попросить тебя об одной услуге. Миссис Хейл больна, и, если при вашей встрече выяснится, что мы как-то можем поддержать ее, предложи ей эту помощь.

– Если выясню, то предложу. Сама-то я никогда не хворала, поэтому слабо разбираюсь в капризах больных людей.

– Но ты можешь посоветоваться с Фанни. Сестра часто болеет. Она знаток в этом деле. Верно, Фан?

– Я болею не так уж и часто, – с обидой в голосе сказала Фанни. – И я не поеду с мамой. У меня сегодня болит голова.

Мистер Торнтон выглядел недовольным. Их мать потупила взор и с усердием занялась своим рукоделием.

– Фанни, я хочу, чтобы ты сопровождала маму, – властно произнес брат. – Поездка пойдет на пользу твоей головной боли. И ты сильно угодишь мне, если не будешь больше спорить.

После этих слов он вышел из комнаты. Если бы мистер Торнтон задержался на минуту дольше, Фанни заплакала бы, протестуя против его командного тона. Ее даже не остановили бы его слова: «Ты сильно угодишь мне».

– По мнению Джона, я только и делаю, что притворяюсь больной, – проворчала она. – А я всегда веду себя честно. Кто эти Хейлы, что он так беспокоится о них?

– Фанни, не осуждай своего брата. Если он хочет, чтобы мы поехали к ним, значит, у него имеются особые причины. Поторопись и приведи себя в порядок.

Маленькая перебранка между сыном и дочерью не сделала миссис Торнтон более благожелательной к «этим Хейлам». Ее ревнивое сердце повторяло вопрос дочери: «Кто они такие, чтобы он беспокоился и требовал от своей семьи уделять им столько внимания?» Эти слова засели в ее голове, словно навязчивый припев, хотя Фанни давно уже забыла о сказанном, примеряя перед зеркалом новую шляпку.

Миссис Торнтон была немного нелюдимой. В последние годы у нее появилось достаточно свободного времени, чтобы выходить в общество, но оно, это общество, ей совершенно не нравилось. Впрочем, приемы гостей и обсуждение званных обедов, проведенных другими людьми, вполне устраивали ее. Однако этот визит к незнакомцам был совершенно иным делом. Вот почему, входя в маленькую гостиную Хейлов, она чувствовала себя некомфортно и выглядела сверх меры суровой и мрачной.

Маргарет вышивала небольшой кусок батиста, из которого хотела сделать чепчик для ожидаемого ребенка Эдит. «Пустая, бесполезная работа», – подумала миссис Торнтон. Ей больше понравилось жаккардовое вязание, которым занималась миссис Хейл. Оно выглядело прочным, а значит, и благоразумным. В комнате она увидела много статуэток и безделушек, и, конечно, с них нужно было вытирать пыль. А время для семей с ограниченным

доходом было равноценно деньгам. Все эти размышления она вальяжно перемежала банальными фразами, которые люди говорят друг другу, чтобы скрыть истинные чувства.

Миссис Хейл вела беседу несколько рассеянно. Она была очарована старым кружевом, украшавшим платье миссис Торнтон. Позже она сказала Диксон, что «такие английские кружева уже не купишь в магазинах, потому что их перестали делать семьдесят лет назад, если не больше». Очевидно, это была семейная ценность, указывавшая на знатных и богатых предков. Естественно, обладательница семейного кружева была осыпана приятными для нее комплиментами, поэтому миссис Торнтон, несмотря на слабые усилия хозяйки в поддержании беседы, осталась довольна их встречами. Вскоре Маргарет, не очень преуспев в разговоре с Фанни, услышала, как их матери погрузились в вечную тему о достоинствах и недостатках домашней прислуги.

– Я не увидела в вашем доме фортепьяно, – сказала Фанни. – Вы не увлекаетесь музыкой?

– Мне нравится слушать хорошую музыку, но сама я не умею играть. Родители не позаботились об этом. Переезжая сюда, мы продали наше старое фортепьяно.

– Удивляюсь, как вы обходитесь без него! Я не смогла бы жить без музыки.

«А раньше их семья жила на пятнадцать шиллингов в неделю, из которых три откладывалось впрок! – подумала Маргарет. – Наверное, в ту пору она была настолько юной, что забыла об этом. Хотя она должна помнить дни своей бедности».

Когда Маргарет вновь заговорила, ее голос звучал более прохладно:

– Я слышала, в Милтоне бывают хорошие концерты.

– Да, великолепные! Жаль, что публики слишком много и пускают всех без разбора. Вас могут усадить прямо рядом с рабочими. Зато все уверены, что слышат там самую современную музыку. На следующий день после концерта я всегда заказываю у Джонсона стопку новых нот.

– Значит, вам нравятся только музыкальные новинки?

– Все знают, что, если бы эти мелодии не были модными в Лондоне, музыканты не исполняли бы их здесь. Вы бывали в столице?

– Да, – ответила Маргарет. – Я жила там несколько лет.

– О, Лондон и Альгамбра! Два места, которые я мечтаю увидеть!

– Вам хочется в Альгамбру?

– Да! С тех пор, как я прочитала «Сказания Альгамбры». Вам знакома эта книга?

– Не думаю, что читала ее. Но ведь поездка в Лондон легко осуществима.

– Да, однако мама не хочет отправляться туда, – понизив голос, сказала Фанни. – И она не разделяет моих устремлений. Мать гордится Милтоном, хотя, на мой взгляд, это грязный и дымный город. Мне кажется, она восхищается им именно за эти качества.

– Миссис Торнтон прожила здесь много лет, поэтому я понимаю ее любовь к Милтону, – ответила Маргарет звонким, как колокольчик, голосом.

– Что вы там говорите обо мне, мисс Хейл? Могу я полюбопытствовать?

Вопрос важной гостьи застал ее врасплох. Когда Маргарет не нашла нужных слов для ответа, к ней на помощь пришла Фанни:

– Мама, мы пытаемся понять, за что ты любишь Милтон.

– Спасибо вам, девушки, – произнесла миссис Торнтон. – Хотя мне странно слышать, что моя естественная привязанность к городу, в котором я родилась, выросла и уже давно живу, требует какого-либо объяснения.

Маргарет расстроилась. Фанни так представила их разговор, что теперь казалось, будто они дерзко обсуждали чувства миссис Торнтон. Кроме того, ее возмутили бесцеремонные манеры этой леди.

Миссис Торнтон уже нельзя было остановить. После небольшой паузы она продолжила:

– Мисс Хейл, а что вы знаете о Милтоне? Вы видели хотя бы одну из наших фабрик? Или наши огромные склады?

– Нет, – ответила Маргарет. – Я ничего подобного не видела.

Девушке казалось, что, скрывая свое безразличие к складам и фабрикам, она как бы утаивала правду.

– Смею сказать, – добавила она, – если бы я выразила такое желание, папа отвел бы меня на любую из фабрик. Но на самом деле мне не хочется тратить время на экскурсии по производственным цехам.

– Наверное, там действительно интересно, – вмешалась миссис Хейл. – Но, говорят, на ваших фабриках много пыли и шума. Помню, однажды я пошла посмотреть, как делают свечи, и мое сиреневое шелковое платье было совершенно испорчено.

– Да, шума и пыли там хватает, – отрывисто и с заметным недовольством ответила миссис Торнтон. – Но мне кажется, что вам, недавно приехавшим жить в Милтон, который возвысился в стране благодаря своей промышленности и прогрессу в торговле, стоило бы посетить некоторые наши достопримечательности, тем более что они уникальны для всего королевства. Если мисс Хейл передумает и снизойдет до ознакомления с промышленностью и мануфактурой Милтона, я буду рада провести ее в ситценабивной или шелкомотальный цех на фабрике моего сына. Там производятся основные операции. И там же она сможет увидеть усовершенствованные машины.

– А я рада, что вам не нравятся фабрики, заводы и все эти машины, – сказала полупешотом Фанни, направляясь вслед за матерью к двери.

Гости, шелестя юбками, собирались покинуть дом миссис Хейл.

– На вашем месте я, наверное, с удовольствием ходила бы по цехам, – тихо ответила Маргарет.

– Фанни, – садясь в экипаж, сказала миссис Торнтон, – мы были вежливыми с этими Хейлами, но прошу тебя, не связывай себя поспешной дружбой с их дочерью. Это не принесет тебе никакой пользы. Хотя ее больная мать показалась мне достаточно приятной особой.

– Мама, я не собираюсь дружить с мисс Хейл, – надув губы, ответила Фанни. – Разговаривая с ней и развлекая ее беседой, я просто выполняла свое обязательство перед братом.

– Вот и хорошо! В любом случае Джон должен быть теперь доволен.

## Глава 13

### Нежный бриз на соленой пустоши

*Эти сомнения, тревоги, страх и боль,  
И муки – всего лишь тени напрасные,  
Что уйдут, когда придет смерть;  
Мы можем пересечь безводные пустыни,  
Пробраться через мрачный лабиринт,  
Пройти сквозь темноту подземелий;  
Однако если мы подчинимся Проводнику,  
Самые мрачные пути и темные дороги  
Приведут нас в божественный день;  
И мы, выброшенные на дикие берега,  
Встретимся после опасного путешествия  
В доме нашего Отца!*

**Р. К. Тренч**

Как только гости уехали, Маргарет поднялась по лестнице в свою комнату, взяла шляпку и отправилась к Бесси Хиггинс, чтобы провести с ней время до обеда. Шагая по переполненным узким улицам, она чувствовала на себе множество заинтересованных взглядов. Очевидно, люди не могли поверить тому, что она заботилась об их соседке.

В ожидании ее визита Мэри, неряшливая младшая сестра, как могла, прибралась в доме. Середина каменного пола была вымыта, но плитки под стульями и столом, а также у стен остались грязными. Хотя день выдался теплым, в камине горел огонь, поэтому в помещении было душно и жарко. Маргарет не знала, что Мэри, затопив камин, выказывала таким образом свое гостеприимство. Сначала она даже подумала, что ужасная жара была необходима для больной девушки. Сама Бесси лежала на кушетке, придвинутой к окну. Она выглядела более слабой, чем накануне, – наверное, устала подниматься при каждом незнакомом шаге, проверяя, не идет ли Маргарет. И теперь, когда Маргарет пришла и села на стул рядом с ней, Бесси тихо и довольно откинулась на подушки. Она смотрела на гостью и поглаживала край ее платья, по-детски восхищаясь текстурой ткани.

– Прежде я не понимала, почему люди, описанные в Библии, любили носить мягкие одежды. Мне кажется, приятно ходить в таком платье. Оно не похоже на те, которые я видела раньше. Нашим городским модницам нравятся яркие наряды, но у меня от них болят глаза. А расцветка твоего платья успокаивает... Где ты купила его?

– В Лондоне, – с улыбкой ответила Маргарет.

– В Лондоне! Ты бывала в Лондоне?

– Да, я жила там несколько лет. Но своим домом я считала сельский пасторат на краю большого леса.

– Расскажи мне о нем, – попросила Бесси. – Мне нравится слушать о сельской идиллии, о лесах и подобных вещах.

Она закрыла глаза и, скрестив руки на груди, неподвижно замерла, как будто бы желая впитать в себя все, о чем могла поведать ей Маргарет.

Маргарет давно уже не говорила о Хелстоне – с тех самых пор, как покинула его, – и лишь от случая к случаю упоминала название этого места. В своих снах она видела его более ярким, чем в жизни. Погружаясь ночами в сновидения, она блуждала по дорогим сердцу долам и холмам. Но ее душа была открыта для этой больной девушки, и поэтому она приступила к рассказу:

– Ах, Бесси, как я любила тот дом, который мы оставили! Мне хотелось бы, чтобы ты увидела его. Я не смогу описать тебе и половины его красоты. Дом окружали огромные деревья. Их длинные низкие ветви создавали густую прохладную тень даже в жаркий полдень. И хотя каждый лист мог оставаться неподвижным, в воздухе всегда ощущалось дыхание леса. Иногда оно превращалось в шелест дерна, такого же мягкого и красивого, как бархат. Или становилось журчанием маленького, почти скрытого от глаз ручейка. А потом вдруг все переходило в шум качавшегося папоротника – больших зеленых зарослей с золотистыми прожилками запутавшихся в них солнечных лучей. Порою эти заросли напоминали море...

– Я никогда не видела моря, – прошептала Бесси. – Но ты продолжай! Продолжай!

– Тут и там возвышались широкие холмы. Их вершины будто бы парили над деревьями...

– Я в восторге от твоих слов, но задыхаюсь, словно падаю вниз. Когда мне приходится выходить из дома, я всегда хочу подняться в небо, чтобы осмотреть далекие места и набрать в свои легкие побольше чистого воздуха. Сколько лет я задыхалась в Милтоне! Хотя знаешь, тот звук, о котором ты говорила, – дыхание леса, идущее из всех мест, – ошеломил бы меня, наверное. От него моя голова болела бы, как на фабрике. А на тех высоких холмах, я думаю, гораздо тише?

– Да, там слышны только песни жаворонков, – ответила Маргарет. – Порой можно уловить голоса, когда какой-нибудь фермер громко отчитывает своих работников. Но звуки доносятся издалека, и они лишь приятно напоминают тебе, что где-то по соседству находятся другие люди. Пока ты сидишь на траве и ничего не делаешь, они работают и заботятся о своем хозяйстве.

– Я когда-то мечтала о свободном дне отдыха в таком тихом и красивом месте, которое ты описала. Мне казалось, что это придаст мне силы. Но теперь я бездельничаю изо дня в день и устаю не меньше, чем на прежней работе. Иногда я чувствую себя такой изможденной, что даже не могу порадоваться небесам и перед этим мне требуется отдых. Наверное, когда я отправлюсь в Царство Небесное, мне сначала придется выспаться как следует в могиле, а затем, восстановив силы, двигаться дальше.

– Не бойся, Бесси, – сказала Маргарет и погладила руку больной девушки. – Бог даст тебе покой, куда более глубокий и идеальный, чем безделье по будням или мертвый сон могилы.

Бесси беспокойно вздрогнула.

– Ах, если бы мой отец не богохульствовал. Он хороший человек, как я уже говорила тебе вчера. И я могу повторять это снова и снова. Но, видишь ли, если днем я не верю его словам, то по ночам, когда меня затягивает в бред или полусон, хула отца вновь возвращается ко мне... с огромной силой. «А вдруг это конец всего? Неужели мне довелось родиться только для того, чтобы работать, пока мое сердце не разорвется на куски?» – думаю я, и тогда вся жизнь с этим заводским грохотом, который навечно отпечатался в моих ушах, кажется ужасным местом. Мне хочется заставить мир замолчать, чтобы он оставил меня в покое... с пухом, набившимся в легких, пока я жажду смерти ради долгого глотка чистого воздуха, о котором ты говорила... Моя мать умерла так же. Я даже не успела поговорить с ней... рассказать, как любила ее... о своих страданиях. По ночам я думаю, что если жизнь закончится и там не будет Бога, чтобы вытереть с глаз мои слезы, то...

Она рывком села и с неожиданной силой схватила руку Маргарет.

– ...то я сойду с ума, вернусь сюда и убью тебя за твой обман.

Она упала на подушки, полностью истощенная своей страстью. Маргарет встала на колени рядом с ней.

– Бесси, мы должны верить в Отца Небесного.

– Я знаю, – простонала девушка, беспокойно мотая головой. – Я знаю это. Во мне говорит злость. Я зла на людей и собственную жизнь. Только не бойся меня и больше не приходи сюда. Знай, я не трону и волоса с твоей головы.

Открыв глаза, она посмотрела на Маргарет.

– Возможно, моя вера больше, чем твоя. Я читала книгу «Откровения», верила в нее всем сердцем и после пробуждения от кошмаров никогда не сомневалась в своих чувствах к той вящей славе, к которой ухажу.

– Давай не будем говорить о фантазиях, возникающих в твоей голове, когда ты начинаешь бредить. Лучше расскажи, чем ты занималась, когда была здоровой.

– Когда мама умерла, я еще не болела, хотя уже тогда выглядела слабой и тщедушной. Вскоре после смерти матери я начала работать в чесальном цехе... а потом пух набился в мои легкие и отравил меня.

– Пух? – переспросила Маргарет.

– Да, пух, – ответила Бесси. – Маленькие частички, которые вылетают из хлопка, когда его вычесывают. Они наполняют воздух, словно белая пыль. Эта пыль всасывается в легкие, оседает и уплотняется там. Почти все люди, которые работают в чесальных цехах, рано или поздно начинают кашлять и выплевывать кровь, потому что пух отравляет их легкие.

– И ничем нельзя помочь? – спросила Маргарет.

– Не знаю. Некоторые хозяева устанавливают в конце цеха большое колесо для создания сквозняка, который уносит большую часть пыли. Но такие маховики стоят больших денег, может, пять или шесть сотен фунтов. Они не приносят дохода, поэтому имеются только на нескольких фабриках. Кроме того, всегда находятся люди, которым не нравится работать в проветренных цехах. Они привыкли глотать пух, потому что это дает им ощущение сытости. А при маховиках они постоянно испытывают голод. Им нужно больше трапиться на завтраки и обеды. Вот они и требуют от хозяев повышения заработной платы, если им приходится работать в цехах без хлопковой пыли. Поэтому маховики не нравятся ни хозяевам, ни рабочим. Хотя я жалею, что в моем цехе не было колеса.

– Твой отец знал об этом? – спросила Маргарет.

– Да, и он очень сожалел. Но моя фабрика была хорошей. Там работало множество наших соседей. Отец боялся отпускать меня в незнакомые места, потому что – хотя сейчас и не скажешь – многие парни говорили, что я симпатичная девушка. Мне не нравилось, что меня считали слабой и нежной. Мэри тогда ходила в школу. Мама хотела, чтобы мы о ней заботились, как только могли. Отец... Он любил покупать книги и ходить на общеобразовательные лекции. Все это требовало денег. Одним словом, я работала на фабрике, пока у меня не начало гудеть в ушах и пух не стал выходить из горла.

– Сколько тебе лет?

– В июле будет девятнадцать.

– И мне девятнадцать, – сказала Маргарет.

Она с печалью подумала о том, насколько они отличаются внешне. Пытаясь сдержать охватившие ее эмоции, она молчала минуту или две.

– Кстати, говоря о Мэри, – произнесла Бесси. – Ты не могла бы устроить ее служанкой в хорошую семью? Ей семнадцать, и она последняя из нас. Я не хочу, чтобы она шла на фабрику. Мне кажется, что она не подходит для работы в цехах.

– Мэри вряд ли сможет... – Маргарет невольно посмотрела на немывтый пол в углах комнаты. – Не думаю, что она справится с обязанностями служанки. У нас работает старая преданная горничная, которую мы считаем членом семьи. Нашей Диксон требуется помощь, но если мы наймем девушку, которая будет вызывать у нее раздражение, это будет неправильно и лишь обременит ее еще больше.

– Да, я понимаю. Тут ты права. Мэри – хорошая девушка, но ее некому было учить работе по дому. Мать умерла. Я по две смены трудилась на фабрике, а когда приходила домой, то только ругала ее за беспорядок, хотя и сама не знала, как это исправить. Однако мне очень хотелось бы, чтобы ты позаботилась о ней, когда меня не будет.

– Она не сможет работать у нас служанкой, но... Я не знаю, как это сказать. Ради тебя, Бесси, я постараюсь быть ей подругой. Прости, но мне пора уходить. Я навещу тебя, когда смогу. Возможно, не завтра и не послезавтра. Если меня не будет даже неделю или две, не думай, что я забыла о тебе. Просто мне предстоит много дел.

– Я знаю, что ты не забудешь меня, и больше не буду сомневаться в тебе. Но только помни, что на этой или той неделе я могу умереть. А потом меня похоронят... и все.

– Я приду, как только смогу, – пожав ей руку, сказала Маргарет. – Но дай знать, если тебе станет хуже.

– Я сообщу, – с благодарной улыбкой произнесла Бесси.

Тем временем миссис Хейл все больше нездоровилось. После свадьбы Эдит прошел почти год, и, вспоминая пережитые беды, Маргарет изумлялась, как они их только вынесли. Если бы кто-то рассказал ей о событиях, через которые за этот год пройдет ее семья, она уехала бы куда-нибудь и спряталась от наступающих перемен. Однако дни шли за днями, требуя от нее такого же терпения. Иногда, отгоняя печаль, в ее жизни случались маленькие, но яркие моменты неожиданной радости. Год назад, когда Маргарет приехала в Хелстон и впервые начала замечать раздражительность матери, она много грустила при мысли о ее длительной болезни в таком странном, шумном и суетливом городе, как Милтон, где, увы, не было должного комфорта прежней жизни. Но по мере появления более серьезных и обоснованных жалоб относительно ее здоровья мать стала намного терпеливее. Переживая телесные муки, миссис Хейл становилась нежной и тихой, хотя прежде, когда у нее не было причин для беспокойства, она казалась нервной и подавленной. Мистер Хейл находил что-то странное в поведении супруги, но, как многие мужчины, близкие ему по складу ума, предпочитал закрывать глаза на происходящее и не верить своим предчувствиям. Тем не менее он раздражался больше обычного, когда Маргарет выражала ему свою озабоченность по поводу состояния матери.

– Маргарет, перестань! Ты становишься излишне мнительной. Если бы твоя мать действительно заболела, я первый поднял бы тревогу. Но мы с тобой знаем, что она страдала головными болями еще в Хелстоне, даже когда не говорила нам об этом. Во время болезни любой человек выглядит бледным, а у нее теперь яркий румянец на щеках. Такой же, каким она очаровала меня при нашей первой встрече.

– Папа, а если это болезненный румянец? – спросила его дочь.

– Чушь, Маргарет! Я говорю тебе, ты стала слишком мнительной. Мне кажется, тебе самой нездоровится. Пошли завтра за доктором. Пусть он осмотрит тебя. А затем, если это успокоит тебя, попроси его взглянуть на мать.

– Спасибо, папа. Я буду рада исполнить твои указания.

Она подошла, чтобы поцеловать его, но он отстранил ее, хотя и нежно. Ситуация выглядела так, словно дочь рассердила его своими мрачными предположениями и он был рад избавиться не только от них, но и от ее присутствия. Мистер Хейл беспокойно зашагал по комнате.

– Бедная Мария! – произнес он, больше обращаясь к самому себе. – Если бы каждый из нас мог поступать правильно, не осложняя жизнь других людей! Если с ней что-нибудь случится, я возненавижу себя и этот город! Маргарет, милая, вы с матерью часто говорите о Хелстоне? Вспоминаете наш дом или соседей?

– Нет, папа, – грустно ответила дочь.

– Видишь! Значит, она не печалится о прошлом! Мне всегда нравились простота и открытость твоей матери. Я знал о каждой маленькой обиде, возникавшей в ее сердце. Она никогда не стала бы скрывать от меня серьезных тревог о своем здоровье. Разве я не прав? С ней все в порядке, Маргарет. Поэтому забудь о своих глупых подозрениях. Поцелуй меня и беги спать.

Но она слышала, как отец беспокойно шагал по комнате («енотил», как они с Эдит обычно говорили о такой манере ходьбы). Она разделась и легла в постель, а он все ходил и ходил.

## Глава 14 Мятеж

*Раньше я спал по ночам так же сладко, как ребенок.  
Теперь любой сильный ветер пробуждает меня  
И заставляет думать о моем бедном мальчике,  
Затерянном в ревуущих морях. Мне кажется,  
Что было жестоко забирать его от меня  
За такой маленький проступок.*

**Роберт Саути**

Маргарет радовалась, что между ней и матерью установились более нежные и близкие отношения, чем в дни ее детства. Миссис Хейл стала воспринимать дочь как доверенную подругу – именно об этом Маргарет всегда мечтала, завидуя Диксон. Дочь старалась выполнять любые просьбы матери, – а таких было много, даже если они казались пустяковыми. И она реагировала на них еще спокойнее, чем слон на маленькую занозу, когда он аккуратно поднимал ногу по приказу погонщика. Все это приближало Маргарет к награде.

Однажды вечером отец задержался у одного из учеников и мать завела разговор о Фредерике. Эта тема давно интересовала Маргарет, но из-за робости она боялась расспрашивать о брате. И чем больше ей хотелось услышать о нем, тем реже она упоминала его имя.

– Ах, Маргарет, какой ветер дул прошлой ночью! Он завывал в трубе, не позволяя мне заснуть. Я никогда не могу спать при сильном ветре. Это вошло в привычку после того, как Фредерик отправился служить на флот. Теперь, если я не просыпаюсь тут же, он снится мне в штормящем море, с огромными стеклянно-зелеными стенами волн у каждого борта корабля. И эти волны гораздо выше, чем мачты. Они нависают над судном, с шапками ужасной белой пены, словно какие-то гигантские оперенные змеи. Мой старый кошмар преследует меня лишь в ветреные ночи. Просыпаясь и вскакивая с постели, я дрожу от ужаса. Бедный Фредерик! Он теперь на суше, и ветер не может причинить ему вред. Хотя вчерашний шквал мог свалить несколько высоких печных труб.

– Мама, а где теперь Фредерик? Я знаю, что наши письма направляются в Кадис, к господам Барбур. Но где он сам?

– Я забыла название города. Теперь твой брат не Хейл. Запомни это, Маргарет. Ставь инициалы «Ф. Д.» в уголках писем. Он взял себе фамилию Диккенсон. Мне хотелось, чтобы его называли Бересфордом, на что он имеет полное право. Но твой отец посчитал это лишним. Ты же понимаешь, Фредерика могли бы найти по моей девичьей фамилии.

– Мама, когда с братом случилась беда, я жила у тети Шоу. Видимо, меня сочли не слишком взрослой и не стали рассказывать подробности. Но я хотела бы узнать о них... Сейчас, если можно. Надеюсь, вам не будет очень больно говорить об этом?

– Больно? Нет!

Щеки миссис Хейл покраснели еще больше.

– Мне только грустно думать о том, что я, наверное, никогда больше не увижу своего дорогого мальчика. И что он был ни в чем не виноват. Власти могут говорить все, что хотят, но у меня хранятся его письма. Я скорее поверю сыну, чем любому трибуналу на земле. Подойди к моему маленькому японскому шкафчику, дорогая. Там во втором левом ящике ты найдешь пачку его писем.

Маргарет выполнила просьбу матери. Эти пожелтевшие, орошенные морскими брызгами письма имели свой особый аромат, которым наделил их океан. Мать дрожащими пальцами развязала шелковую ленту и, проверяя даты, начала передавать письма Маргарет.

Прежде чем дочь успевала бегло прочитать несколько строк, миссис Хейл уже делала торопливые замечания об их содержании.

– Видишь, Маргарет, как ему с самого начала не нравился мистер Рейд? Он был лейтенантом на «Орионе», первом корабле Фредерика. Мой милый мальчик! Как хорошо он выглядел в своей мичманской форме, с кортиком в руке, которым он разрезал газеты, словно это был нож для бумаг! А этот мистер Рейд невзлюбил Фредерика уже в ту пору. Мерзкий человек! Подожди... Вот письмо, которое сын написал при переводе на другой корабль. Там, в команде «Рассела», оказался и его старый враг – капитан Рейд. Нашему Фредерику снова пришлось терпеть его тиранию. Вот! Прочитай это письмо! Он сам тут рассказывает... «Мой отец может рассчитывать на меня. Я со всем должным терпением вынесу то, что один офицер и джентльмен может сделать с другим офицером и джентльменом. Но, поскольку мне уже известен этот капитан, я предвижу долгий период тирании на борту “Рассела”». Видишь, Фредерик обещал терпеть, и я уверена, что он так и поступал. Он был послушным мальчиком, когда его не обижали. В этом письме он рассказывает, как капитан Рейд рассердился на команду из-за того, что они маневрировали медленнее, чем «Мститель». Понимаешь, у них на «Расселе» было много новичков, а «Мститель» почти три года стоял в порту и ничего не делал – военные охраняли рабов, а офицеры муштровали команду. Там матросы бегали вверх и вниз по снастям, как дрессированные крысы или обезьяны.

Маргарет медленно читала письмо, разбирая слегка нечеткие из-за побледневших и расплывшихся чернил строки. Это было обвинение в излишней жестокости, предъявленное капитану Рейду. Наверное, рассказчик несколько преувеличивал факты, поскольку он был зол и не успел остыть от вспышки гнева. Все началось с того, что несколько матросов находились на снастях грот-мачты. Самодур капитан приказал им спуститься вниз, пообещав наказать последнего ударами плетки-девятихвостки. Фредерик был дальним на рее. Он не мог обойти своих товарищей. Боясь бесчестия от унижительной порки, мичман отчаянно спрыгнул с перекладины в надежде ухватиться за канат, висевший значительно ниже. Промахнувшись, Фредерик упал на палубу и лишился чувств. Он очнулся через несколько часов, когда негодование команды дошло до точки кипения. На этом письмо молодого Хейла заканчивалось.

– Мы получили его письмо, уже узнав о восстании. Бедный Фред! Написав письмо, он даже не знал, как отправить его. Несчастный парень! Мы прочитали газетную статью о мятеже на борту «Рассела» задолго до того, как его письмо дошло до нас. В газете сообщалось, что бунтовщики захватили корабль, направились к торговым путям и, предположительно, занялись пиратством. Они усадили капитана Рейда и нескольких офицеров в лодку, отправив их на волю волн. К счастью, этих людей, чьи фамилии приводились в газете, подобрал вест-индийский пароход. Ах, Маргарет, с каким волнением мы с твоим папой читали этот список! Но в нем не оказалось Фредерика Хейла. Мы думали, что произошла какая-то ошибка. Ведь Фред был добрым парнем, пусть даже немного вспыльчивым. Какое-то время мы надеялись, что фамилия мичмана Карра, указанная в списке, на самом деле означала Хейла. Ты же знаешь, газетчики такие невнимательные, могли допустить опечатку! На следующий день твой отец отправился пешком в Саутгемптон. Он хотел купить свежие газеты. Я не могла оставаться дома и пошла встречать его. Он вернулся поздно, гораздо позже, чем предполагалось. Я сидела у большака под чьей-то оградой и ждала его. Когда он наконец появился на повороте дороги, его руки свисали по бокам, голова была опущена, а походка казалась такой тяжелой, словно каждый шаг давался ему через силу. О, Маргарет! Я и теперь часто вижу его таким.

– Не продолжай, – сказала дочь, ласково обнимая мать и целуя ее руку. – Мне уже все ясно.

– Ничего тебе не ясно! Тот, кто не видел его тогда, вряд ли поймет чувства отца. У меня перед глазами все закружилось, и я едва смогла подняться, чтобы пойти ему навстречу. И когда я обняла его, он даже слова не сказал. Он вообще не удивился, увидев меня там – более чем в трех милях от дома, рядом со старым олдхэмским буком. Но он взял в руки мою ладонь и стал гладить ее, словно хотел успокоить меня перед тяжелым ударом судьбы. Я так сильно дрожала, что не могла говорить. Он обнял меня, прижался лбом к моей голове и начал хрипло рыдать и стонать приглушенным голосом. Я ужасно перепугалась и оцепенела, потом стала умолять его, чтобы он рассказал мне все, о чем услышал. И тогда он вытащил газету. Его рука дергалась, будто ею управлял кто-то другой. Я прочитала газетную статью, где Фредерика называли «подлым предателем» и «отъявленным негодяем». Я не могу передать, какие ужасные слова они использовали. Прочитав статью, я разорвала газету на мелкие клочья. Порвала ее, да! Рвала зубами. Я не плакала, нет, не могла. Мои щеки горели огнем. Глаза жгло от возмущения. Я видела, как твой отец смотрел на меня. И я сказала ему, что это была ложь! А так и оказалось! Через несколько месяцев пришло письмо от Фреда, и мы узнали, как его провоцировали! Все случилось не из-за его переломов и ран, а из-за тирании капитана Рейда. Вот почему почти вся команда заступилась за Фредерика. И вот почему ситуация закончилась так плохо.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.